

ISSN: 2074-1944

ВОЕННОЕ ПРАВО

<http://www.voennoepravo.ru>

№ 1 (83) 2024

Редакционный совет

1. **Бут Надежда Дмитриевна**, доктор юридических наук, заведующий отделом проблем прокурорского надзора и укрепления законности в социально-экономической сфере НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации

2. **Воронов Александр Федорович**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса юридического факультета Московского государственного университета

3. **Ермолович Ярослав Николаевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

4. **Корякин Виктор Михайлович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета

5. **Маликов Сергей Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, председатель диссертационного совета по специальности «Военное право», профессор кафедры криминалистики Военного университета

6. **Свинных Евгений Анатольевич**, доктор юридических наук, доцент

7. **Сморчкова Лариса Николаевна**, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН

8. **Субанова Наталья Викторовна**, доктор юридических наук, доцент, проректор Университета прокуратуры Российской Федерации

9. **Туганов Юрий Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Российской таможенной академии

10. **Холиков Иван Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Издается с 2001 г.
Научные направления
периодического издания:
— Военные науки
— Юридические науки

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Эл 77-4305 от 16.01.2001 г.
Номер ISSN: 2074-1944

Издание включено в систему Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

Решением президиума Высшей аттеста-
ционной комиссии при Минобрнауки
России от 26 апреля 2019 г. издание
с 7 мая 2019 г. по 28 февраля 2023 г. было
включено в **Перечень**

**рецензируемых научных изданий, в
которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссер-
таций на соискание ученой степени
кандидата наук, ученой степени докто-
ра наук по группе научных специаль-
ностей 20.00.00 — Военные науки**
С 18 октября 2016 г. по 26 марта 2019 г.
издание было включено в указанный Пе-
речень по группе научных специаль-
ностей 12.00.00 — Юриспруденция
**С 4 сентября 2023 г. издание включено
в указанный Перечень по группе науч-
ных специальностей 6.0.0 — Военные
науки (№ 872 Перечня по состоянию на
19.12.2023)**

Главный редактор —
КОРЯКИН
Виктор Михайлович,
доктор юридических наук,
профессор
e-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

Ведущий редактор —
ГУСЕЙНОВА
Альбина Джабаровна

Адрес в интернете
<http://www.voennoepravo.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Указатель сокращений	5
Военно-административное право	
1. Кириченко Н.С., Вологжина Ю.В. Правовое регулирование защиты государственной тайны в области обороны государства	8
2. Киселев Н.П. Проблема конкуренции процессуальных форм при применении к военнослужащим антикоррупционных инструментов противодействия незаконному обогащению	15
3. Кузнецов А.М., Шанхаев С.В. Некоторые правоприменительные проблемы при привлечении военнослужащих к административной ответственности (процессуальный аспект)	26
4. Погорелов С.А., Роганов С.А. Вопросы противодействия коррупции в войсках национальной гвардии	32
Военная служба. Социальные гарантии и статус военнослужащих	
5. Калашников В.В., Харитонов С.С. Проблемы практического применения норм военного законодательства об увольнении с военной службы (по материалам военных судов)	37
6. Кириченко Н.С., Александрова Н.Г., Богданов С.Л. Юридическая ответственность граждан, пребывающих в добровольческих формированиях	51
7. Корякин В.М. Военно-социальная составляющая федерального бюджета на 2024 г.	57
8. Яковец Е.Н. Как упорядочить боевые выплаты участникам специальной военной операции?.....	65
Военные аспекты гражданского права	
9. Зайков Д.Е. Отчет о результатах деятельности государственного учреждения и об использовании закрепленного за ним государственного имущества: проблемы применения в Вооруженных Силах Российской Федерации	73
10. Новопашина У.С. О некоторых вопросах наследования имущества погибшего участника СВО и распределения обязательных выплат, связанных с его гибелью	79
Судебная деятельность	
11. Зайков Д.Е. Обжалование актов проверки по результатам ведомственного финансового контроля: проблемы определения подсудности	88
12. Корчемкин М.Э. Особенности судебной защиты прав безвестно отсутствующих и умерших граждан (военнослужащих) в ходе проведения специальной военной операции	94
13. Кукушкин М.В. Вопросы подсудности уголовных дел, дел об административных правонарушениях в отношении граждан, призванных на военную службу по мобилизации	97

Уголовное право, криминология, уголовный процесс и криминалистика

14. Власов С.Ю., Харитонов С.С. Истинность приговора (военно-судебная практика)	100
15. Зюбанов Ю.А., Харитонов С.С. Уголовное наказание по материалам военно-судебной практики: проблемы правоприменения	109
16. Киселев Н.П. Использование результатов таможенного контроля в доказывании по уголовным делам о контрабанде наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)	114

Военные проблемы международного права. Зарубежное военное законодательство

17. Вотченко И.А., Петухова М.В. Геополитические интересы России в Азиатско-Тихоокеанском регионе	123
18. Минтягов С.А. Международно-правовой статус российских военных полицейских как участников военных конфликтов	128

Указатель сокращений

- абз.** — абзац
- АПК РФ** — Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации
- АТР** — Азиатско-Тихоокеанский регион
- БК РФ** — Бюджетный кодекс Российской Федерации
- БМД** — броневая машина десанта
- БМП** — броневая машина пехоты
- БПЛА** — беспилотный летательный аппарат
- ВВК** — военно-врачебная комиссия
- ВВС** — Военно-воздушные силы
- ВДВ** — Возушно-десантные войска
- ВСУ** — Вооруженные силы Украины
- ГАС** — государственная автоматизированная система
- ГК РФ** — Гражданский кодекс Российской Федерации
- ГПК РФ** — Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации
- гл.** — глава
- ГФС России** — Государственная фельдгерская служба
- ГУСП** — Главное управление специальных программ
- ДТП** — дорожно-транспортное происшествие
- ДУ ВС РФ** — Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации
- ЕврАзЭС** — Евразийский экономический союз
- ЗРК** — зентиный ракетный комплекс
- КАС РФ** — Кодекс административного судпроизводства Российской Федерации
- КНДР** — Корейская Народно-Демократическая Республика
- КНР** — Китайская Народная Республика
- КоАП РФ** — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях
- МВД России** — Министерство внутренних дел Российской Федерации
- Минобороны России** — Министерство обороны Российской Федерации
- Минфин России** — Министерство финансов Российской Федерации
- Минюст России** — Министерство юстиции Российской Федерации
- млн.** — миллион
- млрд.** — миллиард
- МРОТ** — минимальный размер оплаты труда
- МТЛБ** — многоцелевой транспортёр-тягач лёгкий бронированный
- МЧС России** — Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий
- НАТО** — Организация Североатлантического Договора (англ. North Atlantic Treaty Or-

ganization, NATO)

НИС — накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

НОЦ — научно-образовательный центр

ООО — общество с ограниченной ответственностью.

п. — пункт

ПЗРК — переносной зенитно-ракетный комплекс

подп. — подпункт

РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия

Росгвардия — Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации

Роспотребнадзор — Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека

Росреестр — Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии

Росрезерв — Федеральное агентство по государственным резервам

Росфинмониторинг — Федеральная служба по финансовому мониторингу

РСЗО — ракетная система залпового огня

руб. — рубль, рублей

САУ — самоходная артиллерийская установка

СВО — специальная военная операция

СВР России — Служба внешней разведки Российской Федерации

СК России — Следственный комитет Российской Федерации

СК РФ — Семейный кодекс Российской Федерации

СПС — справочная правовая система

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ст. — статья

США — Соединенные Штаты Америки

ТК — Таможенный кодекс

тыс. — тысяча

УГКЦ — Украинская греко-католическая церковь

УВП ВС РФ — Устав военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации

УВС ВС РФ — Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации

УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации

УПА — Украинская повстанческая армия

УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

УПЦ КП — Украинская православная церковь Киевского патриархата

УПЦ МП — Украинская православная церковь Московского патриархата

ФАТФ — Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег. Межправительственная организация, которая занимается выработкой мировых стандартов в сфере противодействия отмыванию преступных доходов финансированию терроризма

ФАУ — федеральное автономное учреждение

ФГАУ — Федеральное государственное автономное учреждение

ФГБОУ ВО — федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

ФГКВОУ ВО — федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования

ФГКУ — федеральное государственное казенное учреждение

ФМБА России — Федеральное медико-биологическое агентство

ФСБ России — Федеральная служба безопасности Российской Федерации

ФСО России — Федеральная служба охраны Российской Федерации

ФСВТС России — Федеральная служба по военно-техническому сотрудничеству

ФСТЭК России — Федеральная служба по техническому и экспортному контролю

ФТС России — Федеральная таможенная служба

ЦРУ — Центральное разведывательное управление

ч. — часть

Военно-административное право

Правовое регулирование защиты государственной тайны в области обороны государства

© Кириченко Николай Сергеевич,
кандидат юридических наук, юрист
© Вологжина Юлия Викторовна,
преподаватель кафедры безопасности
жизнедеятельности и основ военной подготовки
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
университет»

Аннотация. Государственная тайна представляет собой информацию, разглашение или предоставление несанкционированного доступа к которой может повлечь за собой причинение ущерба интересам государства. К таким сведениям также относится различная информация в области обороны государства. При этом защита сведений, составляющих государственную тайну в указанной сфере, является важным фактором, от которого также зависит безопасность и обороноспособность нашей страны. В настоящей статье представлен краткий обзор нормативного регулирования института защиты сведений, составляющих государственную тайну в области обороны, как важного элемента системы поддержания обороноспособности нашего государства.

Ключевые слова: государственная тайна, военная тайна, служебная информация, служебная тайна, защита сведений, безопасность государства, оборона государства.

Legal regulation of the protection of state secrets in the field of state defense

© Kirichenko N. S.,
Candidate of Law, lawyer
© Vologzhina Yu.V.,
teacher of the Department of Life Safety and Fundamentals of Military Training, VSU

Abstract. A State secret is information, the disclosure or provision of unauthorized access to which may entail damage to the interests of the State. Such information also includes various information in the field of State defense. At the same time, the protection of information constituting a state secret in this area is an important factor on which the security and defense capability of our country also depends. This article provides a brief overview of the regulatory regulation of the institute for the protection of information constituting a state secret in the field of defense, as an important element of the system for maintaining the defense capability of our state.

Keywords: state secret, military secret, official information, official secret, protection of information, security of the state, defense of the state.

Поддержание обороноспособности и безопасности государства является одним из важных условий, необходимых для его существования, а также обеспечения жизнедеятельности его населения. В свою очередь организация безопасности страны невозможна без надлежащего функционирования системы защиты информации,

разглашение которой может нанести существенный вред интересам государства, то есть, без обеспечения защиты сведений, составляющих государственную тайну.

Данная тема, а также ее отдельные аспекты рассматривались в различных рабо-

тах российских ученых¹.

В социалистический период развития нашего государства институт служебной тайны входил в более широкую категорию «государственные секреты» и занимал определенную нишу в отечественной системе ограничений на доступ к информации. К данной категории относились сведения с грифом «Секретно». Перечни таких сведений формировались министерствами и ведомствами для защиты сведений, неправомерное распространение которых могло нанести ущерб определенной группе государственных интересов².

Согласно п. 11 ст. 2 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» организация обороны включает обеспечение защиты сведений, составляющих государственную тайну в области обороны и служебную тайну в области обороны.

В соответствии со ст. 3.1 Закона об обороне служебную тайну в области обороны составляют сведения, которые образуются при осуществлении полномочий

органами государственной власти Российской Федерации, функций органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и организациями по организации и выполнению мероприятий в области обороны, распространение которых может нанести вред при выполнении указанных мероприятий. Перечень сведений, отнесенных к служебной тайне в области обороны, содержит не отнесенные в установленном порядке к государственной тайне и не являющиеся общедоступными сведения о мероприятиях в области обороны, определенных ст. 2 данного Федерального закона. Право на отнесение информации к сведениям, составляющим служебную тайну в области обороны, и определение перечней сведений, подлежащих отнесению к служебной тайне в области обороны, а также их утверждение принадлежит руководителям федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба (при наличии такой информации). Указанные перечни подлежат опубликованию в открытом доступе. Основанием для отнесения сведений к служебной тайне в области обороны является их соответствие перечням сведений, подлежащих отнесению к служебной тайне в области обороны, утвержденным руководителями федеральных органов исполнительной власти или федеральных государственных органов, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба. Порядок обращения со сведениями, составляющими служебную тайну в области обороны, определяется Правительством Российской Федерации. Сведения, составляющие служебную тайну в области обороны, являются информацией ограниченного доступа и не подлежат разглашению. Лица, получившие доступ к информации, содержащей сведения, составляющие служебную тайну в области обороны, в связи с исполнением служебных или профессиональных обязанностей, обязаны соблюдать конфиденциальность такой информации и не разглашать указанные сведения без согласия соответствующих органов государ-

¹ См. напр.: Бабаков А.Л. Правовой режим допуска военнослужащих и лиц гражданского персонала к сведениям, составляющим государственную тайну // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. 2011. № 10. С. 22—26; Белков А.П. Защита сведений, составляющих государственную тайну, как правовой инструмент обеспечения военной безопасности государства // *Военное право*. 2020. № 3 (61). С. 20—28; Дамаскин О.В., Холиков И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных военных конфликтов // *Вестник Академии военных наук*. 2018. № 4(65). С. 121—128; Нестеренко Д.Т., Кудашкин А.В. К вопросу о сущности секретного изобретения и признании недействительным патента на него // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. 2018. № 2. С. 106—110; Корякин В.М. Обеспечение безопасности пунктов управления государством и Вооруженными Силами Российской Федерации, иных специальных объектов мобилизационного назначения // *Военное право*. 2022. № 5 (75). С. 15—20; Соколов М.С. Некоторые вопросы противодействия угрозам информации, составляющей военную тайну // *Военное право*. 2013. № 4.

² Зайков Д.Е. Служебная тайна как институт защиты информации // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. 2019. № 7. С. 22—27.

ственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций, предоставивших данные сведения. Лица, допустившие разглашение сведений, составляющих служебную тайну в области обороны, получившие доступ к такой информации в связи с исполнением служебных или профессиональных обязанностей, несут предусмотренную законодательством Российской Федерации ответственность.

Исходя из положений ст. 5 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» государственную тайну составляют, в том числе, сведения в военной области:

— о содержании стратегических и оперативных планов, документов боевого управления по подготовке и проведению операций, стратегическому, оперативному и мобилизационному развертыванию Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, предусмотренных Законом об обороне, об их боевой и мобилизационной готовности, о создании и об использовании мобилизационных ресурсов;

— о планах строительства Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск Российской Федерации, о направлениях развития вооружения и военной техники, о содержании и результатах выполнения целевых программ, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по созданию и модернизации образцов вооружения и военной техники;

— о разработке, технологии, производстве, об объемах производства, о хранении, об утилизации ядерных боеприпасов, их составных частей, делящихся ядерных материалов, используемых в ядерных боеприпасах, о технических средствах и (или) методах защиты ядерных боеприпасов от несанкционированного применения, а также о ядерных энергетических и специальных физических установках оборонного значения;

— о тактико-технических характеристиках и возможностях боевого применения образцов вооружения и военной тех-

ники, о свойствах, рецептурах или технологиях производства новых видов ракетного топлива или взрывчатых веществ военного назначения;

— о дислокации, назначении, степени готовности, защищенности режимных и особо важных объектов, об их проектировании, строительстве и эксплуатации, а также об отводе земель, недр и акваторий для этих объектов;

— о дислокации, действительных наименованиях, об организационной структуре, о вооружении, численности войск и состоянии их боевого обеспечения, а также о военно-политической и (или) оперативной обстановке.

Кроме этого, в соответствии с полномочиями, предоставленными ст. 4 Закона о государственной тайне, Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203 был утвержден перечень сведений, отнесенных к государственной тайне, а также, издано распоряжение от 16 апреля 2005 г. № 151-рп «О перечне должностных лиц органов государственной власти и организаций, наделяемых полномочиями по отнесению сведений к государственной тайне».

Исходя из указанного Перечня к сведениям в военной области относятся:

— сведения, раскрывающие план применения Вооруженных Сил Российской Федерации, оперативные планы применения (планы боевого применения) войск, содержание мероприятий, касающихся военных действий и их обеспечения, боевого управления или перевода с мирного на военное время, а также боевые задачи носителям ядерного оружия;

— сведения, раскрывающие планы применения войск в мирное время в специальных (контртеррористических) операциях или мероприятиях по обеспечению защиты государства, общества и личности от антиконституционных действий и противоправного вооруженного насилия, в том числе применительно к территориям других государств;

— сведения о содержании документов по приведению войск в различные степени боевой готовности, о составе или состоянии систем управления войсками;

— сведения, раскрывающие планы, направленность или содержание мероприятий оперативной, боевой или мобилизационной подготовки войск;

— сведения о содержании мобилизационных планов (планов отмотобилизования), документов об управлении мобилизационным развертыванием войск, о мобилизационной готовности войск, о возможностях их комплектования личным составом, обеспечения вооружением, военной техникой, другими материальными, финансовыми средствами или воинскими перевозками;

— сведения о государственной системе предотвращения несанкционированного применения ядерного оружия, оружия повышенной потенциальной опасности, о технических системах, средствах и (или) методах защиты ядерного оружия, оружия повышенной потенциальной опасности от несанкционированного применения;

— сведения, раскрывающие порядок санкционирования применения ядерного оружия, в том числе организацию боевого управления войсками и содержание документов боевого управления;

— сведения о планах строительства (совершенствования), развитии, численности, боевом составе, боевых возможностях или количестве войск, состоянии боевой готовности войск, состоянии боевого обеспечения, составе дежурных сил (средств) и состоянии их готовности, а также сведения, содержащие анализ военно-политической или оперативной обстановки;

— сведения, раскрывающие потери личного состава в военное время, в мирное время в период проведения специальных операций;

— сведения о содержании или результатах выполнения целевых программ, научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ по созданию или модернизации вооружения, военной техники, в том числе применительно к ядерным боеприпасам, ядерным зарядам и их составным частям;

— сведения, раскрывающие содержание ранее осуществлявшихся работ в области оружия массового поражения, достиг-

нутые при этом результаты, состав образца, рецептуру, технологию производства или снаряжения изделий;

— сведения о разработке, технологии, производстве, об объемах производства, о хранении, об утилизации ядерных боеприпасов, их составных частей, делящихся материалов, используемых в ядерных боеприпасах;

— сведения об оперативно-технических требованиях к системам и средствам управления стратегическими ядерными силами;

— сведения о ядерных энергетических или специальных физических установках оборонного значения;

— сведения о тактико-технических требованиях, тактико-технических характеристиках, возможностях боевого применения вооружения, военной техники;

— сведения, раскрывающие направление развития, содержание разработки вооружения, военной техники; конструкцию, технологию изготовления вооружения, военной техники; физические, химические свойства, изотопный состав материалов, применяемых при создании вооружения, военной техники; боевые, физические, химические или ядерные свойства вооружения, военной техники; порядок применения или эксплуатации вооружения, военной техники; в том числе применительно к ядерным боеприпасам, ядерным зарядам и их составным частям;

— сведения, раскрывающие состояние метрологического обеспечения вооружения, военной техники, технические или метрологические характеристики военных эталонов, средств метрологического обеспечения, определяющие качественно новый уровень вооружения, военной техники; основные направления, программы развития стандартизации или содержание стандартов в области вооружения, военной техники;

— сведения, раскрывающие свойства, рецептуру или технологию производства ракетных топлив, а также баллистических порохов, взрывчатых веществ или средств взрывания военного назначения, а также новых сплавов, спецжидкостей, новых топлив для вооружения и военной техни-

ки;

— сведения об объектах инженерной инфраструктуры, о дислокации, назначении, степени готовности, защищенности, обеспечении безопасности или эксплуатации режимных объектов, не подпадающие под обязательства Российской Федерации по международным договорам, о выборе, предоставлении земельных участков, недр, акваторий или воздушного пространства для строительства или эксплуатации режимных объектов, о планируемых или проводимых изыскательских, проектных, строительно-монтажных и иных работах по созданию режимных объектов, в том числе применительно к специальным объектам, запасным пунктам управления федеральных органов исполнительной власти, а также к ядерным оружейным объектам;

— сведения о проектировании, сооружении, эксплуатации, обеспечении безопасности объектов ядерного комплекса, о физической защите ядерных материалов, изделий на их основе, ядерных установок, пунктов хранения ядерных материалов, об охране ядерно опасных или радиационно опасных объектов;

— сведения, раскрывающие дислокацию, назначение, степень готовности, действительные наименования, организационную структуру, вооружение, численность войск, не подлежащие открытому объявлению в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации;

— сведения, раскрывающие организацию или функционирование всех видов связи, радиолокационного, радиотехнического обеспечения войск;

— сведения, раскрывающие распределение, использование полос радиочастот радиоэлектронными средствами военного или специального назначения.

Как мы видим, указанный Перечень очень обширный.

В соответствии с указанным Распоряжением полномочиями по отнесению сведений к государственной тайне наделены:

— Руководитель Администрации Президента Российской Федерации;

— Заместитель Председателя Прави-

тельства Российской Федерации — Руководитель Аппарата Правительства Российской Федерации;

— Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации — Министр промышленности и торговли Российской Федерации;

— Министр внутренних дел Российской Федерации;

— Министр Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий;

— Министр иностранных дел Российской Федерации;

— Министр обороны Российской Федерации;

— Министр юстиции Российской Федерации;

— Министр здравоохранения Российской Федерации;

— Министр науки и высшего образования Российской Федерации;

— Министр природных ресурсов и экологии Российской Федерации;

— Министр сельского хозяйства Российской Федерации;

— Министр транспорта Российской Федерации;

— Министр цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации;

— Министр строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации;

— Министр финансов Российской Федерации;

— Министр экономического развития Российской Федерации;

— Министр энергетики Российской Федерации;

— Председатель Банка России;

— Директор ГФС России;

— Директор СВР России;

— Директор ФСБ России;

— Директор Росгвардии — главнокомандующий войсками национальной гвардии Российской Федерации;

— Директор ФСО России;

— Начальник ГУСПа;

— Директор ФСТЭК России;

— Руководитель ФТС России;

— Генеральный директор Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»;

— Генеральный директор Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос»;

— Директор ФСВТС России;

— Директор Росфинмониторинга;

— Руководитель Роспотребнадзора;

— Руководитель Росрезерва;

— Руководитель Росреестра;

— Руководитель ФМБА России.

За нарушение законодательства в сфере защиты государственной тайны российским законодательством предусмотрены различные виды ответственности, перспектива развития которой также рассматривалась различными учеными¹.

Так, например, УК РФ содержит ряд статей, предусматривающих уголовную ответственность за такие нарушения, например, государственная измена (ст. 275); шпионаж (ст. 276); разглашение государственной тайны (ст. 283); незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну (ст. 283.1); нарушение требований по защите государственной тайны (ст. 283.2); утрата документов, содержащих государственную тайну (ст. 284).

Следует отметить, что имеется и судебная практика об обжаловании гражданами решений должностных лиц федеральных органов исполнительной власти по отнесению различной информации к

сведениям, составляющим государственную тайну².

В заключении данной статьи можно сделать вывод о том, что без всяких сомнений, защита сведений, составляющих государственную тайну, является важным фактором, напрямую влияющим на обеспечение обороны и безопасности страны. Утрата таких сведений может принести значительный ущерб интересам нашего государства.

Библиография

1. Бабаков, А.Л. Правовой режим допуска военнослужащих и лиц гражданского персонала к сведениям, составляющим государственную тайну / А.Л. Бабаков // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2011. — № 10. — С. 22—26.

2. Белков, А.П. Защита сведений, составляющих государственную тайну, как правовой инструмент обеспечения военной безопасности государства / А.П. Белков // *Военное право*. — 2020. — № 3 (61). — С. 20—28.

3. Дамаскин, О.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных военных конфликтов / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // *Вестник Академии военных наук*. — 2018. — № 4(65). — С. 121—128. — EDN APXXIV.

4. Зайков, Д.Е. Служебная тайна как институт защиты информации / Д.Е. Зайков // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 7. — С. 22—27.

5. Землин, А.И. Дисциплинарная ответственность военнослужащих за нарушения законодательства в области защиты государственной тайны: вопросы теории и практики / А.И. Землин, В.В. Кравцов // *Военное право*. — 2021. — № 6 (70). — С. 207—218.

6. Кириченко, Н.С. О причинении военнослужащими материального ущерба государству вследствие утраты (разглашения) информации / Н.С. Кириченко // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 7 (276). — С. 39—43.

7. Корякин, В.М. Обеспечение безопасности пунктов управления государством и вооруженными силами российской федерации, иных специальных объектов мобилизационного назначения / В.М. Корякин // *Военное право*. — 2022. — № 5 (75). — С. 15—20.

8. Нестеренко, Д.Т. К вопросу о сущности секретного изобретения и признании недействитель-

¹ См. напр.: Землин А.И., Кравцов В.В. Дисциплинарная ответственность военнослужащих за нарушения законодательства в области защиты государственной тайны: вопросы теории и практики // *Военное право*. 2021. № 6 (70). С. 207—218; Кириченко Н.С. О причинении военнослужащими материального ущерба государству вследствие утраты (разглашения) информации // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2020. № 7 (276). С. 39—43; Смирнов Д.В., Сотникова В.В. Об особенностях уголовно-правовой квалификации преступлений, предусмотренных статьей 283² УК РФ // *Военное право*. 2023. № 3 (79). С. 199—208; Харитонов С.С. О некоторых вопросах правового регулирования привлечения военнослужащих к дисциплинарной ответственности за нарушения в области защиты государственной тайны // *Военное право*. 2020. № 4 (62). С. 112—114.

² См. напр.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 31 августа 2011 г. № 5-Г11-139; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 ноября 2018 г. № АКПИ18-964.

ным патента на него / Д.Т. Нестеренко, А.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. — 2018. — № 2. — С. 106—110.

9. Смирнов, Д.В. Об особенностях уголовно-правовой квалификации преступлений, предусмотренных статьей 2832 УК РФ / Д.В. Смирнов, В.В. Сотникова // Военное право. — 2023. — № 3 (79). — С. 199—208.

10. Соколов, М.С. Некоторые вопросы проти-

водействия угрозам информации, составляющей военную тайну / М.С. Соколов // Военное право. — 2013. — № 4.

11. Харитонов, С.С. О некоторых вопросах правового регулирования привлечения военнослужащих к дисциплинарной ответственности за нарушения в области защиты государственной тайны / С.С. Харитонов // Военное право. — 2020. — № 4 (62). — С. 112—114.

Использование результатов таможенного контроля в доказывании по уголовным делам о контрабанде наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)

© Киселев Никита Павлович,
юрист

Аннотация. В статье рассматривается криминалистическое значение результатов таможенного контроля в доказывании по уголовным делам о контрабанде наличных денежных средств и (или) денежных инструментов в сопоставлении с криминалистической структурой события указанного преступления, сформулированы особенности проверки и процессуального закрепления результатов таможенного контроля в рамках предварительного расследования, выделены критерии признания указанных доказательств по уголовному делу недопустимыми.

Ключевые слова: контрабанда, наличные денежные средства, денежные инструменты, таможенный контроль, предварительное расследование, предмет доказывания, допустимость доказательств, криминалистическая характеристика события преступления.

The use of the results of customs control in proving criminal cases of smuggling of cash and (or) monetary instruments (Article 200.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)

© Kiselev N.P.,
lawyer

Annotation. The article deals with the use of the customs control results as evidence in criminal cases on smuggling of cash and monetary instruments basing on the forensic structure of that crime. The author formulates the features of verification and procedural consolidation of the results of customs control in preliminary investigation, highlights the criteria for recognizing the specified evidence in a criminal case as inadmissible evidence.

Key words: smuggling, cash, monetary instruments, customs control, preliminary investigation, subject of proof, admissibility of evidence, forensic characteristics of the crime event.

Незаконное трансграничное перемещение наличных денежных средств и (или) денежных инструментов признается одним из основных рисков в сфере легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем¹, и финансирования терроризма², что подтверждается документами

¹ Национальная оценка рисков легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем 2021—2022 гг. (RUS): публичный отчет Росфинмониторинга // Официальный сайт Росфинмониторинга. 2022. <https://fedsfm.ru/fm/nor> (дата обращения: 05.10.2023). С. 39—40.

² Там же. С. 18—19.

стратегического планирования Российской Федерации. Так, в соответствии с Концепцией развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, утвержденной Президентом Российской Федерации 30 мая 2018 г.³, к числу основных рисков в указанной сфере отнесены перевод безна-

³ Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5310> (дата обращения: 30.10.2023).

личных денежных средств в теневой наличный оборот и незаконный вывод денежных средств и иных активов за рубеж. Согласно подп. «в» п. 8 вышеуказанной Концепции противодействие данным рискам в Российской Федерации осуществляется с учетом рекомендаций Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), которые продолжают определять основные направления государственной политики Российской Федерации в данной сфере¹, несмотря на приостановление членства Российской Федерации в указанной межправительственной организации².

Так, Рекомендацией № 32 ФАТФ³ предусмотрено, что в целях выявления физического трансграничного перемещения наличных денег странам-участницам ФАТФ целесообразно предусмотреть:

1) систему декларирования курьерами перевозимых ими наличных денежных средств и денежных инструментов;

2) полномочия компетентных органов приостанавливать или ограничивать перемещение наличных денежных средств или оборотных инструментов на предъявителя, в отношении которых имеются подозрения в связи с финансированием терроризма, или отмыванием денег, или предикатными преступлениями, или которые недостоверно задекларированы, или о которых представлена недостоверная информация;

¹ Бирюков П.Н. Имплементация документов ФАТФ в правовой системе Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 2 (62). С. 122.

² Заявление Росфинмониторинга в связи с решением о приостановке членства Российской Федерации в ФАТФ от 24.02.2023. URL: <https://fedsfm.ru/releases/6372> (дата обращения: 24.09.2023).

³ Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения: рекомендации ФАТФ // Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. 2021. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132941/St10-21_RU.PDF (дата обращения: 30.10.2023).

3) наличие эффективных, соразмерных и сдерживающих санкций в отношении лиц, которые осуществляют недостоверное декларирование;

4) конфискацию наличных денег и (или) денежных инструментов, незаконно перемещаемых через границу⁴.

В Российской Федерации как в государстве — члене Евразийского экономического союза (ЕврАзЭС) первые две из вышеуказанных мер реализованы в таможенном законодательстве и обеспечиваются таможенными органами, в то время как третья и четвертая — в уголовном законодательстве путем введения уголовной ответственности за контрабанду наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, предусмотренной ст. 200.1 УК РФ, а также самостоятельного основания для конфискации предмета указанного преступления, предусмотренного п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ.

В соответствии с диспозицией ст. 200.1 УК РФ уголовная ответственность наступает за незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС⁵ денежных средств и (или) денежных инструментов. При этом в соответствии с подп. 25, 27 п. 1 ст. 2 Таможенного кодекса ЕврАзЭС⁶, п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 г. № 12⁷ и с учетом специфики предмета контрабанды, предусмотренного ст. 200.1 УК РФ, можно выделить следующие способы

⁴ Панфилова Н.Е. Контрабанда денежных средств и инструментов, алкоголя и табачных изделий: уголовно-правовые и криминологические проблемы : монография. 2018. С. 35.

⁵ Далее — таможенная граница.

⁶ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза : приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г. (с последующими изменениями) // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <http://www.eaeunion.org/>. 12.04.2017. Доступ из СПС КонсультантПлюс. Далее – ТК ЕврАзЭС.

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 г. № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде».

перемещения через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС наличных денежных средств и (или) денежных инструментов: вне установленных мест или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах, либо с сокрытием от таможенного контроля, либо с их недостоверным декларированием или недекларированием. Анализ судебно-следственной практики показывает, что наиболее распространенными способами совершения выявляемой таможенными органами контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов являются их незаконное перемещение через таможенную границу с сокрытием от таможенного контроля и (или) недекларированием¹. Данные способы совершения преступления предполагают прохождение лицом, перемещающим денежные средства и (или) денежные инструменты через таможенную границу, таможенного контроля, под которым в силу подп. 41 п. 1 ст. 2 ТК ЕврАзЭС понимается совокупность совершаемых таможенными органами действий, направленных на проверку и (или) обеспечение соблюдения международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования и законодательства государств-членов о таможенном регулировании. В связи с этим большинство преступлений, предусмотренных ст. 200.1 УК РФ, выявляются именно при проведении таможенными органами таможенного контроля, даже если предварительная информация о подготовке совершения указанного преступления была получена в рамках оперативно-разыскной

деятельности².

Таким образом, таможенный контроль, имея своим прямым назначением противодействие незаконному перемещению товаров через таможенную границу, представляет собой специальный непроцессуальный механизм выявления, пресечения и документирования преступлений³, предусмотренных ст. 200.1 УК РФ, равно как и иных разновидностей контрабанды. Результаты таможенного контроля содержат криминалистически значимую информацию, характеризующую основные элементы криминалистической структуры события⁴ контрабанды наличных денег и (или) денежных инструментов (субъект, его физическая и психическая деятельность, предмет контрабанды, а также место и время ее совершения), что обуславливает их высокое доказательственное значение по уголовным делам о преступлениях данного вида.

Обобщением правоприменительной практики подтверждается, что наиболее часто контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов выявляется таможенными органами в рамках применения к физическим лицам, пересекающим таможенную границу, на основании абз. 2 п. 2 ст. 310 ТК ЕврАзЭС таких форм таможенного контроля, как таможенный осмотр, таможенный досмотр, личный таможенный досмотр, получение объяснений, а также путем применения такой меры, обеспечивающей проведение таможенного контроля, как

¹ См., например: приговор Минераловодского городского суда Ставропольского края от 24.08.2016 по делу № 1-367/2016; приговор Минераловодского городского суда Ставропольского края от 29.12.2022 по делу № 1-522/2022; постановление Химкинского городского суда Московской области от 13.07.2022 по делу № 1-530/2022 // ГАС «Правосудие».

² Приговор Обского городского суда Новосибирской области от 13.06.2017 по делу № 1-23/2017 // ГАС «Правосудие» (дата обращения: 15.09.2023).

³ Шушкевич А.Г. Таможенный контроль как непроцессуальный способ выявления административных таможенных правонарушений // Вестник Российской таможенной академии. 2020. № 2. С. 121.

⁴ Густов Г.А. Расследование должностных хищений в торговле. Часть I. Криминалистическая характеристика преступлений: изд. 4-е, переработанное и дополненное. Институт усовершенствования следственных работников при Прокуратуре СССР. Л., 1991. С. 6.

устный опрос (подп. 1 п. 1 ст. 338 ТК ЕврАзЭС).

В соответствии со ст. 339 ТК ЕврАзЭС должностные лица таможенных органов вправе проводить устный опрос физических лиц, их представителей, а также лиц, являющихся представителями организаций, в целях получения сведений, имеющих значение для проведения таможенного контроля, без оформления результатов опроса. Устный опрос используется должностными лицами таможенных органов в качестве формы установления первичного контакта с лицом, пересекающим таможенную границу и находящимся в зоне таможенного контроля. В ходе устного опроса в целях выявления возможного совершения преступления, предусмотренного ст. 200.1 УК РФ, устанавливаются сведения о наличии у такого лица при себе или в сопровождаемом багаже наличных денежных средств и (или) денежных средств, подлежащих декларированию, а также об их сумме или номинальной стоимости. Сообщение лицом, пересекающим таможенную границу, в ходе устного опроса недостоверных сведений подтверждает наличие у него умысла на незаконное перемещение указанных предметов через таможенную границу. Впоследствии, после процессуального закрепления данного обстоятельства в форме показаний свидетелей (должностных лиц таможенного органа), а также осмотра видеозаписей со звуковым сопровождением из зоны таможенного контроля (при наличии) по уголовному делу, обстоятельства производства устного опроса будут подтверждать виновность лица в совершении преступления, предусмотренного ст. 200.1 УК РФ, и форму его вины (п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ).

Однако нередки случаи, когда уже при проведении устного опроса лицо, пересекающее таможенную границу, сообщает должностному лицу таможенного органа достоверные сведения о наличии при нем денежных средств и

(или) денежных инструментов в сумме, перемещение которой образует состав преступления, предусмотренного ст. 200.1 УК РФ. В этой ситуации должностные лица таможенного органа, а впоследствии и лицо, осуществляющее предварительное расследование (процессуальную проверку в порядке, предусмотренном ст. 144, 145 УПК РФ), обязаны установить или исключить наличие оснований для освобождения лица, перемещающего наличные денежные средства и (или) денежные инструменты, от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ч. 2 ст. 75 УК РФ). Так, в соответствии с п. 4 примечаний к ст. 200.1 УК РФ лицо, добровольно сдавшее наличные денежные средства и (или) денежные инструменты, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления; при этом добровольной сдачей наличных денежных средств и (или) денежных инструментов не могут признаваться их обнаружение при применении форм таможенного контроля, их изъятие при задержании лица, а также при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию. В соответствии с п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 г. № 12 добровольная сдача означает выдачу наличных денежных средств и (или) денежных инструментов представителям правоохранительных органов по своей воле, несмотря на реальную возможность распорядиться ими.

Принимая во внимание, что устный опрос в настоящее время не относится к числу предусмотренных ст. 322 ТК ЕврАзЭС форм таможенного контроля¹ и при его проведении исключено принудительное обнаружение скрываемых наличных денежных средств и (или)

¹ Кузнецов А.В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности по примечанию 4 к ст. 200.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8 (69). С. 129—135.

денежных инструментов, незаконно перемещаемых через таможенную границу, а также учитывая, что проведение устного опроса само по себе не свидетельствует о намерении должностного лица таможенного органа применить в отношении лица, пересекающего таможенную границу, предусмотренные ТК ЕврАзЭС формы таможенного контроля (поскольку формы таможенного контроля применяются выборочно), представляется возможным утверждать, что сообщение лицом о перевозимых им наличных денежных средствах и (или) денежных инструментах в ходе устного опроса с учетом конкретных обстоятельств может расцениваться в качестве обстоятельства, являющегося основанием для его освобождения от уголовной ответственности. Более того, в случае если в пункте пропуска система «двойного коридора» не применяется и в соответствии с абз. 3 п. 8 ст. 258 ТК ЕврАзЭС предусмотрена возможность совершать таможенные операции в отношении перемещаемых товаров для личного пользования, не покидая транспортные средства, сообщение должностному лицу таможенного органа в ходе устного опроса о перевозимых наличных денежных средствах и (или) денежных инструментах является основанием для их декларирования и состава преступления не образует.

Таким образом, результаты проведения должностными лицами таможенного органа устного опроса могут являться основанием для освобождения лица, совершившего преступление, предусмотренное ст. 200.1 УК РФ, от уголовной ответственности либо свидетельствовать об отсутствии в его действиях состава преступления, в связи с чем в ходе предварительного расследования следователю (дознавателю) при проверке результатов таможенного контроля путем допроса должностных лиц таможенного органа и осмотра видеозаписей из зоны таможенного контроля в соответствии п. 7 ч. 1 ст. 73

УПК РФ надлежит устанавливать, имела ли место (и если да, то на каком этапе таможенного контроля) сдача лицом денежных средств и (или) денежных инструментов, незаконно перемещаемых через таможенную границу.

Непосредственное обнаружение незаконно перемещаемых через таможенную границу наличных денежных средств и (или) денежных инструментов осуществляется в рамках применения таких форм таможенного контроля, как таможенный осмотр, таможенный досмотр и личный таможенный досмотр, после начала применения которых добровольная сдача перевозимых наличных денег и (или) денежных инструментов лицом, пересекающим таможенную границу, невозможна.

В соответствии с п. 1, 2 ст. 327 ТК ЕврАзЭС и применительно к случаям выявления преступлений, предусмотренных ст. 200.1 УК РФ, таможенный осмотр заключается в проведении визуального осмотра товаров, в том числе транспортных средств и багажа физических лиц, без вскрытия упаковки товаров, разборки, демонтажа, нарушения целостности обследуемых объектов (включая багаж физических лиц) и их частей иными способами в целях проверки и (или) получения сведений о товарах, в отношении которых проводится таможенный контроль.

В свою очередь, согласно п. 1 ст. 328 ТК ЕврАзЭС таможенный досмотр является формой таможенного контроля, которая заключается в проведении осмотра и совершении иных действий в отношении товаров, в том числе транспортных средств и багажа физических лиц, со вскрытием упаковки товаров, грузовых помещений (отсеков) транспортных средств, емкостей, контейнеров или иных мест, в которых находятся или могут находиться товары, и (или) с удалением примененных к ним таможенных пломб, печатей или иных средств идентификации, разборкой, демонтажем или нарушением целостности обследуемых объектов и их частей иными способами. В соответствии с п. 7 ст. 328

ТК ЕврАзЭС в предусмотренных законом случаях к проведению таможенного осмотра привлекаются понятые, однако для случаев таможенного досмотра сопровождаемого багажа их участие не является обязательным.

В контексте выявления преступлений, предусмотренных ст. 200.1 УК РФ, отличие таможенного осмотра от таможенного досмотра заключается исключительно в применяемых методах поиска денежных средств и (или) денежных инструментов: с нарушением целостности обследуемых объектов или без такового. Участие понятых для обеих рассматриваемых форм таможенного контроля не обязательно, однако является целесообразным в целях дополнительного закрепления следов совершенного преступления и формирования доказательственной базы для последующего предварительного расследования. По указанным причинам к проведению данных форм таможенного контроля целесообразно привлекать декларанта или иное лицо, обладающее полномочиями в отношении перевозимых денежных средств и (или) денежных инструментов (в чьем багаже или транспортном средстве осуществляется их поиск), несмотря на необязательность такого участия в соответствии с ТК ЕврАзЭС.

В случае выявления преступления, предусмотренного ст. 200.1 УК РФ, результаты таможенного досмотра (осмотра) оформляются актом, форма которого утверждена Решением Комиссии Таможенного союза от 20 мая 2010 г. № 260¹. В соответствии с Инструкцией о порядке заполнения, регистрации, хранения, учета актов таможенного досмотра (осмотра) товаров, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза физическими лицами

¹ О формах таможенных документов: решение Комиссии Таможенного союза от 20 мая 2010 г. № 260 // Официальный сайт Комиссии Таможенного союза, 02.06.2010. URL: <http://www.tsouz.ru/>. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

для личного пользования в сопровождаемом багаже, утвержденной приказом ФТС России от 29 июля 2011 г. № 1555², в акте таможенного досмотра (осмотра) указываются, в частности, сведения о физическом лице, перемещающем товар через таможенную границу, вид транспорта и номер рейса, которыми указанное лицо следует, наименование сопровождаемого багажа, содержащего досматриваемые товары, его отличительные и идентификационные признаки (материал, цвет, номер багажной бирки, авианакладной и т.п.), наличие или отсутствие внешних повреждений досматриваемых товаров, их упаковки с описанием имеющихся повреждений, количество наименований досматриваемых товаров и количество наименований товаров каждого наименования, сведения о применении фото- (видео-) или аудиотехники при таможенном досмотре (осмотре). К акту таможенного досмотра (осмотра) могут прилагаться фото (видеоматериалы), пояснения лица, имеющего отношение к перемещению товаров, документы (чеки, счета), подтверждающие приобретение и стоимость товаров (например, документы, связанные с приобретением денежных инструментов) и т.д.

При наличии достаточных оснований полагать, что следующие через таможенную границу и находящиеся в зоне таможенного контроля или транзитной зоне международного аэропорта физические лица скрывают при себе и добровольно не выдают товары, перемещаемые через таможенную границу Союза в нарушение международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования, законодательства

² Об утверждении Инструкции о порядке заполнения, регистрации, хранения, учета актов таможенного досмотра (осмотра) товаров, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза физическими лицами для личного пользования в сопровождаемом багаже : приказ ФТС России от 29 июля 2011 № 1555 // Таможенные ведомости. 2011. № 10. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

государств-членов, на основании письменного решения уполномоченного должностного лица из числа руководства таможенного органа (подразделения таможенного органа) в отношении таких лиц может проводиться личный таможенный досмотр. Личный таможенный досмотр проводится в присутствии двух понятых в соответствии с требованиями, установленными ст. 329 ТК ЕврАзЭС. По результатам личного таможенного досмотра составляется акт личного таможенного досмотра, форма которого утверждена Решением Комиссии Таможенного союза от 20 мая 2010 г. № 260.

После обнаружения денежных средств и (или) денежных инструментов у перемещающего их через таможенную границу лица в соответствии со ст. 323 ТК ЕврАзЭС могут быть получены объяснения. Незамедлительное получение объяснений у физического лица, в действиях которого усматриваются признаки преступления, предусмотренного ст. 200.1 УК РФ, несет ряд тактических преимуществ: физическое лицо, имевшее намерение скрыть предмет контрабанды от таможенного контроля, после его обнаружения находится в эмоционально нестабильном состоянии и лишено возможности самостоятельно сформулировать непротиворечивую версию защиты. Исходя из этого, получение на стадии таможенного контроля подробного и соответствующего предмету доказывания по уголовному делу объяснения затрудняет последующее противодействие субъекта расследованию преступления путем выдвижения недостоверных версий защиты.

Таким образом, результаты таможенного досмотра (осмотра), личного таможенного досмотра, получения объяснений содержат криминалистически значимую информацию, характеризующую все элементы криминалистической

структуры события преступления¹, предусмотренного ст. 200.1 УК РФ: субъект (личность лица, совершившего преступление; принадлежность ему предмета контрабанды), предмет (характеристика перемещаемых через таможенную границу денежных средств и (или) денежных инструментов, их количество, стоимость), физическая деятельность (способ совершения преступления, в том числе сокрытия предмета контрабанды), психическая деятельность (подтверждение умысла лица на незаконное перемещение денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу с учетом места их обнаружения), место и время совершения преступления.

По результатам применения описанных форм таможенного контроля в доказательственную базу по уголовному делу могут быть включены акты таможенного досмотра (осмотра), личного таможенного досмотра, приложения к ним (багажные бирки, посадочные талоны, пассажирские таможенные декларации, в том числе иностранные, фото-, аудио- и видеоматериалы, на которых зафиксированы ход и результаты применения форм таможенного контроля, объяснения субъекта. В целях процессуального закрепления полученных материалов следователю (дознавателю) надлежит произвести осмотр указанных предметов и документов, при необходимости решить вопрос о признании их вещественными доказательствами по уголовному делу, допросить в качестве свидетелей по уголовному делу лиц, участвовавших в проведении форм таможенного контроля (должностные лица таможенного органа, понятые, лицо, в отношении которого применялись формы таможенного контроля) по обстоятельствам их проведения и соблюдения установленной процедуры. Процессуальное закрепление

¹ Пристансков В.Д. Событие преступления как объект криминалистического познания // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2018. №1. С. 78—89.

данных, задокументированных в ходе получения объяснений, осуществляется в рамках допросов субъекта в качестве подозреваемого и обвиняемого по уголовному делу.

Необходимо отметить, что результаты таможенного контроля, в ходе которого были обнаружены денежные средства и (или) денежные инструменты в сумме, образующей состав преступления, являются источником информации о признаках преступления. На их основании должностное лицо таможенного органа составляет рапорт об обнаружении признаков преступления, который регистрируется в качестве сообщения о преступлении. При этом все материалы, предварительно собранные при проведении таможенного контроля, необходимо приобщать к указанному рапорту в качестве приложений, поскольку содержащиеся в них сведения впоследствии будут являться основанием для возбуждения уголовного дела. Дальнейший сбор доказательств по выявленному факту необходимо осуществлять в рамках уголовно-процессуальной формы — в частности, путем проведения осмотра места происшествия, в ходе которого решать вопрос об изъятии предмета контрабанды. Продолжение применения форм таможенного контроля после обнаружения признаков преступления может рассматриваться как подмена процессуальной формы и повлечь признание собранных доказательств недопустимыми в связи с нарушением ч. 1 ст. 86 УПК РФ.

В соответствии со ст. 223 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» результаты проведения таможенного контроля могут быть признаны в качестве доказательств по уголовным делам и подлежат оценке судом при рассмотрении указанных дел наряду с другими доказательствами в соответствии с уголовно-процессуальным

законодательством Российской Федерации. Вместе с тем условия использования результатов таможенного контроля в качестве доказательств по уголовному делу законом напрямую не предусмотрены (в отличие, например, от предусмотренных ст. 89 УПК РФ условий использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам). В связи с этим актуальным является решение вопроса о критериях оценки допустимости результатов таможенного контроля в качестве доказательств по уголовному делу.

Так, согласно ч. 1 ст. 86 УПК РФ собирание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных данным Кодексом. При этом в силу ч. 1 ст. 75 УПК РФ недопустимыми являются доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ. Таможенный контроль, однако, осуществляется до возбуждения уголовного дела и в соответствии со специальными нормами, регулирующими проведение данного вида государственного контроля, в связи с чем соблюдение требований УПК РФ не может являться единственным критерием оценки допустимости таких доказательств. В связи с этим для выделения указанных критериев необходимо обратиться к конституционному регулированию.

В соответствии с ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. Указанная конституционная гарантия является основой института допустимости доказательств в отраслях процессуального права. Принимая во внимание, что требования к проведению таможенного контроля закреплены в ТК ЕврАзЭС, представляется возможным утверждать, что первым условием допустимости использования результатов таможенного контроля в качестве доказательств по

уголовному делу является их соответствие требованиям ТК ЕврАзЭС. Так, результаты таможенного контроля должны быть получены надлежащим лицом (п. 6 ст. 310 ТК ЕврАзЭС) и в рамках процедуры, предусмотренной таможенным законодательством. Напротив, нарушения таможенного законодательства, допущенные при осуществлении таможенного контроля, делают результаты таможенного контроля недопустимым доказательством с учетом требований ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации. Аналогичный подход¹ закреплен в законодательстве об административных правонарушениях (ч. 3 ст. 26.2 КоАП РФ), согласно которому не допускается использование доказательств по делу об административном правонарушении, в том числе результатов проверки, проведенной в ходе осуществления государственного контроля, если указанные доказательства получены с нарушением закона.

Представляется, что следующий критерий допустимости использования результатов таможенного контроля в доказывании по уголовному делу лежит в плоскости уголовно-процессуального законодательства. Как упоминалось выше, в силу ч. 1 ст. 75 УПК РФ недопустимыми являются доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ. Очевидно, что ввиду отсутствия в УПК РФ норм, напрямую регламентирующих проведение таможенного контроля, результаты таможенного контроля не могут нарушать Особенную часть уголовно-процессуального закона. Вместе с тем указанные результаты в полной мере могут быть проверены на соответствие принципам уголовного судопроизводства (гл. 2 УПК РФ), которые представляют собой наиболее значимые положения, лежащие в основе и определяющие

содержание уголовно-процессуального законодательства. Признавая, что обязательному соблюдению при осуществлении таможенного контроля в целях обеспечения допустимости использования его результатов в доказывании по уголовному делу подлежат все без исключения принципы уголовного судопроизводства, отметим, что при осуществлении таможенного контроля наиболее существенен риск нарушения принципа обеспечения права на защиту, а также принципа языка уголовного судопроизводства. Несмотря на отсутствие соответствующих требований в ТК ЕврАзЭС, лицу, в действиях которого усматриваются признаки преступления, предусмотренного ст. 200.1 УК РФ, при осуществлении таможенного контроля (в частности, при получении объяснений) должны быть разъяснены предусмотренные ст. 48, 51 Конституции Российской Федерации права на получение квалифицированной юридической помощи и на использование свидетельского иммунитета. Неотъемлемой составляющей обеспечения права на защиту является право на использование родного языка, при нарушении которого результаты таможенного контроля также не будут признаны допустимыми доказательствами. Таким образом, в случае если при проведении таможенного контроля право на защиту обеспечено не было, соответствующие результаты не могут использоваться в доказывании по уголовному делу, даже несмотря на их формальное соответствие требованиям таможенного законодательства. При этом бремя доказывания соблюдения общих принципов уголовного судопроизводства при осуществлении таможенного контроля возлагается на следователя (дознателя).

В качестве третьего критерия допустимости рассматриваемых доказательств необходимо выделить соблюдение требований уголовно-процессуального законодательства при введении результатов таможенного контроля в материалы уголовного дела.

¹ Дмитрикова Е.А., Карицкая А.А., Трофимов А.А. Конституционные основы разграничения контрольно-надзорного производства и производства по делам об административных правонарушениях // Закон. 2023. № 5. С. 187—196.

Несмотря на то, что указанные доказательства создаются вне рамок уголовно-процессуальной формы, их использование в уголовном деле становится возможным только после того, как данные доказательства будут собраны лицом, уполномоченным осуществлять предварительное расследование. При сборании указанных доказательств необходимо соблюдать общие требования УПК РФ, связанные с производством конкретных следственных и иных процессуальных действий (например, порядок изъятия предметов и документов). В частности, нельзя признать корректным изъятие материалов таможенного контроля в рамках осмотра места происшествия в качестве предметов обстановки («акты, таможенного контроля, обнаруженные на столе»¹). После надлежащего введения результатов таможенного контроля в материалы уголовного дела они подлежат проверке и оценке в совокупности с иными доказательствами по общим правилам уголовного судопроизводства.

Таким образом, результаты таможенного контроля являются важнейшей составляющей доказательственной базы по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 200.1 УК РФ. Зачастую именно при осуществлении таможенного контроля осуществляется первичное документирование совершенного преступления, в связи с чем полученная информация является системообразующей в последующем собирании доказательств по уголовному делу. Сведения, содержащиеся в результатах таможенного контроля, характеризуют все элементы криминалистической структуры события указанного преступления, что обуславливает их крайне высокое доказательственное значение по уголовным делам о преступлениях рассматриваемого вида. Признание

результатов таможенного контроля допустимыми доказательствами по уголовному делу возможно при условии их соответствия требованиям таможенного законодательства, общим принципам уголовного судопроизводства, а также корректного их введения в результаты уголовного дела. При этом залогом эффективного использования результатов таможенного контроля в доказывании по уголовному делу является понимание должностными лицами таможенных органов, осуществляющими таможенный контроль, предмета доказывания по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 200.1 УК РФ, а также критериев допустимости данных доказательств в уголовном судопроизводстве и применение указанных знаний при осуществлении таможенного контроля и оформлении его результатов.

Библиография

1. Бирюков, П.Н. Имплементация документов ФАТФ в правовой системе Российской Федерации / П.Н. Бирюков // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2023. — № 2 (62). — С. 118—125.
2. Густов, Г.А. Расследование должностных хищений в торговле. Часть I. Криминалистическая характеристика преступлений : изд. 4-е, переработанное и дополненное / Г.А. Густов. — Л.: Институт усовершенствования следственных работников при Прокуратуре СССР, 1991. — 271 с.
3. Дмитрикова, Е.А. Конституционные основы разграничения контрольно-надзорного производства и производства по делам об административных правонарушениях / Е.А. Дмитрикова, А.А. Карлицкая, А.А. Трофимов // Закон. — 2023. — № 5. — С. 187—196.
4. Кузнецов, А.В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности по примечанию 4 к ст. 200.1 Уголовного кодекса Российской Федерации / А.В. Кузнецов // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 8 (69). — С. 129—135.
5. Панфилова, Н.Е. Контрабанда денежных средств и инструментов, алкоголя и табачных изделий: уголовно-правовые и криминологические проблемы : монография / Н.Е. Панфилова; под ред. канд. юрид. наук, доцента С.И. Голубева. — М.: Юридическая фирма Контракт, 2018. — 235 с.
6. Пристансков, В.Д. Событие преступления как объект криминалистического познания / В.Д. Пристансков // Вестник СПбГУ. — Серия 14.

¹ См., например: приговор Московского районного суда Санкт-Петербурга от 21.04.2021 по делу № 1-42/2022 // ГАС «Правосудие» (дата обращения: 31.08.2023).

Право. — 2018. — № 1. — С. 78—89.

7. Шушкевич, А.Г. Таможенный контроль как
непроцессуальный способ выявления

административных таможенных правонарушений/
А.Г. Шушкевич // Вестник Российской таможенной
академии. — 2020. — № 2. — С. 119—127.

Некоторые правоприменительные проблемы при привлечении военнослужащих к административной ответственности (процессуальный аспект)

© Кузнецов Андрей Михайлович,
курсант 5 факультета (прокурорско-
следственного) Военного университета имени
князя Александра Невского Министерства
обороны Российской Федерации
© Шанхаев Сергей Вячеславович,
кандидат юридических наук

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые правоприменительные вопросы, возникающие при применении норм процессуального права о привлечении военнослужащих к административной ответственности. Предлагаются изменения в действующее законодательство.

Ключевые слова: правоприменение, административная ответственность, военнослужащие, применение процессуальных норм при привлечении к административной ответственности.

Some law enforcement problems in bringing military personnel to administrative responsibility (procedural aspect)

© Kuznetsov A.M.,
cadet of the 5th faculty (prosecutorial and investiga-
tive) Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense of the Russian Federation
© Shankhaev S.V.,
Candidate of Law

Abstract: the article discusses some law enforcement issues that arise when applying the rules of procedural law on bringing military personnel to administrative responsibility. Amendments to the current legislation are proposed.

Keywords: law enforcement, administrative responsibility, military personnel, application of procedural norms in bringing to administrative responsibility.

Как в прежние годы в советском, так и ныне в современном российском административном законодательстве предусматривается специальный порядок привлечения к административной ответственности военнослужащих и отдельных категорий служащих, на которых распространяется действие дисциплинарных уставов.

В соответствии со ст. 1.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) задачами законодательства об административных правонарушениях являются защита

личности, охрана прав и свобод человека и гражданина, охрана здоровья граждан, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, защита общественной нравственности, охрана окружающей среды, установленного порядка осуществления государственной власти, общественно-государственного порядка и общественной безопасности, собственности, защита законных экономических интересов физических и юридических лиц, общества и государства от административных правонарушений, а также предупреждение административных пра-

вонарушений.

Некоторые вопросы, связанные с привлечением военнослужащих к административной ответственности в современных условиях, представляют собой определенные сложности в связи с наличием некоторых пробелов в действующем законодательстве.

Отношения лиц, обладающих статусом военнослужащих, в сфере административной ответственности регулируют КоАП РФ, Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», а также Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации (ДУ ВС РФ).

В соответствии со ст. 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» к военнослужащим относятся: офицеры, прапорщики и мичманы, курсанты военных образовательных учреждений профессионального образования, сержанты и старшины, солдаты и матросы, проходящие военную службу по контракту; сержанты, старшины, солдаты и матросы, проходящие военную службу по призыву, курсанты военных образовательных учреждений профессионального образования до заключения с ними контракта о прохождении военной службы.

Частью 1 ст. 2.5 КоАП РФ предусмотрено, что за административные правонарушения, за исключением административных правонарушений, предусмотренных ч. 2 данной статьи, военнослужащие, граждане, призванные на военные сборы, и имеющие специальные звания сотрудники Следственного комитета Российской Федерации, органов внутренних дел, войск национальной гвардии Российской Федерации, органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, органов принудительного исполнения Российской Федерации, Государственной противопожарной службы и таможенных органов в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации,

регламентирующими прохождение военной службы (службы) указанными лицами и их статус, несут дисциплинарную ответственность.

В силу ч. 2 указанной статьи за административные правонарушения, предусмотренные статьями 5.1—5.26, 5.45—5.52, 5.56, 6.3, 7.29—7.32, 7.32.1, гл. 8, ст. 11.16 (в части нарушения требований пожарной безопасности вне места военной службы (службы) или прохождения военных сборов), гл. 12, ст. 14.9, ч. 7 ст. 14.32, гл. 15 и 16, ст. 17.3, 17.7—17.9, ч. 1 и 3 ст. 17.14, ст. 17.15, 18.1—18.4, ч. 2.1, 2.6 ст. 19.5, ст. 19.5.7, 19.7.2, ч. 5 ст. 19.8, ст. 20.4 (в части нарушения требований пожарной безопасности вне места военной службы (службы) или прохождения военных сборов) и ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, лица, указанные в ч. 1 ст. 2.5 КоАП РФ, несут административную ответственность на общих основаниях.

Таким образом, в случае совершения военнослужащим административного правонарушения, не указанного в ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ, он несет ответственность в соответствии с ДУ ВС РФ, что свидетельствует о том, что военнослужащие являются специальными субъектами административной ответственности.

Производство по делам об административных правонарушениях в качестве юридического процесса можно определить как установленный законом порядок достижения баланса публичных и частных интересов при возбуждении дела об административном правонарушении, установлении, исследовании соответствующих доказательств, уяснении иных юридически значимых обстоятельств, имеющих значение для его разрешения, назначении и исполнении административного наказания, а также прекращении производства по делу в установленных законом случаях. Производство в судах по делам об административных правонарушениях является видом административного судопроизводства, о котором речь идет в ст. 118 Конституции

Российской Федерации¹.

Процессуальным документом, служащим основанием для возбуждения производства по делу об административном правонарушении, является протокол об административном правонарушении, поскольку в данном документе фиксируется факт совершения соответствующего нарушения.

В соответствии с требованиями ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ в протоколе об административном правонарушении указываются, в том числе сведения о лице, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении. По нашему мнению, в силу указанных требований, применительно к физическому лицу помимо его фамилии, имени и отчества необходимо указывать дату его рождения, место работы либо службы.

На стадии составления протокола об административном правонарушении нередко возникает проблема определения правового положения субъекта, пребывающего в статусе военнослужащего. Действующим законодательством установлено непосредственное рассмотрение дел уполномоченными на то должностными лицами, а не судами, поэтому при составлении протокола об административном правонарушении, в который вносятся основные данные о лице, его совершившем, невозможно определить, является ли лицо военнослужащим, поскольку для этого достаточно предъявления паспорта гражданина Российской Федерации. В связи с этим должностные лица полагаются лишь на добросовестность субъекта правонарушения.

В литературе отмечается, что законодательство не обязывает должностное лицо с помощью каких-то дополнительных средств определять специальный статус лица, привлекаемого к ответственности.

¹ Серков П.П. Административная ответственность: проблемы и пути совершенствования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 15.

Однако и обязанность нарушителя сообщать о своей принадлежности к федеральным органам исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, нигде прямо не закреплена².

Согласно п. 1 ст. 1 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим выдаются документы, удостоверяющие их личность и гражданство, а также документы, удостоверяющие личность и правовое положение военнослужащих. Следовательно, их правовое положение подтверждается двумя видами документов:

а) общий статус подтверждается общегражданским паспортом;
 б) специальный статус военнослужащего подтверждается: офицеров, прапорщиков и мичманов, проходящих военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации, Росгвардии, спасательных воинских формированиях МЧС России, — удостоверением личности военнослужащего; военнослужащих СВР России, ФСБ России, ФСО России, органов военной прокуратуры, военных следственных органов, федерального органа обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти Российской Федерации — служебным удостоверением; сержантов (старшин) и солдат (матросов) — военным билетом³.

Вместе с тем ч. 1 ст. 28.5 КоАП РФ в целях установления личности нарушителя предусмотрено применение административного задержания, срок которого в силу ч. 1 ст. 27.5 КоАП РФ не должен превышать три часа, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 и 3 названной статьи.

При таких обстоятельствах должно

² Кузурманова И.В. Военнослужащим совершил административное правонарушение — что дальше? // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2011. № 5.

³ Корякин В.М. Комментарий к Федеральному закону «О статусе военнослужащих». М., 2018. С. 30.

установление предполагаемого статуса военнослужащего не представляется возможным из-за ограниченных сроков составления протокола об административном правонарушении и сроков рассмотрения дела, что позволяет лицу, в отношении которого возбуждается дело об административном правонарушении, достаточно легко скрыть факт принадлежности к специальному субъекту административной ответственности и таким образом избежать должной ответственности.

Так, определением Конаковского городского суда Тверской области от 1 марта 2021 г. дело об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 12.24 КоАП РФ в отношении военнослужащего, передано на рассмотрение в Тверской гарнизонный военный суд (дело № 5-32/2021). Правонарушение совершено им 27 августа 2020 г. Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, в судебном заседании пояснил, что он имеет статус военнослужащего Вооруженных Сил Российской Федерации.

Например, Постановлением Верховного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2022 г. № 66-АД22-1-К8 постановление и.о. мирового судьи по 64 судебному участку Иркутского района Иркутской области от 17 июля 2017 г., решение судьи Иркутского районного суда Иркутской области от 9 декабря 2020 г. и постановление судьи Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25 августа 2021 г., вынесенные в отношении К. по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, оставлены без изменения, поскольку довод о нарушении при рассмотрении дела правил подсудности (на момент совершения правонарушения К. являлся военнослужащим) заявлен только в рамках обжалования постановления мирового судьи (спустя три года после разрешения дела по существу) и по истечении срока

давности привлечения К. к административной ответственности. При этом ни при составлении протокола об административном правонарушении, ни при рассмотрении дела мировым судьей не заявлялось, что К. являлся военнослужащим.

Определением Конаковского городского суда Тверской области от 14 августа 2019 г. производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 12.24 КоАП РФ, в отношении гражданки прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24. 5 КоАП РФ в связи с отсутствием в её действиях состава указанного правонарушения, т.к. в судебном заседании установлено, что в момент ДТП автомобилем управлял её сын, который являлся военнослужащим и не имел права управления транспортными средствами и, желая уйти от административной ответственности, скрыл данные факты (№ 5-104/2019).

В последующем в отношении данного военнослужащего было возбуждено дело об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 12.24 КоАП РФ, которое поступило в Тверской гарнизонный военный суд 16 декабря 2019 г., т.е. за 24 дня до окончания срока давности (дело № 5-71/2019).

Таким образом, в указанных случаях военнослужащие при составлении протокола об административном правонарушении скрывали от должностного лица, составлявшего протокол, наличие у них статуса военнослужащего, что привело к увеличению сроков рассмотрения дел.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» неуказание в протоколе об административном правонарушении сведений о наличии статуса военнослужащего относится к несущественным недостаткам протокола, которые могут быть восполнены при

рассмотрении дела по существу.

Умышленное сокрытие лицом, в отношении которого ведется производство об административном правонарушении, сведений о роде деятельности либо введение органа административной юрисдикции в заблуждение относительно специального статуса не рассматривается судебной практикой в качестве основания для отмены вынесенного постановления по делу. Считается, что правоприменитель собрал данные о личности, руководствуясь принципом добросовестности лица, привлекаемого к административной ответственности¹.

Умолчание о прохождении военной службы может быть признано злоупотреблением правом, если лицо намеренно скрыло данный факт для получения в последующем процессуальных «выгод»².

Следует отметить, что Верховным Судом Российской Федерации выработаны определенные подходы при рассмотрении подобных дел.

Например, в соответствии из п. 10 Обзора законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за I квартал 2007 г. следует, что постановлением мирового судьи от 25 августа 2005 г. Г. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде лишения права управления транспортными средствами сроком на один год шесть месяцев. Нарушений мировым судьей норм материального и процессуального права по делу вышестоящими судебными инстанциями не установлено. В указанном Обзоре указано, что довод заявителя о том, что дело об административном правонарушении мировым судьей рассмотрено с нарушением правил подсудности, так как на момент его

оформления он являлся военнослужащим — курсантом высшего артиллерийского командного училища и проходил службу по контракту, обоснованно признан судом несостоятельным. Как видно из материалов дела, при составлении протоколов Г. о прохождении им военной службы не сообщил, а указал, что не работает. При таких обстоятельствах дело рассмотрено мировым судьей правомочно.

Позднее, в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за I квартал 2010 г. (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 16 июня 2010 г., ответ на вопрос № 18) разъяснено, что если лицо, привлекаемое к административной ответственности, ни при составлении протокола об административном правонарушении, ни при рассмотрении дела об административном правонарушении не заявило, что является военнослужащим, то соответствующее заявление лица при рассмотрении жалобы на постановление по делу об административном правонарушении не может служить основанием для отмены этого постановления.

Фактически, в указанных Обзорах судебной практикой выработано право эстоппеля. Эстоппель (от англ. Estoppel — лишение права на возражения) представляет собой правовой принцип, согласно которому лицо при определенных обстоятельствах утрачивает право ссылаться на какие-либо факты в обоснование своих притязаний. По-другому его можно определить как запрет на противоречивое, непоследовательное поведение (лат. *Venire contra factum pro prium*)³. То есть эстоппель выступает как инструмент против различных процессуальных злоупотреблений.

Однако, сокрытие наличия статуса военнослужащего может привести к нарушению требований ч. 1 ст. 47 Конституции Российской Федерации и правил подсудности, поскольку согласно ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ дела об административных правонарушениях,

¹ Казина Т.В. Процесс доказывания по делам об административных правонарушениях, рассматриваемых в судебном порядке. Комментарий законодательства // Специально для системы ГАРАНТ, 2015.

² Кузурманова И.В. Указ. соч.

³ Коновалов А. Эстоппель: нужны альтернативы // Адвокатская газета. 2021. № 17.

указанных в частях 1—2 данной статьи и совершенных военнослужащими и гражданами, призванными на военные сборы, рассматриваются судьями гарнизонных военных судов, за исключением дел об административных правонарушениях, производство по которым осуществлялось в форме административного расследования, и которые подлежат рассмотрению судьями районных судов¹.

Кроме того, сокрытие наличия статуса военнослужащего может привести к тому, что в отношении военнослужащего может быть назначено наказание, которое к ним не применяется.

Например, в соответствии с ч. 6 ст. 3.5 КоАП РФ административный штраф не может применяться к сержантам, старшинам, солдатам и матросам, проходящим военную службу по призыву, а также к курсантам военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования до заключения с ними контракта о прохождении военной службы.

Административный арест не может применяться к военнослужащим, гражданам, призванным на военные сборы (ч. 6 ст. 3.9 КоАП РФ).

Таким образом, в случае неправомерного рассмотрения дела в отношении лица, имеющего и не сообщившего наличие статуса военнослужащего, в суде общей юрисдикции ему может быть назначено наказание, не соответствующее требованиям законодательства, предусматривающего ограничения по применению административных наказаний к указанной категории лиц.

Устранение вышеуказанного пробела возможно путем дополнения ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ указанием в протоколе об административном правонарушении

сведений о наличии у лица, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, статуса военнослужащего (иного специального статуса, предусмотренного в ч. 1 ст. 2.55 КоАП РФ).

Кроме того, следует дополнить ст. 28 Федерального закона «О статусе военнослужащих» пунктом 3, в котором законодательного закрепить обязанность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы, и совершивших административное правонарушение, предоставлять должностному лицу, уполномоченному составлять протокол об административном правонарушении, сведения о прохождении ими военной службы.

Библиография

1. Казина, Т.В. Процесс доказывания по делам об административных правонарушениях, рассматриваемых в судебном порядке. Комментарий законодательства / Т.В. Козина // Специально для системы ГАРАНТ, 2015.
2. Коновалов, А. Этопфель: нужны альтернативы / А. Коновалов // Адвокатская газета. — 2021. — № 1.
3. Корякин, В.М. Комментарий к Федеральному закону «О статусе военнослужащих» / В.М. Корякин. — Москва: Центр правовых коммуникаций, 2018. — 390 с.
4. Кузурманова, И.В. Военнослужащим совершил административное правонарушение — что дальше? / И.В. Кузурманова // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2011. — № 5. — С. 22—25.
5. Серков, П.П. Административная ответственность: проблемы и пути совершенствования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Серков Петр Павлович. — Москва, 2010. — 45 с.
6. Фатеев, К.В. Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы / К.В. Фатеев, С.С. Харитонов, С.В. Шанхаев. — Москва: За права военнослужащих, 2011. — 332 с.

¹ Фатеев К.В., Харитонов С.С., Шанхаев С.В. Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы. М., 2011. С. 18.

Вопросы противодействия коррупции в войсках национальной гвардии

© **Погорелов Сергей Александрович**,
кандидат юридических наук, старший преподаватель Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии

© **Роганов Сергей Александрович**,
доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии

Аннотация. В статье производится анализ вопросов, связанных с противодействием коррупционных действий в войсках национальной гвардии. Наибольшее внимание авторы уделяют общественному контролю, который призван минимизировать коррупционные факты в обозначенной силовой структуре, а также предлагают направления совершенствования организационных мер в указанной сфере отношений.

Ключевые слова: войска национальной гвардии, коррупция, общественный контроль, Общественный совет, противодействие, силовые структуры.

Anti-corruption issues in the National Guard troops

© **Pogorelov S.A.**,
candidate of legal sciences, Saint-petersburg military order of Zhukov institute of the national guard troops

© **Roganov S.A.**,
doctor of law, professor, Saint-petersburg military order of Zhukov institute of the national guard troops

Annotation. The article analyzes issues related to countering corruption in the National Guard troops. The authors pay the greatest attention to public control, which is designed to minimize corruption facts in the designated power structure of state bodies.

Keywords: National Guard troops, corruption, public control, Public Council, counteraction, power structures.

В российском обществе все большее внимание уделяется вопросам коррупционных проявлений и борьбы с ними. В Стратегии национальной безопасности¹ отмечено, что коррупция представляет одну из основных угроз государственной и общественной безопасности. Отечественные нормативные правовые акты сосредото-

тачивают наиболее пристальное внимание на вопросах возложения конкретных обязанностей по предотвращению, борьбе с коррупционными проявлениями на руководителей государственных органов и на правоохранительные структуры. Однако противодействие в коррупционных сферах должно происходить не только силами компетентных государственных и муниципальных органов, но и при активном участии общественности. Одним из таких социальных институтов, призванных по-

¹ Утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 76 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

высить эффективность противодействия коррупционным проявлениям, является общественный контроль¹, который до настоящего времени не получил должного внимания и внедрения в войсках национальной гвардии. Об этом, например, свидетельствуют данные Счетной палаты Российской Федерации².

Вектор общественного контроля за деятельностью войск национальной гвардии должен быть направлен на достижение цели — обеспечение законности и повышение эффективности государственного управления в сфере деятельности войск национальной гвардии, оборота оружия, частной охранной деятельности, частной детективной деятельности и вневедомственной охраны путем принятия во внимание общественного мнения и разрешения допустимых конфликтов между интересами государства и институтами гражданского общества. Деятельность войск национальной гвардии подвергается общественной оценке не только с позиции соблюдения требований законов и подзаконных нормативных правовых актов, но и со стороны целесообразности и полноты выполнения поставленных перед ними задач. Государство предоставляет обществу право осуществлять корректировку административной дискреции войск национальной гвардии.

Общественность вправе знать эффективность расходования денежных средств, выделяемых из федерального бюджета, факты коррупционных правонарушений, а также результаты правового реагирования на их совершение³. В целом общественный контроль, являющийся элементом гражданского общества и имеющий большой потенциал в рассматриваемой сфере общественных отношений, должен оказать позитив-

ное влияние на противодействие коррупции в войсках национальной гвардии.

18 сентября 2020 г. был образован Общественный совет при Росгвардии. Правовым основанием образования этого постоянно действующего совещательно-консультативного органа является Указ Президента Российской Федерации от 4 августа 2006 г. № 842 «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам». Это событие должно позитивно повлиять на определенность всех элементов общественного контроля, а также регламентированность компетенции, порядок функционирования и формирования данного коллегиального органа⁴. Решения данного Общественного совета имеют потенциал существенного влияния на качество нормотворческой и организационной деятельности Росгвардии.

Кроме того, к работе Общественного совета при Росгвардии, по нашему мнению, целесообразно также привлекать граждан Российской Федерации, которые не вошли в состав этого консультативно-совещательного органа, но способных представить свои отзывы, предложения и замечания в порядке, определяемом председателем Общественного совета.

Отметим, что в настоящее время вопросы, связанные с противодействием коррупции, регламентируются не только федеральными законами Российской Федерации, указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации, но и приказами Федеральной службы войск национальной гвардии. При этом общественный контроль направлен на реализацию принципа законности, соблюдения прав чело-

¹ См. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

² Доклад «Открытость государства в России — 2022». Науч. ред. П. Демидов // <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Otkrytost-2022.pdf> (дата обращения: 25.12.2023).

³ Глухов Е.А. О необходимости общественного контроля в армии // Военное право. 2017. № 5. С. 5—13.

⁴ Глухов Е.А. Коллегиальные органы управления в военных организациях: некоторые проблемы их статуса // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. 2013. № 4. С. 82—90.

века, обеспечения полноты и своевременности при подготовке и рассмотрении проектов нормативных актов¹.

Такой контроль может быть реализован через общественные советы или отдельных граждан путем производства антикоррупционных экспертиз, общественных обсуждений, общественных инициатив. В связи с этим важное значение имеет повышение интереса граждан к обсуждению проектов нормативных правовых актов в сфере противодействия коррупции. Это обусловлено тем, что граждане:

а) не в полной мере доверяют тому, что их замечания и предложения будут учтены при разработке проектов правовых норм;

б) не имеют представления о месте размещения этой электронной информации;

в) не знают алгоритм вовлечения граждан в работу по осуществлению общественного контроля².

Официальный сайт Федеральной службы войск национальной гвардии не является идеальным в плане информативности. Отсутствует необходимый объем сведений, который затрудняет деятельность не только субъектов общественного контроля, но и не доводит до населения интересующую новостную информацию. Это в конечном итоге приводит к разобщению интересов государства и институтов гражданского общества.

Для разрешения данной проблемы мы предлагаем дополнить официальный сайт Росгвардии новыми разделами (подразделами), имеющими отношение к противодействию коррупции:

а) разместить информацию, касающуюся:

— общих сведений об Общественном совете при Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Феде-

рации (план мероприятий Общественного совета на 2024 г.; принятые Общественным советом решения; годовые отчеты о работе Общественного совета; выступления и деятельность членов Общественного совета);

— состава Общественного совета, включая регалии каждого члена такого совета (при их наличии);

— результатов общественного контроля в сфере противодействия коррупции в Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации;

— направление запросов в подразделения Росгвардии для представления ему разъяснений и материалов, не содержащих государственную тайну и не имеющих гриф «для служебного пользования», а также привлечение военнослужащих (сотрудников) в качестве консультантов при функционировании Общественного совета;

— рабочих групп по включению общественности к разработке предложений по совершенствованию нормативных правовых актов в сфере деятельности войск национальной гвардии, в том числе в сфере противодействия коррупции;

— нормативных правовых актов, направленных на совершенствование деятельности Общественного совета;

б) раздел противодействия коррупции дополнить такими подразделами, как:

— предложения, направленные на совершенствование противодействию коррупции;

— рекомендации военнослужащим и сотрудникам, осуществляющим профилактические мероприятия в сфере коррупционных и иных правонарушений;

— карточная система коррупционных рисков (перечень коррупционно опасных функций Росгвардии);

— содержание карты коррупционных рисков Росгвардии;

— заблаговременные плановые мероприятия по противодействию коррупционных проявлений в Росгвардии;

в) основные задачи на 2024—2025 гг. в сфере профилактики коррупции в воинских и трудовых коллективах, а также обнаруженные и устраненные причины и условия коррупционной деятельности;

¹ Тепляшин И.В. Права и законные интересы субъектов общественного контроля: содержание и классификация // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 10. С. 32—35.

² Глухов Е.А. Отчуждение от человека в бюрократических структурах (на примере военных организаций) // Военное право. 2018. № 1. С. 66—72.

г) итоги методических сборов в Федеральной службе войск национальной гвардии за определенные периоды времени;

д) статистические данные по видам коррупционных правонарушений, совершаемых в Росгвардии за определенный период времени;

е) практический аспект противодействия коррупции, в котором содержится информация о совершенных коррупционных преступлениях, в том числе, совершенных военнослужащими, сотрудниками и гражданским персоналом Росгвардии;

ж) результаты проведения социологического опроса об оценке эффективности применяемых антикоррупционных мер.

Позитивным моментом в деятельности войск национальной гвардии является возможность подать обращение в форме электронного документа¹. Такая форма обращения значительно экономит не только время для доставления информации по сети Интернет, но и позволяет сэкономить материальный ресурс обратившегося с просьбой о разрешении вопросов, минимизировать процедуру официального обращения². Вместе с тем, можно выделить и пробел в этом направлении: невозможность осуществить контроль на этапах процедурной деятельности, связанной с рассмотрением обращения.

Одной из интерактивных форм общественного контроля за деятельностью должностных лиц Росгвардии являются открытые письма, которые могут размещаться на официальном сайте Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации и содержать оценку институтами гражданского общества деятельности рассматриваемой силовой структуры, а также их должностных лиц. В законодательстве Российской Федерации отсутствует понятие «открытого письма». Под открытым письмом следует понимать

публичное выражение своего мнения гражданином по определенному вопросу с целью обратить на него внимание не только Росгвардии, но и общества в целом. Инициатор такого письма пытается получить отклик на свою публикацию, как от государства, так и от общества. Разрешение вопросов, содержащихся в открытых письмах, приводит к снижению коррупционных правонарушений и позволяет предпринять меры реагирования на противозаконные деяния в сфере противодействия коррупции. Открытое письмо может излагаться в произвольной форме. Оно направляется на имя руководителя, который уполномочен разрешить вопросы, поставленные в этом письме. Открытое письмо не запрещает автору возможности направить его в форме электронного документа руководителю воинской части, учреждения или подразделения Росгвардии в рамках Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Предлагаем на официальном сайте Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации предусмотреть подраздел, который позволял бы отслеживать процедуру рассмотрения обращения в форме электронного документа. Это позволит гражданам спланировать дальнейший алгоритм действий для разрешения вопросов, поставленных в обращении.

Для размещения открытых писем на сайте Росгвардии целесообразно создать подраздел под названием «обсуждение проблемных вопросов». Также целесообразно придать процедуре открытого письма нормативно-правовую форму в рамках деятельности Росгвардии. Возникает необходимость более активного внедрения интерактивных форм общественного контроля, например, при обсуждении проектов антикоррупционных нормативных правовых актов Федеральной службы войск национальной гвардии или при проведении общественных экспертиз.

Важно отметить на недостаточный уровень обобщения антикоррупционной практики в силовых структурах Российской Федерации. Определение позитивных

¹ Корякин В.М. «Цифровизация» общественных отношений и ее влияние на состояние коррупции в военной организации государства // Военное право. 2019. № 1. С. 217—228.

² Корякин В.М. Внедрение цифровых технологий в деятельность по профилактике коррупционных правонарушений // Вестник Юридического института МИИТ. 2022. № 2. С. 14—24.

мероприятий в борьбе с коррупцией в правоохранительных органах позволит в Росгвардии:

а) актуализировать практику противодействия коррупции, исключив шаблонность при разработке мероприятий;

б) своевременно разрабатывать и утверждать планы борьбы с коррупцией на определенный период времени;

в) определять вопросы, связанные с взаимодействием Росгвардии с другими силовыми структурами в сфере антикоррупционной деятельности.

Предложенные выше рекомендации позволят сделать процесс общественного контроля в рассмотренной сфере перспективным и требующим дальнейшего продолжения работы.

Библиография

1. Глухов, Е.А. Взаимосвязь бюрократии и коррупции в государственном управлении / Е.А. Глухов // Государственная власть и местное самоуправление. — 2018. — № 5. — С. 53—58.
2. Глухов, Е.А. Коллегиальные органы управления в военных организациях: некоторые проблемы их статуса / Е.А. Глухов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2013. — № 4. — С. 82—90.
3. Глухов, Е.А. О необходимости общественного контроля в армии / Е.А. Глухов // Военное право. — 2017. — № 5. — С. 5—13.
4. Глухов, Е.А. Отчуждение от человека в бюрократических структурах (на примере военных организаций) / Е.А. Глухов // Военное право. — 2018. — № 1. — С. 66—72.
5. Корякин, В.М. Внедрение цифровых технологий в деятельность по профилактике коррупционных правонарушений / В.М. Корякин // Вестник Юридического института МИИТ. — 2022. — № 2. — С. 14—24.
6. Корякин, В.М. «Цифровизация» общественных отношений и ее влияние на состояние коррупции в военной организации государства / В.М. Корякин // Военное право. — 2019. — № 1. — С. 217—228.
7. Тепляшин, И.В. Права и законные интересы субъектов общественного контроля: содержание и классификация / И.В. Тепляшин // Конституционное и муниципальное право. — 2021. — № 10. — С. 32—35.

Военная служба. Социальные гарантии и статус военнослужащих

Проблемы практического применения норм военного законодательства об увольнении с военной службы (по материалам военных судов)

© **Калашников Валерий Васильевич**,
кандидат юридических наук, доцент, начальник
кафедры военного права Военного учебного
центра при Российском государственном
университете правосудия

© **Харитонов Станислав Станиславович**,
кандидат юридических наук, профессор

Аннотация. В статье рассмотрены судебные акты по вопросам правового регулирования увольнения с военной службы военнослужащих, проходящих военную службу по контракту.

Ключевые слова: увольнение с военной службы военнослужащих, военные суды, законность.

Problems of practical application of military legislation on dismissal from military service (based on materials from military courts)

© **Kalashnikov V.V.**,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Military Law of the
Military Training Center at the Russian State
University of Justice

© **Kharitonov S.S.**,
Candidate of Legal Sciences, Professor

Abstract. The article examines judicial acts on issues of legal regulation of the dismissal from military service of military personnel serving under a contract.

Key words: dismissal of military personnel from military service, military courts, legality.

Мудрые люди знают, что неразумное законодательство подобно веревке из песка, рассыпающегося уже при попытке свить ее
Ральф Уолдо Эмерсон

В научной и юридической литературе увольнение с военной службы относят к юридическим фактам, связанным с изменением служебно-правового положения военнослужащих в процессе фактического выполнения ими воинской обязанности. В ст. 1 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237, увольнение с во-

енной службы рассматривается как обстоятельство (событие), которым в соответствии с Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе», другими федеральными законами и указанным Положением определяется служебно-правовое положение военнослужащих при

прохождении военной службы¹.

Правовое регулирование увольнения с военной службы в связи с известными событиями претерпело значительные изменения за прошедшие два года, являясь подчас противоречивым, что может сказаться на уровне правовой защиты военнослужащих.

Отметим, что проблемные вопросы, связанные с обеспечением законности увольнения военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, постоянно возникают перед военными юристами (учеными и практиками), которые анализируют складывающуюся правоприменительную практику и аргументируют необходимость корректировки тех или иных предписаний в этой сфере².

¹ Фатеев К.В. Увольнение с военной службы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2002. № 7 (60). С. 29.

² См, например: Кудашкин А.В., Тюрин А.И., Фатеев К.В. Увольнение с военной службы. Пребывание в запасе : справочник. М.: За права военнослужащих, 2004; Шанхаев С.В. Прохождение военной службы по контракту: практические рекомендации (комментарии и разъяснения, судебная практика, алгоритмы действий, образцы документов). М.: За права военнослужащих, 2008; Глухов Е.А. Возможность увольнения военнослужащего за не связанные с исполнением обязанностей военной службы правонарушения // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2018. № 7 (252). С. 16—25; Калашников В.В. Реализация права военнослужащих на получение квалифицированной юридической помощи // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2008. № 5 (7). С. 77—78; Кириченко Н.С., Александрова Н.Г. Об увольнении с военной службы военнослужащего, признанного не годным к ней по состоянию здоровья и не обеспеченного жилым помещением // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 2. (259). С. 20—24; Корякин В.М., Харитонов В.С. Об обеспечении законности при подготовке граждан к военной службе и призыве на военную службу // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 12 (269). С. 60—65; Леонтьев В.Н., Харитонов С.С. О жилищном обеспечении военнослужащих при увольнении с военной службы (по материалам судебной практики) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 6 (311). С. 80—86; Малаханов А.В., Харитонов С.С. Оспаривание увольнения с военной службы военнослужащих (по материалам военно-судебной практики) // Военное право. 2022. № 5 (75). С. 139—145; Мартиросян В.С. Актуальные про-

Что касается военных судов, то рассмотрение судами дел указанной категории осуществляется в условиях, как указано выше, изменений военного законодательства. В частности, только после 24 февраля 2022 г. в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» внесены около 15 изменений, в том числе касающихся увольнения с военной службы.

Все это актуализирует необходимость анализа судебных решений в целях минимизации ошибок и формирования единой судебной практики.

В этой связи могут представлять интерес последние по времени знаковые судебные решения, в которых изложено видение содержания правовых норм в сфере увольнения с военной службы, о которых дальше и пойдет речь.

1. *Установление категории годности к военной службе уволенному с военной службы лицу, освидетельствование которого до истечения срока соответствующего контракта не состоялось ввиду независящих от волеизъявления военнослужащего объективных препятствий, допускает постановку им вопроса о внесении в приказ об увольнении изменений в порядке реализации права на выбор основания увольнения.*

Решением гарнизонного военного суда, которое окружной военный суд оставил в апелляционном порядке без изменения, С. отказано в удовлетворении требования о признании незаконными действий командира воинской части, отказавшегося внести в изданный ранее этим же должностным лицом приказ изменения в части определения основания, по которому заявитель уволен с военной службы.

Состоявшиеся судебные акты отменены кассационным военным судом, принявшим новое решение об удовлетворении

блемы комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации в современных условиях // Вестник военного права. 2020. № 3. С. 20—23; Харитонов С.С., Миронов В.С. О современных тенденциях разрешения споров в сфере военной службы по материалам военно-судебной практики // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 2 (307). С. 21—35, и др.

требований С.

Как установлено по делу, С. проходил военную службу на воинской должности, для которой обязательным условием является наличие у военнослужащего категории годности «годен к службе в ВДВ».

В год истечения срока контракта он 2 мая 2020 г. подал командиру воинской части рапорт, в котором указал, что не имеет возможности по состоянию здоровья продолжить прохождение военной службы в дальнейшем и просил направить его на освидетельствование военно-врачебной комиссией (ВВК), одновременно с чем заявил также о своем согласии с увольнением по истечении срока контракта ввиду отсутствия у него другого основания для увольнения. На тот момент действовало заключение ВВК от 11 октября 2019 г., которым военнослужащий признавался годным к военной службе без каких-либо ограничений.

В поданном 16 июня 2020 г. рапорте С. доложил об обусловленном карантинными мероприятиями, связанными с новой коронавирусной инфекцией COVID-19, отказе от освидетельствования в конкретном лечебном учреждении. В ходе проведенных командованием в тот же день беседы и аттестации он выразил свое согласие на увольнение с военной службы без прохождения ВВК вследствие закрытия лечебных учреждений на карантин, отдельно оговорив намерение пройти медицинское освидетельствование позднее, — по направлению военного комиссариата.

Приказом от 18 июня 2020 г. С. уволен с военной службы по истечении срока контракта, а 8 июля того же года исключен из списков личного состава воинской части.

В сентябре 2020 г. С. прошел освидетельствование ВВК при военном комиссариате. Заключением от 16 сентября 2020 г. он признан годным к военной службе с незначительными ограничениями (категория «Б»). Однако указанное заключение было оформлено вне связи с прохождением С. военной службы в ВДВ и не содержало выводов относительно определения его годности к службе в данных войсках отдельного рода. Отметив данное обстоятельство, командир воинской части отка-

зал во внесении изменений в приказ об увольнении С. с военной службы.

Внесение же в заключение ВВК записи о признании С. не годным к службе в ВДВ состоялось хотя и на основе данных, объективно имевшихся на момент увольнения того с военной службы и соответствующих вышеуказанному заключению от 16 сентября 2020 г. (в том числе без изменения степени годности согласно категории «Б»), но лишь 12 августа 2021 г. по решению ВВК одного из структурных подразделений ФГКУ «Главный центр военно-врачебной экспертизы» Минобороны России и после ряда обращений по данному поводу со стороны заявителя в различные органы и к их должностным лицам.

Последующее обращение С., повторно попросившего изменить основания его увольнения с военной службы с учетом данных, содержащихся в редакционном тексте заключения ВВК от 12 августа 2021 г., командир воинской части вновь оставил без удовлетворения, в данном конкретном случае указав об отсутствии у командования на момент издания приказа от 18 июня 2020 г. иных оснований, кроме истечения срока контракта о прохождении военной службы С.

Суды первой и апелляционной инстанций такой отказ признали законным, сославшись на требования п. 12 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, согласно которым увольнение военнослужащего с военной службы по основаниям, когда его согласие на увольнение или назначение на новую воинскую должность не предусматривается, производится командованием без рапорта военнослужащего, а также отметив, что действия командования по увольнению С. соответствовали в целом и его волеизъявлению, в то время как увольнение с военной службы по другим основаниям производится на основании рапорта военнослужащего и, если это необходимо, других документов.

Кассационный военный суд счел указанные выводы не соответствующими обстоятельствам дела, что повлекло неправильное применение норм материального права судами первой и апелляционной ин-

станций.

Как указано в кассационном определении, материалами административного дела подтверждается, что необходимость прохождения С. медицинского освидетельствования была обусловлена объективными причинами, связанными с его заболеванием, препятствующим дальнейшему прохождению военной службы в ВДВ.

В силу требований, содержащихся в п. 14 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, увольнению военнослужащего должен предшествовать комплекс мероприятий, направленных на соблюдение его прав.

Подпунктом «а» п. 2 ст. 51 Закона о воинской обязанности и военной службе установлено, что военнослужащий может быть досрочно уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями.

В соответствии с абзацем пятым подп. «а» п. 4 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями и при отсутствии других оснований для увольнения — при признании его ВВК не годным к военной службе по имеющейся военно-учетной специальности (не отвечающим специальным требованиям), но годным к военной службе или годным к военной службе с незначительными ограничениями при отсутствии его согласия с назначением на другую воинскую должность (должность).

Согласно п. 11 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы при наличии у военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, нескольких оснований для увольнения с военной службы он увольняется по избранному им основанию, за исключением предусмотренных законом случаев.

В период службы С. заявил о невозможности дальнейшего прохождения военной службы в ВДВ по состоянию здоровья и желанию пройти медицинское освидетельствование, что не было реализовано до истечения срока контракта и увольнения в связи с этим с военной службы по

независящим от него причинам.

Вывод суда первой инстанции о том, что заключение ВВК от 12 августа 2021 г., как полученное после издания приказа об увольнении С. с военной службы, не может повлечь изменение основания его увольнения, противоречит п. 74 Положения о военно-врачебной экспертизе, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 565, где предусматривается, что граждане, уволенные с военной службы в запас или в отставку без проведения освидетельствования, могут быть освидетельствованы ВВК соответствующих федеральных органов исполнительной власти для определения категории их годности к военной службе на момент увольнения с военной службы, независимо от причин и времени увольнения.

Следует учесть, что особенности статуса военнослужащего, пребывающего в запасе (в отставке), определены законодательно исходя, в том числе, из основания его увольнения. При тех обстоятельствах, которые установлены по административному делу, подтверждены его материалами и не оспаривались по существу сторонами, С. вправе был после получения заключения ВВК о признании его на момент увольнения с военной службы не годным к службе в ВДВ поставить перед командованием вопрос о редакции соответствующего приказа¹.

2. При несвоевременном обращении лица, уволенного с военной службы без права на пенсию, за назначением оклада по воинскому званию выплаты за прошлое время производятся, если обращение за ними последовало до истечения 3 лет со

¹ Пример изложен на основе применения норм материального права, состоявшегося до изменений в регулировании правоотношений согласно Указу Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации». См.: Обзор судебной практики кассационного военного суда по гражданским и административным делам во втором полугодии 2022 года, утверждён Президиумом кассационного военного суда 04.04.2023 г. URL: https://vkas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&i d=28 (дата обращения 21.12.2023).

дня возникновения права на их получение

Решением гарнизонного военного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, отказано в удовлетворении требований проходившего военную службу по контракту Г. о признании незаконным отказа 23 ноября 2021 г. командира воинской части в производстве выплаты оклада по воинскому званию в течение одного года после увольнения его с военной службы по состоянию здоровья без права на пенсию. Основанием для принятия такого решения явилось следующее.

Согласно п. 4 ст. 23 Закона о статусе военнослужащих военнослужащим-гражданам, проходившим военную службу по контракту, имеющим общую продолжительность военной службы менее 20 лет и уволенным с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями без права на пенсию, в течение одного года после увольнения сохраняется выплата оклада по воинскому званию. Порядок выплаты оклада по воинскому званию определяется Правительством Российской Федерации.

В п. 18 постановления Правительства Российской Федерации от 22 сентября 1993 г. № 941 «О порядке исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий, компенсаций и пособий лицам, проходившим военную службу ...» установлено, что военнослужащим, проходившим военную службу по контракту, имеющим общую продолжительность военной службы менее 20 лет и уволенным с военной службы по состоянию здоровья, в течение 1 года после увольнения сохраняется выплата оклада по воинскому званию.

Годичный срок для выплаты оклада по воинскому званию исчисляется со дня, следующего за днем исключения военнослужащих и указанных лиц из списков личного состава воинской части в связи с увольнением с военной службы.

При несвоевременном обращении за назначением оклада по воинскому званию выплаты за прошлое время производятся в порядке, предусмотренном настоящим пунктом, если обращение за ними после-

довало до истечения 3 лет со дня возникновения права на их получение.

По делу установлено, что приказом командира воинской части от 9 декабря 2013 г. Г. уволен с военной службы по состоянию здоровья и исключен из списков личного состава воинской части с указанной даты. При этом общая продолжительность его военной службы составила менее 6 лет.

15 октября 2021 г. Г. через представителя обратился к командиру воинской части с заявлением по поводу производства выплаты, предусмотренной п. 4 ст. 23 Закона о статусе военнослужащих.

По результатам рассмотрения данного обращения 23 ноября 2021 г. направлен ответ, в котором сообщено об отказе в производстве Г. указанной выплаты в связи с пропуском установленного срока для обращения за ее получением.

При таких данных суд первой инстанции правомерно отказал в удовлетворении заявленных требований, поскольку истец мог обратиться за производством указанной выплаты до истечения трехлетнего срока, то есть до 10 декабря 2016 г., однако сделал это только в 2021 г.¹

3. Увольнение с военной службы военнослужащего, совершившего грубый дисциплинарный проступок, в связи с невыполнением им условий контракта на основании соответствующего заключения аттестационной комиссии воинской части не противоречит действующему законодательству и прав административно-го истца не нарушает.

П. в период прохождения военной службы по контракту в нарушение требований законодательства о защите информации сфотографировал на мобильный телефон, имеющий выход в Интернет, документы караула по охране государственного объекта. Фотоснимки служебных докумен-

¹ См.: Обзорная справка судебной практики рассмотрения военными судами административных, гражданских дел и материалов, а также дел об административных правонарушениях за 2022 г., утверждена постановлением президиума Южного окружного военного суда 16.01.2023 г. № 2 URL: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&id=315 (дата обращения 19.12.2023).

тов, регламентирующих действия караульных и часовых при выполнении ими обязанностей по охране объекта, нахождении в составе тревожной группы и при патрулировании обнаружены сотрудником ФСБ России в мобильном телефоне П., о чем был составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном ч. 6 ст. 13.12 КоАП РФ. Производство по делу об административном правонарушении на основании ч. 2 ст. 24.5 КоАП РФ прекращено с направлением материалов командиру воинской части для привлечения военнослужащего к дисциплинарной ответственности.

Приказом командира воинской части от 23 мая 2022 г. за совершенный грубый дисциплинарный проступок, выразившийся в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 6 ст. 13.12 КоАП РФ, к П. применено дисциплинарное взыскание в виде строгого выговора.

В этой связи П. был представлен на аттестационную комиссию воинской части, решением которой от 30 мая 2022 г. факт совершения административного правонарушения в области защиты информации был расценен как невыполнение им условий контракта, в связи с чем комиссия, несмотря на положительные характеристики и отсутствие других дисциплинарных взысканий, пришла к выводу о целесообразности его досрочного увольнения с военной службы в связи с невыполнением военнослужащим условий контракта.

Приказом командира воинской части от 1 июня 2022 г. П. досрочно уволен с военной службы в связи с невыполнением военнослужащим условий контракта и исключен из списков личного состава воинской части.

Считая свои права нарушенными, П. оспорил указанные решение аттестационной комиссии и действия должностного лица, связанные с увольнением с военной службы, обратившись с соответствующим административным иском заявлением в суд.

Решением гарнизонного военного суда административный иск удовлетворен.

При этом гарнизонный военный суд

исходил из того, что П. ранее по военной службе характеризовался положительно, имел 11 поощрений и единственное взыскание от 23 мая 2022 г. за совершенный указанный выше грубый дисциплинарный проступок. Полагая, что П. уже понес ответственность за совершение этого дисциплинарного проступка, гарнизонный военный суд пришел к выводу о том, что П. не мог быть повторно привлечен к ответственности за эти же действия, в связи с чем не мог быть рассмотрен в порядке аттестации на соответствие требованиям, предъявляемым к лицам, проходящим военную службу по контракту, и уволен с нее за их несоблюдение.

Окружной военный суд не согласился с такими выводами гарнизонного военного суда, отменил судебный акт в связи с неправильным истолкованием норм материального права и отказал в удовлетворении административного иска, указав следующее.

В соответствии с подп. «в» п. 2 ст. 51 Закона о воинской обязанности и военной службе военнослужащий может быть досрочно уволен с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта о прохождении военной службы.

Согласно правовой позиции, приведенной в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 21 марта 2013 г. № 6-П, применительно к дисциплинарной ответственности военнослужащих в случае, когда невыполнение военнослужащим условий контракта выражается в совершении дисциплинарного проступка, его увольнение за совершение данного дисциплинарного проступка не может иметь места, если ранее на этого военнослужащего уже было наложено дисциплинарное взыскание в качестве меры ответственности за данный дисциплинарный проступок.

Вместе с тем в интересах военной службы, выражающихся, в частности, в поддержании боевой готовности воинских подразделений, эффективном выполнении стоящих перед ними задач, недобросовестное отношение военнослужащего к своим обязанностям, в том числе подтверждаемое наличием у него неснятых дисципли-

плинарных взысканий, может послужить основанием для постановки вопроса о его соответствии требованиям, предъявляемым к лицам, проходящим военную службу, с точки зрения деловых и личных качеств.

Решение по данному вопросу должно приниматься в рамках процедуры аттестации военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, которая, согласно Положению о порядке прохождения военной службы, проводится в целях всесторонней и объективной оценки военнослужащих, определения соответствия занимаемой воинской должности и перспектив дальнейшего служебного использования (п. 1 ст. 26).

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, приведенным в п. 41 Постановления от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих», невыполнением условий контракта как основанием для досрочного увольнения военнослужащего с военной службы следует считать значительные (существенные) отступления от требований законодательства о воинской обязанности и военной службе, которые могут выражаться, в частности, в совершении виновных действий (бездействия), свидетельствующих об отсутствии у военнослужащего необходимых качеств для надлежащего выполнения обязанностей военной службы, в том числе в совершении одного из грубых дисциплинарных проступков, составы которых перечислены в п. 2 ст. 28⁵ Закона о статусе военнослужащих, иных юридически значимых обстоятельств, позволяющих в силу специфики служебной деятельности военнослужащего сделать вывод о том, что он перестал удовлетворять требованиям законодательства о воинской обязанности и военной службе, предъявляемым к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту.

При этом досрочное увольнение с военной службы по подп. «в» п. 2 ст. 51 Закона о воинской обязанности и военной службе в связи с невыполнением условий

контракта может применяться к военнослужащим в порядке дисциплинарного взыскания и в порядке аттестации с учетом соответствия военнослужащего предъявляемым к нему требованиям.

Приведенные законодательные нормы с их разъяснением опровергают вывод гарнизонного военного суда о том, что П. не мог быть рассмотрен на заседании аттестационной комиссии после объявления ему строгого выговора на соответствие занимаемой должности и перспективу дальнейшего прохождения службы, поскольку решение данных вопросов проводилось с учетом специфики служебной деятельности, а также деловых и личных качеств военнослужащего, что являлось прерогативой названной комиссии.

Согласно ст. 26 Закона о статусе военнослужащих к числу общих обязанностей военнослужащего относится строгое соблюдение Конституции Российской Федерации и законов России, требований общевоинских уставов, воинской дисциплины.

В соответствии с ч. 3 ст. 32 Закона о воинской обязанности и военной службе условия контракта о прохождении военной службы включают в себя обязанность военнослужащего добросовестно исполнять все общие, должностные и специальные обязанности, установленные законодательными и иными нормативными правовыми актами России.

В силу п. 2 ст. 28⁵ Закона о статусе военнослужащих и Перечня грубых дисциплинарных проступков военнослужащих, содержащегося в приложении № 7 к ДУ ВС РФ, административное правонарушение, за которое военнослужащий в соответствии с КоАП РФ несет дисциплинарную ответственность, относится к числу грубых дисциплинарных проступков.

Таким образом, факт совершения П. на территории воинской части грубого дисциплинарного проступка, выразившегося в нарушении требований о защите информации (ч. 6 ст. 13.12 КоАП РФ), свидетельствует о несоблюдении им важнейших обязанностей военнослужащего, в том числе обязанности строго соблюдать законы Российской Федерации, то есть о невы-

полнении им условий контракта, что само по себе могло явиться основанием для досрочного увольнения с военной службы.

При таких данных, аттестационная комиссия пришла к обоснованному выводу о необходимости его досрочного увольнения с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта, а командир воинской части правомерно уволил П. с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта.¹

4. Отказ военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, от исполнения специальных обязанностей военной службы при нахождении в служебной командировке по надуманным основаниям является значительным (существенным) отступлением от требований законодательства о воинской обязанности и военной службе и достаточным основанием для его увольнения с военной службы в связи с невыполнением условий контракта

Во исполнение указаний начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации — первого заместителя Министра обороны Российской Федерации и Главнокомандующего ВВС от 13 и 14 октября 2021 г., соответственно, на основании приказа командира воинской части 11111 от 19 октября 2021 г. прапорщик Б. 20 октября того же года убыл в служебную командировку в воинскую часть — полевая почта 22222 (Сирийская Республика).

По прибытии к месту исполнения специальных задач, узнав, что длительность командировки может составить большой срок по сравнению с тем, на который он рассчитывал, у Б. 22 октября 2021 г. состоялся телефонный разговор с супругой, которая сообщила ему о неготовности ждать его длительное время.

Под предлогом нежелания огорчать и травмировать свою супругу, Б. в тот же день обратился к командиру воинской части — полевая почта 22222 с просьбой о

возвращении его в пункт постоянной дислокации.

Учитывая рекомендации психолога данной воинской части, который в результате тестирования пришел к выводу о неготовности Беляева к выполнению специальных задач по своим индивидуально-психологическим качествам, командир воинской части — полевая почта 22222 удовлетворил рапорт Б. с просьбой о возвращении его в пункт постоянной дислокации, куда он убыл с отметкой начальника штаба данной воинской части в командировочном удостоверении о прекращении командировки в связи с неготовностью военнослужащего.

По результатам проведенного по указанию командира воинской части 11111 служебного разбирательства указанное должностное лицо издало приказ от 9 ноября 2021 г., которым, в том числе предписано рассмотреть на заседании аттестационной комиссии воинской части вопрос о досрочном увольнении Б. с военной службы в связи с невыполнением условий контракта.

На заседании 9 ноября 2021 г. аттестационная комиссия воинской части 11111 вынесла заключение о несоответствии Б. занимаемой воинской должности и целесообразности ходатайствовать о досрочном увольнении его с военной службы в связи с невыполнением условий контракта, с чем согласился командир воинской части 33333, утвердив данное заключение.

На основании данного заключения аттестационной комиссии и представления командира воинской части 11111 от 23 ноября 2021 г. Главнокомандующий ВВС издал приказ от 20 декабря 2021 г., которым досрочно уволил Б. с военной службы в связи с невыполнением условий контракта, а приказом командира воинской части 33333 от 4 февраля 2022 г. Б. исключен из списков личного состава воинской части с 5 февраля 2022 г.

Полагая свои права нарушенными, поскольку нарушений воинской дисциплины он не допускал, к исполнению обязанностей по воинской должности относился добросовестно, характеризовался положительно, дисциплинарных взысканий не

¹ См.: Обзор судебной практики 2-го Восточного окружного военного суда по рассмотрению гражданских и административных дел в апелляционном порядке за второе полугодие 2022 г. URL: http://2vovs.cht.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=403 (дата обращения 26.12.2023).

имел, каких-либо тяжких последствий или срывов боевых задач в результате прекращения его командировки не последовало, Б. оспорил в суде решение аттестационной комиссии и действия командования, связанные с увольнением с военной службы и исключением из списков личного состава воинской части, и просил восстановить его на военной службе.

Удовлетворяя административное исковое заявление, гарнизонный военный суд исходил из наличия у Б. личных (семейных) обстоятельств, требующих его присутствия по месту жительства семьи, решения командира о прекращении командировки административного истца, принятого с учетом рекомендаций психолога, отсутствия у него неснятых дисциплинарных взысканий и наличия поощрений в 2018, 2020 и 2021 г., его положительной служебной характеристики от 16 ноября 2021 г., невключения заместителя председателя комиссии и представителя кадрового органа в состав аттестационной комиссии, рассмотревшей аттестационный лист в отношении Б., а также нарушений при составлении аттестационного листа.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая новое решение об отказе в удовлетворении административного иска, окружной военный суд указал следующее.

В соответствии с п. 3 ст. 32 Закона о воинской обязанности и военной службе условия контракта о прохождении военной службы включают в себя обязанность военнослужащего добросовестно исполнять все общие, должностные и специальные обязанности, установленные законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Согласно подп. «в» п. 2 ст. 51 Закона о воинской обязанности и военной службе и подп. «в» п. 4 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта.

В соответствии с п. 2 ст. 1 Закона о статусе военнослужащих на военнослужащих возлагаются обязанности по подготовке к вооруженной защите и вооружен-

ная защита Российской Федерации, которые связаны с необходимостью беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе с риском для жизни. В связи с особым характером обязанностей, возложенных на военнослужащих, им предоставляются социальные гарантии и компенсации.

Согласно ст. 26 Закона о статусе военнослужащих защита государственного суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, обеспечение безопасности государства, отражение вооруженного нападения, а также выполнение задач в соответствии с международными обязательствами России составляют существо воинского долга, который обязывает военнослужащих, в том числе: быть верными Военной присяге (обязательству), беззаветно служить народу Российской Федерации, мужественно и умело защищать Российскую Федерацию; строго соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы Российской Федерации, требования общевоинских уставов, беспрекословно выполнять приказы командиров; быть дисциплинированными. Об этом же указано и в ст. 7 и 16 УВС ВС РФ, соответственно.

Действительно, в силу подп. «а.1» п. 2 ст. 27 Положения о порядке прохождения военной службы в состав аттестационной комиссии в качестве заместителя председателя этой комиссии должен входить заместитель командира воинской части по военно-политической работе.

Из материалов дела усматривалось, что 9 ноября 2021 г. заместитель командира воинской части 11111 по военно-политической работе принимал участие в работе аттестационной комиссии в качестве члена комиссии, в том числе при принятии оспариваемого решения в отношении Б.

При таких данных отсутствие в аттестационной комиссии заместителя председателя комиссии и представителя кадрового органа не свидетельствует о наличии безусловного основания для отмены правильного по существу принятого этой комиссией решения.

Вопреки выводу суда первой инстан-

ции, существенных нарушений при составлении аттестационного листа, повлиявших на объективность выводов проведенной в отношении Б. аттестации и влекущих отмену принятого аттестационной комиссией обоснованного решения, допущено не было.

Из материалов дела усматривалось, что в силу заключенного контракта о прохождении военной службы Б. добровольно дал обязательство добросовестно исполнять в период прохождения военной службы по контракту все общие, должностные и специальные обязанности военнослужащих, установленные законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Между тем, несмотря на доведенный командованием срок командировки (до 6 месяцев), допуская, со слов сослуживцев, возможность превышения этих сроков, под предлогом нежелания огорчать и травмировать свою супругу, Б. обратился к командиру воинской части — полевая почта 22222 с просьбой о возвращении его в пункт постоянной дислокации — в воинскую часть 11111.

При проведении служебного разбирательства Б. в своих объяснениях в качестве обстоятельств, послуживших поводом для возвращения в воинскую часть, указывал также и иные причины, в том числе беременность супруги и болезнь дочери.

Однако впоследствии выяснилось, что беременность супруги Б. являлась вымышленной причиной, а амбулаторное лечение дочери, на котором она уже находилась на момент добровольного убытия Б. в командировку, не ставилось им в качестве препятствия к исполнению специальных задач.

Беременность супруги Б., тем более вымышленная, и нахождение дочери на амбулаторном лечении в период с 18 октября по 30 ноября 2011 г., подтвержденное справкой, выданной 30 ноября 2021 г. врачом-гастроэнтерологом для предъявления в школу танцев «Денс», вопреки выводу суда первой инстанции, не могут быть отнесены к личным или семейным обстоятельствам, требующим присутствия военнослужащего по месту жительства семьи

или родственников, следовательно, не могли являться основанием для досрочного прекращения служебной командировки.

Более того установлено, что должностное лицо, направившее Б. в служебную командировку, решение о ее досрочном прекращении не принимало.

Ответственность за принятие такого решения взял на себя командир воинской части — полевая почта 22222, то есть должностное лицо, в распоряжение которого был откомандирован Б.

С учетом изложенного, окружной военный суд пришел к выводу о том, что Б., вопреки требованиям п. 2 ст. 1 и ст. 26 Закона о статусе военнослужащих, в отсутствие на то оснований фактически выразил неготовность беспрекословно выполнять поставленные задачи в любых условиях, в данном случае — специальные задачи в служебной командировке, перестал быть верным Военной присяге, что следует считать значительным (существенным) отступлением от требований законодательства о воинской обязанности и военной службе.

Изложенный в рапорте психолога воинской части от 22 октября 2021 г. вывод по результатам психологического тестирования Б. о неготовности его к выполнению специальных задач по своим индивидуально-психологическим качествам, положенный в основу решения командира данной воинской части о прекращении командировки Б., напротив и вопреки выводу суда первой инстанции, лишь подтверждает то, что он перестал удовлетворять требованиям законодательства о воинской обязанности и военной службе, предъявляемым к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту.

Равным образом, отсутствие у Б. неснятых дисциплинарных взысканий и наличие поощрений в 2018, 2020 и 2021 г., а также его положительная служебная характеристика от 16 ноября 2021 г., с учетом содеянного не являлось препятствием для постановки вопроса о соответствии его требованиям законодательства о воинской обязанности и военной службе, предъявляемым к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту.

Поскольку с аттестационным листом, заключением аттестационной комиссии и решением командира, его утвердившим, Б. был ознакомлен своевременно, порядок проведения аттестации командованием был соблюден, заседание аттестационной комиссии проведено с участием аттестуемого, апелляционная инстанция пришла к выводу об обоснованности выводов аттестационной комиссии, а также правомерности решения командира войсковой части 33333, утвердившего данное заключение.

При таких данных правомерными являются и действия командира воинской части 11111, представившего 23 ноября 2021 г. Б. к увольнению с военной службы по указанному основанию.

Обоснованность и законность увольнения Б. с военной службы в связи с невыполнением условий контракта подтверждается и тем, что командование учло необходимость повышения в обществе авторитета и престижа военной службы, сохранения и приумножения патриотических традиций, улучшения морально-психологического климата в соединениях и воинских частях, укрепления в Вооруженных Силах организованности и воинской дисциплины, совершенствования системы воспитания военнослужащих¹.

5. Неверная оценка обстоятельств дела повлекла необоснованный отказ военнослужащему в восстановлении права на выбор основания увольнения с военной службы.

Б. оспорил приказ об увольнении с военной службы по истечении срока контракта и приказ командира воинской части об исключении из списков личного состава части, так как увольнение было произведено без учета заключения военно-врачебной комиссии (ВВК), признавшей его негодным к военной службе.

Постановляя решение об отказе в удовлетворении административного иска, гарнизонный военный суд исходил из того,

что процедура увольнения командованием соблюдена и на дату исключения из списков личного состава Б. был обеспечен положенным довольствием.

Окружной военный суд выявил существенное нарушение порядка увольнения Б. с военной службы, указав следующее.

По делу установлено, что 21 марта 2022 г. Б. подал рапорт о заключении с ним нового контракта о прохождении военной службы, в удовлетворении которого было отказано.

25 марта 2022 г. в связи с предстоящим увольнением по истечении срока контракта с ним была проведена беседа и в тот же день ему выдано направление для прохождения ВВК с датой прибытия на освидетельствование 17 мая 2022 г.

28 марта 2022 г. документы на увольнение Б. были направлены вышестоящему командованию, откуда вернулись 25 апреля 2022 г. с приказом от 20 апреля 2022 г. о его увольнении с 17 июня 2022 г. в запас по истечении срока контракта.

С 17 мая по 17 июня 2022 г. Б. проходил медицинское освидетельствование в госпитале, заключением ВВК которого от 16 июня 2022 г., утвержденным 14 июля 2022 г., он признан негодным к военной службе.

В связи с полученным результатом медицинского освидетельствования 20 июня 2022 г. Б. обратился к командиру воинской части с рапортами об изменении основания увольнения на увольнение по состоянию здоровья, а также об отмене приказов об увольнении и исключении из списков личного состава воинской части.

Несмотря на это, приказом командира части от 20 июня 2022 г. он с той же даты исключен из списков личного состава.

В соответствии с п. 3 и 4 ст. 3 Закона о статусе военнослужащих социальная защита военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей является функцией государства и предусматривает, в числе прочего, реализацию их прав, социальных гарантий и компенсаций органами государственной власти, федеральными государственными органами, органами военного управления и органами местного самоуправления.

¹ См.: Обзор судебной практики 2-го Западного окружного военного суда по административным и гражданским делам за второе полугодие 2022 г. URL: http://2zovs.msk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=76 (дата обращения 18.12.2023).

Обязанность по реализации мер правовой и социальной защиты военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей указаный Закон возлагает, в том числе, на командиров (начальников).

Согласно п. 11 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы (далее — Положение) при наличии у военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, нескольких оснований для увольнения с военной службы он увольняется по избранному им основанию (за исключением случаев, которых по данному делу не усматривается).

В соответствии с п. 12 ст. 34 Положения увольнение военнослужащего с военной службы по основаниям, когда его согласие на увольнение или назначение на новую воинскую должность не предусматривается, производится командованием без рапорта военнослужащего. Увольнение с военной службы по другим основаниям производится на основании рапорта военнослужащего и, если это необходимо, других документов.

Контракт о военной службе закончился у Б. 17 июня 2022 г.

В силу п. 14 ст. 34 Положения увольнению военнослужащего должен предшествовать комплекс мероприятий, направленных на соблюдение прав военнослужащих.

В соответствии с абзацами третьим и пятым п. 23 Инструкции об организации военно-врачебной экспертизы, утвержденной приказом руководителя соответствующего федерального органа от 8 апреля 2016 г. № 241, направление на освидетельствование военнослужащих, подлежащих увольнению с военной службы, осуществляется в обязательном порядке. Отказ военнослужащего, подлежащего увольнению с военной службы, от проведения ему освидетельствования подтверждается его рапортом, который приобщается к личному делу.

В силу п. 14 Порядка оформления и представления документов, касающихся назначения на воинские должности, освобождения от воинских должностей и зачисления в распоряжение руководителя,

начальника, а также увольнения с военной службы военнослужащих, утвержденного приказом руководителя соответствующего федерального органа от 26 марта 2019 г. (далее — Порядок), при увольнении с военной службы военнослужащего на него оформляется представление.

Согласно п. 17 Порядка в пункте «Категория годности к военной службе» представления указываются сведения о категории годности военнослужащего к военной службе, номер и дата заключения ВВК по результатам его медицинского освидетельствования.

Если военнослужащий отказался от прохождения медицинского освидетельствования ВВК, то в указанном разделе представления делается запись «От прохождения медицинского освидетельствования ВВК отказался (рапорт военнослужащего (акт комиссии) от ___ 20__ г.)».

В случае если военнослужащий, представляемый к увольнению с военной службы по основанию, которое в соответствии с Положением о порядке прохождения военной службы не предусматривает право выбора им другого основания увольнения, обратился с рапортом о направлении его на медицинское освидетельствование ВВК, то в данном разделе указывается: «Направлен на ВВК ___ 20__ г. (направление № __)».

Исходя из того, что Б. подлежал увольнению по истечении срока контракта, то есть по основанию, которое (при наличии к тому определенных обстоятельств) предусматривало право выбора им другого основания увольнения, а также не отказался от прохождения ВВК, то в силу приведенных правовых предписаний он не мог быть представлен к увольнению с военной службы и уволен с нее до получения заключения ВВК, утвержденного ЦВВК, а также выяснения у Б. основания увольнения с военной службы в условиях появившегося у него права выбора такого основания.

Данный порядок должностными лицами воинской части был нарушен и документы на увольнение Б. направлены вышестоящему командованию уже 28 марта

2022 г., а вопрос согласования даты его госпитализации для прохождения ВВК начал решаться только в день направления документов на увольнение.

Следовательно, задержка с проведением освидетельствования ВВК и вынесением заключения по его результатам после истечения срока контракта о прохождении военной службы была обусловлена не действиями Б., а упущениями в деятельности должностных лиц воинской части.

При таких обстоятельствах приказ об увольнении Б. с военной службы в части указания в нем основания увольнения по истечении срока контракта не соответствовал предписаниям приведенных правовых актов и нарушал право на увольнение по избранному им основанию — подп. «в» п. 1 ст. 51 Закона о воинской обязанности и военной службе, о котором Б. заявил сразу после ознакомления с результатами медицинского освидетельствования и возвращения к месту прохождения военной службы.

Этот вывод подтверждается правовой позицией в п. 4 Обзора практики применения военными судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих в 2018 г., утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2019 г.

При таких данных окружной военный суд решение в части отказа в признании незаконным приказа об увольнении Б. по истечении срока контракта отменил.

Приняв во внимание, что после рассмотрения дела приказом соответствующего командира от 13 сентября 2022 г. в оспоренный приказ были внесены изменения в части основания увольнения Б. (предписано полагать его уволенным по состоянию здоровья — в связи с признанием ВВК негодным к военной службе, то есть на день рассмотрения дела в апелляционном порядке права Б. в этой части административным ответчиком восстановлены), руководствуясь абзацем пятым п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 года № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Рос-

сийской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации», окружной военный суд признал оспариваемый приказ незаконным без возложения на соответствующего административного ответчика определенных обязанностей.

В остальной части решение суда первой инстанции оставлено без изменения¹.

Библиография

1. Глухов, Е.А. Возможность увольнения военнослужащего за не связанные с исполнением обязанностей военной службы правонарушения / Е.А. Глухов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2018. — № 7 (252). — С. 16—25.
2. Калашников, В.В. Реализация права военнослужащих на получение квалифицированной юридической помощи / В.В. Калашников // *Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.* — 2008. — № 5 (7). — С. 77—78.
3. Кириченко, Н.С. Об увольнении с военной службы военнослужащего, признанного не годным к ней по состоянию здоровья и не обеспеченного жилым помещением / Н.С. Кириченко, Н.Г. Александрова // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2019. — № 2 (259). — С. 20—24.
4. Корякин, В.М. Об обеспечении законности при подготовке граждан к военной службе и призыве на военную службу / В.М. Корякин, В.С. Харитонов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2019. — № 12 (269). — С. 60—65.
5. Кудашкин, А.В. Увольнение с военной службы. Пребывание в запасе : справочник / А.В. Кудашкин, А.И. Тюрин, К.В. Фатеев. — Москва: За права военнослужащих, 2004. — 415 с.
6. Леонтьев, В.Н. О жилищном обеспечении военнослужащих при увольнении с военной службы (по материалам судебной практики) / В.Н. Леонтьев, С.С. Харитонов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2023. — № 6 (311). — С. 80—86.
7. Малаханов, А.В. Оспаривание увольнения с военной службы военнослужащих (по материалам военно-судебной практики) / А.В. Малаханов, С.С. Харитонов // *Военное право.* — 2022. — № 5 (75). — С. 139—145.
8. Мартиросян, В.С. Актуальные проблемы

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по административным и гражданским делам за 2-е полугодие 2022 года, утвержден на заседании Президиума 1-го Западного окружного военного суда 19.01.2023. URL: http://1zovs.spb.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=290 (дата обращения 28.12.2023)

комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации в современных условиях / В.С. Мартиросян // Вестник военного права. — 2020. — № 3. — С. 20—23.

9. Фатеев, К.В. Увольнение с военной службы / К. В. Фатеев // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2002. — № 7 (60). — С. 29—51.

10. Харитонов, С.С. О современных тенденциях разрешения споров в сфере военной службы по материалам военно-судебной практики / С.С. Хари-

тонов, В.С. Миронов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 2 (307). — С. 21—35.

11. Шанхаев, С.В. Прохождение военной службы по контракту: практические рекомендации (комментарии и разъяснения, судебная практика, алгоритмы действий, образцы документов) / С.В. Шанхаев. — Москва: За права военнослужащих, 2008. — 208 с.

Юридическая ответственность граждан, пребывающих в добровольческих формированиях

© Кириченко Николай Сергеевич,

кандидат юридических наук, юрист

© Александрова Наталья Геннадиевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры
кадрового, правового и психологического
обеспечения Академии Государственной
противопожарной службы МЧС России

© Богданов Сергей Леонидович,

юрист

Аннотация. В июне 2023 г. в законодательные акты Российской Федерации внесены изменения, предусматривающие наделение Вооруженных Сил Российской Федерации правом привлекать добровольческие формирования для содействия в выполнении задач в области обороны. Граждане из таких формирований (добровольцы) фактически выполняют задачи, схожие с теми, которые выполняют военнослужащие. Законодательными актами Российской Федерации установлено, что добровольцы во многих случаях (например, при реализации социальных гарантий) имеют статус военнослужащих. При этом, на наш взгляд, вызывает большой интерес вопрос привлечения добровольцев к различным видам юридической ответственности, например, материальной, уголовной и административной за проступки, совершенные ими при выполнении указанных задач. В данной статье проанализированы законодательные и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, регламентирующие указанный вопрос, а также выявлены возможные пробелы в указанном вопросе.

Ключевые слова: добровольческие формирования, добровольцы, военная служба, юридическая ответственность, дисциплинарная ответственность, материальная ответственность, административная ответственность, уголовная ответственность, юридическая ответственность военнослужащих, специальная военная операция.

Legal responsibility of citizens staying in volunteer formations

© Kirichenko N. S.,

lawyer, Candidate of Legal Sciences

© Alexandrova N.G.,

Candidate of Law, Associate Professor of the
Department of Personnel, Legal and Psychological
Support of the Academy of the State Fire Service of
the Ministry of Emergency Situations of Russia of
the Russian Federation

© Bogdanov S.L.,

lawyer

Abstract. In June 2023, amendments were made to the legislation of the Russian Federation, allowing the Armed Forces of the Russian Federation to attract volunteer formations to assist in the performance of tasks in the field of defense. Citizens from such formations actually perform tasks similar to those performed by military personnel. Legislative acts of the Russian Federation stipulate that such citizens in many cases (for example, when implementing social guarantees) have the status of a serviceman. At the same time, in our opinion, the issue of bringing volunteers to legal responsibility for the offenses committed by them while performing these tasks is of great interest. In this article, we will try to analyze legislative and other normative legal acts regulating this issue, as well as to identify possible gaps in it.

Keywords: volunteer formations, volunteers, military service, legal responsibility, disciplinary responsibility, material responsibility, administrative responsibility, criminal responsibility, legal responsibility of military personnel, special military operation.

Военная служба определяет наличие соответствующего статуса у военнослужащих, который заключается в определенных правах и свободах, гарантированных государством, совокупности обязанностей, а также ответственности, установленных федеральными конституционными законами, федеральными законами, и другими нормативными правовыми актами Российской Федерации. При наличии оснований, предусмотренных законодательством, военнослужащие могут быть привлечены к юридической ответственности.

Указанная тема не является новой в военно-правовых исследованиях¹, тем не менее происходящие в стране и мире события актуализируют ее не только в прямом ее понимании, но с учетом новых категорий граждан, привлекаемых к выполнению задач (например, участие в проведении специальной военной операции) совместно с военнослужащими, и которые приобретают схожий с военнослужащими статус.

Так, Федеральным законом от 4 ноября 2022 г. № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» были внесены изменения в законодательные акты Российской Федерации в части, касающейся уре-

гулирования вопроса деятельности граждан Российской Федерации из числа добровольческих формирований.

Указанным Федеральным законом положения ст. 1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» дополнены пунктом 8.1, согласно которому для выполнения отдельных задач в области обороны привлекаются добровольческие формирования, содействующие выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооруженных конфликтов, при проведении контртеррористических операций, а также при использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации.

При этом тема юридической ответственности граждан Российской Федерации, пребывающих в добровольческих формированиях, является относительно новой в качестве объекта военно-правового исследования, хотя отдельные ее вопросы уже рассмотрены различными учеными².

Юридическая ответственность, являясь одной из форм общесоциальной ответственности, исходя из общепринятой точки зрения, не обладает единым толкованием³.

Наиболее распространенным является определение юридической ответственности

¹ См, напр.: Корякин В.М., Певень Л.В. Стратегия социального развития вооруженных сил России — путь к качественному изменению военно-гражданских отношений // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2008. № 1 (127). С. 2—11; Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Правовые основания проведения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 7 (300). С. 22—32; Кириченко Н.С. К вопросу о привлечении к материальной ответственности военнослужащих, переведенных к новому месту военной службы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2015. № 10 (220). С. 21—25; Павлова Е.В., Власова С.А. Административно-правовой статус участников специальной военной операции // Государственная служба и кадры. 2023. № 1. С. 88—90; Тараненко В.В., Харитонов С.С. Материальная ответственность военнослужащих: вопросы практики и законности // Военное право. 2019. № 2 (54). С. 194—197; Феоктистова О.Ю. Пенсионное обеспечение лиц, участвовавших в специальной военной операции, и их семей // Военное право. 2023. № 2 (78). С. 105—109.

² См. напр.: Корякин В.М., Сынков Н.В. О месте добровольческих формирований в системе субъектов обеспечения обороны страны // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 10 (315). С. 18—26; Плотников С.В. Нормативно-правовое закрепление единовременных выплат военнослужащим в ходе специальной военной операции как направление социальной политики Российской Федерации // Наука и общество : материалы V международной научной конференции. М., 2023. С. 237—243; Дамаскин О.В., Холиков И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных военных конфликтов // Вестник Академии военных наук. 2018. № 4(65). С. 121—128.

³ Марченко В.Н. Большой юридический словарь. М., 2002. С. 695.

сти как «меры государственного принуждения, основанной на юридическом и общественном осуждении поведения правонарушителя и выражающейся в определении для него конкретных отрицательных последствий в виде ограничений личного и имущественного порядка»¹.

Также юридическую ответственность можно определить, как меры правового принуждения за совершенные правонарушения, содержащие для правонарушителей неблагоприятные последствия и применяемые к ним компетентными органами, должностными лицами или гражданами в установленном государством порядке².

С точки зрения Н.И. Павлова юридическая ответственность является самостоятельным элементом правового статуса личности и, в то же время, может входить в структуру правового статуса конкретного субъекта правового общения в зависимости от сферы действия определенной отрасли права³.

Рассматривая более предметно юридическую ответственность добровольцев, следует указать, что в соответствии с положениями ст. 22.1 Федерального закона «Об обороне» добровольческие формирования могут создаваться Министерством обороны Российской Федерации по решению Президента Российской Федерации.

Численность добровольческих формирований, их организация, районы их действий, стоящие перед ними задачи, порядок управления ими, срок использования добровольческих формирований, а также порядок прекращения и иные вопросы их деятельности определяются Министерством обороны Российской Федерации исходя из задач, стоящих перед Вооруженными Силами Российской Федерации. В состав добровольческих формирований входят граждане Российской Федерации,

добровольно поступившие в добровольческие формирования, а также могут входить военнослужащие, направленные в них Министерством обороны Российской Федерации.

Гражданин Российской Федерации может поступить в добровольческое формирование путем заключения контракта о пребывании в добровольческом формировании (о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации) и подлежит исключению из добровольческого формирования:

— в связи с истечением срока контракта о пребывании в добровольческом формировании;

— в связи с несоответствием требованиям к состоянию здоровья, установленным Министерством обороны Российской Федерации для граждан Российской Федерации, пребывающих в добровольческих формированиях;

— в связи с вступлением в законную силу приговора суда о назначении наказания в виде лишения свободы;

— в связи с поступлением на военную службу;

— в связи с прекращением деятельности добровольческого формирования.

Гражданин Российской Федерации может быть исключен из добровольческого формирования в связи с невыполнением им условий контракта о пребывании в добровольческом формировании. Он имеет право на досрочное исключение из добровольческого формирования по собственному желанию в порядке и на условиях, которые предусмотрены контрактом о пребывании в добровольческом формировании.

Согласно п. 10 ст. 22.1 Федерального закона «Об обороне» граждане Российской Федерации граждане Российской Федерации, пребывающие в добровольческих формированиях, имеют статус (совокупность прав, обязанностей и ответственности), устанавливаемый федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. На таких граждан в случаях и порядке, которые

¹ Там же. С. 694.

² Зателепин О.К. Юридическая ответственность военнослужащих (материалы для проведения занятий по правовой подготовке) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2005. № 10. С. 34.

³ Павлов Н.И. Административная, дисциплинарная и материальная ответственность военнослужащих. М.: ВПА. 1982. С. 7.

предусмотрены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, распространяется статус военнослужащих.

Считаем необходимым обратить внимание, что данная норма является бланкетной в части определения статуса добровольцев, так как указывает, что их статус устанавливается законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Исходя из положений абзаца первого п. 5.1 ст.2 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» социальные гарантии и компенсации, которые предусмотрены указанным Федеральным законом, федеральными конституционными законами и федеральными законами для военнослужащих и членов их семей, предоставляются гражданам, пребывающим в добровольческих формированиях, содействующих выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооруженных конфликтов, при проведении контртеррористических операций, а также при использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации, и членам их семей в случаях и порядке, которые предусмотрены данным Федеральным законом, другими федеральными законами.

И вновь обращаем внимание, что указанные положения Федерального закона «О статусе военнослужащих» распространяют на добровольцев (в определенных случаях) только социальные гарантии и компенсации, предоставляемые военнослужащим.

Согласно положениям п. 1 ст. 28 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащий или гражданин, призванный на военные сборы, либо гражданин, пребывающий в добровольческом формировании, в зависимости от характера и тяжести совершенного им правонарушения привлекается к дисциплинарной, административной, материальной, граждан-

ско-правовой и уголовной ответственности в соответствии с законодательством.

Указанные положения Федерального закона «О статусе военнослужащих» в части привлечения добровольцев к дисциплинарной ответственности отсылает нас к нему же самому. Однако в части, касающейся привлечения добровольцев к другим видам ответственности, отсылает к «другим федеральным законам».

При этом положения Федерального закона от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» не содержит такой категории, как «граждане Российской Федерации, пребывающие в добровольческих формированиях».

Таким образом, на наш взгляд возникает справедливый вопрос: чем должно регламентироваться привлечение добровольцем к материальной ответственности — Федеральным законом «О материальной ответственности военнослужащих» или Трудовым кодексом Российской Федерации?

Кроме этого, анализируя привлечение добровольцев к уголовной ответственности, также возникает вопрос, распространяются ли на них положения статей УК РФ, предусматривающие уголовную ответственность за преступления против военной службы? Актуальность данному вопросу, на наш взгляд, прибавляет то условие, что в настоящее время добровольцы активно принимают участие в проведении Россией специальной военной операции, а также существующей динамикой функционирования международного права¹.

Такой вопрос возникает в связи с тем, что ст. 331 УК РФ (понятие преступлений против военной службы) в качестве субъектов данной категории преступлений определяет военнослужащих, проходящих военную службу по призыву либо по контракту, а также граждан, пребывающих в

¹ Холиков И.В., Милованович А., Наумов П.Ю. Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 11. С. 132—148.

запасе, во время прохождения ими военных сборов и такой категории как «граждане Российской Федерации, пребывающие в добровольческих формированиях» не содержит.

Также следует отметить, что согласно абзацу третьему п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» в гл. 33 УК РФ к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, относятся офицеры, прапорщики и мичманы, курсанты, сержанты, старшины, солдаты и матросы, заключившие контракт о прохождении военной службы (п. 1 ст. 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих»), лица, указанные в п. 6 ст. 32 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», а также граждане, призванные на военную службу по мобилизации, на которых в установленном порядке распространён статус военнослужащих, проходящих военную службу по контракту.

Аналогичный вопрос возникает при рассмотрении административной ответственности добровольцев, будут ли они являться специальным субъектом по аналогии с военнослужащими?

При ответе на возникшие вопросы следует отметить, что выполняемые добровольцами задачи имеют ряд специфических признаков:

1) могут выполняться с использованием вооружения и военной техники (п. 11 ст. 22.1 Федерального закона «Об обороне»);

2) по своему характеру и особенностям наиболее схожи с задачами, выполняемыми военнослужащими;

3) могут выполняться совместно с военнослужащими;

4) выполняются на основании контракта, заключаемого с военной организацией.

Таким образом, учитывая схожесть статуса добровольцев со статусом военнослужащих, специфические признаки выполняемых добровольцами задач, положение

Федерального закона «Об обороне» и Федерального закона «О статусе военнослужащих», полагаем целесообразным сделать вывод о необходимости распространения на граждан Российской Федерации, пребывающих в добровольческих формированиях, положений Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», а также положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в части, касающейся привлечения их к соответствующим видам ответственности.

Полагаем, на определенном этапе данные вопросы могут быть урегулированы судебной практикой, однако, все пробелы в законодательстве, как указывал один из авторов ранее¹, необходимо урегулировать именно путем внесения соответствующих изменений в законодательные и иные нормативные правовые акты Российской Федерации.

Библиография

1. Дамаскин, О.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных военных конфликтов / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Вестник Академии военных наук. — 2018. — № 4(65). — С. 121—128.

2. Зателепин, О.К. Юридическая ответственность военнослужащих (материалы для проведения занятий по правовой подготовке) / О.К. Зателепин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2005. — № 10.

3. Кириченко, Н.С. К вопросу о привлечении к материальной ответственности военнослужащих, переведенных к новому месту военной службы / Н.С. Кириченко // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2015. — № 10 (220). — С. 21—25.

4. Кириченко, Н.С. Прецедентное право: есть оно в России или нет? / Н.С. Кириченко // Арбитражный и гражданский процесс. — 2015. — № 10. — С. 61—63.

5. Корякин, В.М. О месте добровольческих формирований в системе субъектов обеспечения обороны страны / В.М. Корякин, Н.В. Сынков // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 10 (315). — С. 18—26.

6. Корякин, В.М. Стратегия социального развития вооруженных сил России — путь к

¹ Кириченко Н.С. Прецедентное право: есть оно в России или нет? // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 10. С. 61—63.

качественному изменению военно-гражданских отношений / В.М. Корякин, Л.В. Певень // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2008. — № 1 (127). — С. 2—11.

7. Кудашкин, А.В. Правовые основания проведения специальной военной операции / А.В. Кудашкин, Н.Н. Мельник // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 7 (300). — С. 22—32.

8. Павлов, Н.И. Административная, дисциплинарная и материальная ответственность военнослужащих / Н.И. Павлов. — Москва: ВПА, 1982.

9. Павлова, Е.В. Административно-правовой статус участников специальной военной операции / Е.В. Павлова, С.А. Власова // Государственная служба и кадры. — 2023. — № 1. — С. 88—90.

10. Плотников, С.В. Нормативно-правовое закрепление единовременных выплат военнослужащим в ходе специальной военной операции как направление социальной политики

Российской Федерации / С.В. Плотников // Наука и общество : материалы V международной научной конференции. — Москва, 2023. — С. 237—243.

11. Тараненко, В.В. Материальная ответственность военнослужащих: вопросы практики и законности / В.В. Тараненко, С.С. Харитонов // Военное право. — 2019. — № 2 (54). — С. 194—197.

12. Феоктистова, О.Ю. Пенсионное обеспечение лиц, участвовавших в специальной военной операции, и их семей / О.Ю. Феоктистова // Военное право. — 2023. — № 2 (78). — С. 105—109.

13. Холиков, И.В. Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход / И.В. Холиков, А. Милованович, П.Ю. Наумов // Журнал российского права. — 2022. — Т. 26. № 11. — С. 132—148. — DOI 10.12737/jrl.2022.122. — EDN ABBLLM.

Военно-социальная составляющая федерального бюджета на 2024 г.

© **Корякин Виктор Михайлович**,
доктор юридических наук, профессор, ФГКВОУ
ВО «Военный университет имени князя
Александра Невского» Минобороны России;
ФГАОУ ВО «Российский университет
транспорта»

Аннотация. Статья представляет собой научно-практический комментарий положений Федерального закона от 27 ноября 2023 г. № 540-ФЗ «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов», касающихся вопросов финансового обеспечения реализации приоритетных направлений военно-социальной политики Российской Федерации в 2024 г. Показаны основные ориентиры федерального бюджета, направленные на решение военно-социальных проблем, реализацию социальных гарантий военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей.

Ключевые слова: военно-социальная политика; федеральный бюджет; денежное довольствие военнослужащих; жилищное обеспечение военнослужащих; пенсионное обеспечение лиц, проходивших военную службу.

The military-social component of the federal budget for 2024

© **Koryakin V.M.**,
Doctor of Law, Professor, Prince Alexander
Nevsky Military University of the Russian
Ministry of Defense; Russian University of
Transport

Annotation. The article is a scientific and practical commentary on the provisions of Federal Law No. 540-FZ dated November 27, 2023 "On the Federal Budget for 2024 and for the Planning period 2025 and 2026", concerning the issues of financial support for the implementation of priority areas of military and social policy of the Russian Federation in 2024. The main guidelines of the federal budget aimed at solving military and social problems, social guarantees for military personnel, citizens discharged from military service, and their family members are shown.

Keywords: military-social policy; federal budget; monetary allowance of military personnel; housing provision of military personnel; pension provision of persons who have served in the military.

Наступивший 2024 г. станет третьим годом специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины (СВО), которую Российская Федерация проводит с 22 февраля 2022 г. Безусловно, данное обстоятельство нашло свое отражение во вступившем в силу с 1 января 2024 г. Федеральном законе от 27 ноября 2023 г. № 540-ФЗ «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов», который предусматривает существенный рост расходов

на оборону страны и обеспечение ее безопасности.

Рост расходов на оборону обусловлен также поэтапным увеличением штатной численности Вооруженных Сил Российской Федерации. Более года назад на состоявшемся 21 декабря 2022 г. под руководством Верховного Главнокомандующего Вооружёнными Силами — Президента Российской Федерации В.В. Путина расширенном заседании Коллегии Министерства обороны Российской Федерации были

озвучены планы по доведению численности Вооружённых Сил до 1,5 млн. военнослужащих, в том числе военнослужащих по контракту — до 695 тыс. человек¹.

В порядке реализации указанных намерений в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 25 августа 2022 г. № 575 численность военнослужащих Вооружённых Сил с 1 января 2023 г. была установлена в 1 180 628 единиц, т.е. рост составил почти 230 тыс., а с 1 декабря 2023 г. Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2023 г. № 915 численность военнослужащих увеличена еще на 130 372 человек и составила 1 320 000 единиц.

Раскрывая основные параметры федерального бюджета на ближайшее трехлетие, министр финансов Российской Федерации А.Г. Силуанов отметил, что в 2024 г. ресурсы государства будут сконцентрированы для достижения основной задачи — нашей победы. Запланированные на 2024 г. ресурсы позволяют решать задачи, поставленные в рамках СВО, включая поставки вооружений и военной техники, материально-техническое и социальное обеспечение военнослужащих. «Общий объем расходов на национальную оборону составляет в 2024 г. почти 11 трлн. руб. и существенно возрастет по сравнению с предыдущими годами: 29 процентов всех расходов бюджета направлены на нашу основную сегодня задачу — обеспечить нашу победу. До начала СВО расходы национальной обороны составляли в два раза меньше — 14 процентов расходов бюджета, сейчас — 29 процентов. Предусматривается также необходимость ассигнования на техническое перевооружение производственных мощностей оборонно-промышленного комплекса, на обеспечение потребности вооруженных сил в современных средствах поражения военной техники»².

В качестве одной из новаций финансового обеспечения СВО глава Минфина

России обозначил выделение около 30 млрд. руб. бюджетных средств Государственному фонду поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества», образованному Указом Президента Российской Федерации от 3 апреля 2023 г. № 232. Указанный фонд получит в 2025 г. 14 616 863,7 тыс. руб. и в 2026 г. — 14 772 673,7 тыс. руб.

Рассмотрим далее основные показатели финансового обеспечения военно-социальной политики Российской Федерации в 2024 г.

Как известно, основной формой материального обеспечения военнослужащих, стимулирования добросовестной службы, а также источником средств к существованию их самих и их семей является **денежное довольствие**.

Как следует из федерального бюджета на 2024 г., по статье расходов «Обеспечение денежным довольствием военнослужащих, заработной платой гражданского персонала, а также выплата пособий и компенсаций» Министерству обороны Российской Федерации запланировано выделение 1 273 550 500,1 тыс. руб. В 2023 г. на эти цели было предусмотрено 878 407 732,6 тыс. руб., т.е. рост составит более 395 млрд. руб.

Рост расходов на денежное довольствие и заработную плату обусловлен, во-первых, упомянутым выше увеличением штатной численности Вооружённых Сил, а во-вторых, необходимостью индексации денежных выплат. Непосредственно в Федеральном законе «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» не имеется норм, устанавливающих параметры повышения денежного довольствия, поскольку согласно Федеральному закону от 7 ноября 2011 г. № 309-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» это является прерогативой Правительства Российской Федерации.

Изначально размеры окладов денежного содержания военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, в соответствии с названным законодательным актом были установлены постановлением

Правительства

¹ Красная звезда, 2022, 23 декабря.

² <https://dumatv.ru/news/siluanov-zayavil--chto-napodderzhku-uchastnikov-svo-potratyat-30-milliardov-rublei>

Российской Федерации от 5 декабря 2011 г. № 992. В последующем они регулярно индексировались соответствующими постановлениями Правительства Российской Федерации (см.

табл. 1). В наступившем 2024 г. такая индексация, судя по заявлениям руководителей Комитета по обороне Государственной Думы, произойдет с 1 октября.

Таблица 1

Динамика повышения окладов денежного довольствия военнослужащих в 2012—2024 гг.

№ пп	Дата повышения	Размер повышения	Постановления Правительства Российской Федерации
1	с 1.04.2012	1,06 раза	от 30.03.2012 № 268
2	с 1.01.2018	1,04 раза	от 21.12.2017 № 1598
3	с 1.10.2019	1,043 раза	от 27.06.2019 № 820
4	с 1.10.2020	1,03 раза	от 27.06.2020 № 939
5	с 1.10.2021	1,037 раза	от 24.05.2021 № 772
6	с 1.10.2022	1,04 раза	от 21.04.2022 № 719
7	с 1.10.2023	1,05 раза	от 28.06.2023 г. № 1046
8	с 1.10.2024	1,045 раза	Проект (https://south.life/)

Важнейшими показателями социальной политики государства являются минимальный размер оплаты труда и величина прожиточного минимума.

В соответствии с ч. 4 ст. 8 Федерального закона «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» на 2024 г. установлена величина прожиточного минимума в целом по Российской Федерации на душу населения в размере 15 453 руб., для трудоспособного населения — 16 844 руб., пенсионеров — 13 290 руб., детей — 14 989 руб.

Федеральным законом от 27 ноября 2023 г. № 548-ФЗ¹ минимальный размер оплаты труда (МРОТ) с 1 января 2024 г. установлен в сумме 19 242 руб. в месяц.

Изменение соотношения названных показателей в последнее десятилетие показано в табл. 2.

Как видно из таблицы, в 2020 г. в нашей стране произошло историческое событие: впервые официально установленный минимальный размер оплаты труда превысил прожиточный минимум (в 2024

г. такое превышение составит 14,2 процента). Тем самым можно говорить о том, что понятию «минимальный размер оплаты труда» возвращено его изначальное предназначение — быть регулятором оплаты труда, ниже которого работодатель не вправе опускаться и тем самым обеспечивать минимальный прожиточный уровень жизни работников. К сожалению, в настоящее время на рассматриваемые показатели — МРОТ и прожиточный минимум — никаким образом не завязаны размеры денежного довольствия военнослужащих.

Как представляется (и об этом мы писали ранее), сегодня имеются все предпосылки для того, чтобы величину МРОТ учитывать в качестве инструмента регулирования размеров окладов денежного довольствия военнослужащих по первичным воинским должностям и первичным воинским званиям. Например, может быть предложен такой вариант: размер оклада по воинской должности по 1 тарифному разряду должен составлять 1 МРОТ, а оклад по воинскому званию «рядовой, матрос» — 0,5 МРОТ².

¹ Федеральный закон от 27 ноября 2023 г. № 548-ФЗ «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона "О минимальном размере оплаты труда" и признании утратившими силу статей 2 и 3 Федерального закона "О внесении изменения в статью 1 Федерального закона "О минимальном размере оплаты труда" и о приостановлении действия ее отдельных положений».

² В соответствии с приказом Министра обороны Российской Федерации от 6 декабря 2019 г. № 727 и с учетом проведенной с 1 октября 2023 г. индексации размеры окладов в настоящее время составляют: оклад по воинской должности по 1 тарифному разряду — 11 845 руб.; оклад по воинскому званию «рядовой, матрос» — 5 923 руб. В сумме это составляет 17 768 руб., что немного превышает прожиточный минимум, установленный на 2024 г.

Соотношение минимального размер оплаты труда и величины прожиточного минимума в период 2012—2024 гг.

№ пп	Год	МРОТ (руб.)	Прожиточный минимум (руб.) (для трудоспособного населения)	Соотношение МРОТ и ПМ
1	2012	4 611	6 307	73,1 %
2	2013	5 520	7 633	72,3 %
3	2014	5 554	8 283	67,8 %
4	2015	5 965	10 404	57,3 %
5	2016	6 204	10 524	58,9 %
6	2017	7 800	10 701	72,9 %
7	2018	9 487	10 842	87,5 %
8	2019	11 280	11 653	96,8 %
9	2020	12 130	11 731	103,4 %
10	2021	12 792	12 702	100,7 %
11	2022	15 279	15 172	100,7 %
12	2023	16 242	15 669	103,7 %
13	2024	19 242	16 844	114,2 %

Реализация данного предложения позволила бы создать вполне понятный и прозрачный механизм повышения размеров денежного довольствия военнослужащих. Учитывая, что именно из оклада по воинской должности и оклада в соответствии с воинским званием исчисляются все надбавки и дополнительные выплаты, военнослужащие по среднему уровню оплаты труда вполне могли бы войти в так называемый «средний класс» российского общества. Это в полной мере отвечало бы интересам социального развития военной организации государства.

От размеров денежного довольствия военнослужащих напрямую зависят размеры **военных пенсий**. Одновременно с реализацией указанных выше планов по повышению окладов денежного довольствия военнослужащих пропорционально (в 1,045 раза с 1 октября 2024 г.) произойдет увеличение пенсий военных пенсионеров, исчисляемых из этих окладов.

Наряду с повышением окладов денежного довольствия военнослужащих, влекущего повышение пенсий, в отношении военных пенсий действует еще один механизм их повышения — увеличение доли денежного довольствия, учитываемого при их исчислении. Напомним, что согласно ст. 43 Закона Российской Федерации от 12 февраля

1993 г. № 4468-I «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей» для исчисления военной пенсии учитываются:

- оклад по воинской должности;
- оклад в соответствии с присвоенным воинским званием;
- ежемесячная надбавка за выслугу лет.

Указанное денежное довольствие учитывается при исчислении пенсии с 1 января 2012 г. в размере 54 процентов и начиная с 1 января 2013 г. ежегодно увеличивается на 2 процента до достижения 100 процентов его размера. С учетом уровня инфляции (потребительских цен) федеральным законом о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период указанное ежегодное увеличение может быть установлено на очередной финансовый год в размере, превышающем 2 процента.

Указанные 54 процента получили в

среди военных пенсионеров неофициальное наименование «понижающий коэффициент». После

2013 г. этот коэффициент повышается регулярно (см. табл. 3).

Таблица 3

Динамика роста «понижающего коэффициента», учитываемого при исчислении размеров военных пенсий в 2013—2024 гг.

№ пп	Дата повышения	Размер коэффициента	Федеральный закон, которым установлено повышение
1	с 1.01.2015	62,12 %	от 01.12.2014 № 397-ФЗ
2	с 1.10.2015	66,78 %	
3	с 1.02.2016	69,45 %	от 14.12.2015 № 367-ФЗ
4	с 1.02.2017	72,23 %	от 19.12.2016 № 430-ФЗ
5	с 1.01.2018	72,23 %	от 05.12.2017 № 365-ФЗ
6	с 1.01.2019	72,23 %	от 11.12.2018 № 460-ФЗ
7	с 1.01.2020	73,68 %	от 02.12.2019 № 381-ФЗ
8	с 1.01.2021	73,68 %	от 08.12.2020 № 397-ФЗ
9	с 1.01.2022	74,0 %	От 06.12.2021 № 396-ФЗ
10	с 1.10.2022	85,47 %	
11	с 1.01.2023	85,47 %	от 05.12.2022 № 471-ФЗ
12	с 1.10.2024	89,32 %	от 27.11.2023 № 547-ФЗ

Таким образом, благодаря ежегодной (начиная с 2018 г.) индексации денежного довольствия военнослужащих и постепенного роста «понижающего коэффициента» (с 54,0 % в 2012 г. до 89,32 % в 2024 г.) в последнее десятилетие мы наблюдаем вполне устойчивый рост размеров военных пенсий, что безусловно следует считать весьма положительным явлением современной военно-социальной политики.

Вместе с тем следует напомнить, что имеется нормативно закреплённый норматив роста военных пенсий: согласно

подп. «г» п. 1 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 604 «О дальнейшем совершенствовании военной службы в Российской Федерации» Правительству Российской Федерации предписано обеспечить ежегодное увеличение пенсий гражданам, уволенным с военной службы, не менее чем на 2 процента сверх уровня инфляции. В связи с этим представляется весьма любопытным провести анализ того, каким образом реализуется данное предписание главы государства (см. табл. 4).

Таблица 4

Соотношение размеров увеличения военных пенсий и уровня инфляции в Российской Федерации в 2013—2024 гг.

Год	Уровень инфляции (согласно законам о бюджете на соотв. год)	Ожидаемый размер повышения военных пенсий с учетом подп. «г» п. 1 Указа Президента РФ от 7.05.2012 № 604	Фактический размер повышения военных пенсий	Нереализованный размер повышения военных пенсий (там, где минус)
2013	5,5 %	7,5 %	4,05 %	- 3,45 %
2014	5,0 %	7,0 %	4,12 %	- 2,88 %
2015	12,2 %	14,2 %	4,66 %	- 9,54 %
2016	5,8 %	7,8 %	2,67 %	- 5,13 %
2017	3,2 %	5,2 %	2,78 %	- 2,42 %
2018	2,8 %	4,8 %	4,0 %	- 0,8 %
2019	4,3 %	6,3 %	5,75 %	- 0,55 %
2020	3,0 %	5,0 %	3,0 %	- 2,0 %
2021	3,7 %	5,7 %	3,7 %	- 2,0 %
2022	4,0 %	8,0 %	8,6 %	+ 0,6 %
2023	5,5 %	7,5 %	5,0 %	- 2,5 %
2024	4,5 %	6,5 %	8,35 %	+ 1,85 %

Как видно из показателей таблицы, за десятилетие лишь дважды (в 2022 и в 2024 г.) рост военных пенсий достиг показателя, определенного Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 604: на 2 % сверх уровня инфляции. Хочется верить, что эта положительная тенденция станет устойчивой на все последующие годы.

Важнейшим показателем военно-социальной политики является **жилищное обеспечение** военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей.

Успешно реализуется накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения военнослужащих (НИС). Размер накопительного взноса на одного участника накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, включенного в реестр участников, установлен в 2023 г. в сумме 365 346,6 руб. Данная перспективная форма жилищного обеспечения военнослужащих действует в нашей стране с 2005 г. С каждым годом число участников этой системы неуклонно растет, как растет и размер ежегодного накопительного взноса на одного участника (см. табл. 5).

Таблица 5

Размеры накопительного взноса на одного участника НИС за 2005—2024 гг.

Год	Размер взноса (в руб.)
2005	37 000
2006	40 600
2007	82 800
2008	89 900
2009	168 000
2010	175 600
2011	189 800
2012	205 200
2013	222 000
2014	233 100
2015	245 880
2016	245 880
2017	260 141
2018	268 465,6
2019	280 009,7
2020	288 410,0
2021	299 081,2
2022	311 044,5
2023	349 614,0
2024	365 346,6

Если спрогнозировать динамику на ближайшее десятилетие, то можно прийти к выводу, что число военнослужащих, имеющих право на получение постоянного жилья (по социальному найму, в собственность бесплатно или путем предоставления жилищной субсидии), будет год от года постепенно снижаться, а количество участников НИС, наоборот, расти. Где-то примерно к 2035 г. все 100 % военнослужащих России, проходящих военную службу по контракту, по контракту станут участниками НИС. Из других форм жи-

лищного обеспечения останутся только обеспечение военнослужащих служебными жилыми помещениями и выплата компенсации за наем (поднаем) жилья. Учитывая данное обстоятельство, представляется целесообразным в последующие годы сосредоточиться на совершенствовании нормативного регулирования НИС. В частности, с точки зрения финансового обеспечения имеется потребность в дифференциации размеров накопительных взносов в зависимости от состава семьи военнослужащего.

Наряду с бюджетными обязательствами, рассмотренными выше, федеральным бюджетом на 2023 г. предусмотрены также ассигнования на исполнение публичных нормативных обязательств в **иных сферах военно-социальной политики** Российской Федерации. Так, пунктом 3 ст. 8 Закона о федеральном бюджете на 2024 г. установлено, что с 1 января 2024 г. размер индексации пособий, предусмотренных Федеральным законом от 4 июня 2011 г. № 128-ФЗ «О пособии детям военнослужащих, лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальное звание полиции, и сотрудников некоторых федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, погибших (умерших, объявленных умершими, признанных безвестно отсутствующими) при исполнении обязанностей военной службы (служебных обязанностей), и детям лиц, умерших вследствие военной травмы после увольнения с военной службы (службы в войсках, органах и учреждениях)», составляет 1,045. С учетом данной индексации размер ежемесячного пособия составит в 2024 г. 2 942 руб.

Кроме того, федеральным бюджетом на 2024 г. предусмотрены расходы на следующие цели¹:

— дополнительное пожизненное ежемесячное материальное обеспечение Героям Советского Союза, Героям Российской Федерации и полным кавалерам ордена Славы — участникам Великой Отечественной войны 1941—1945 годов

— ежегодная денежная выплата некоторым категориям граждан Российской Федерации к Дню Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов

— дополнительное ежемесячное материальное обеспечение инвалидов вследствие военной травмы в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 1 августа 2005 г. № 887 «О мерах по улучшению материального положения инвалидов вследствие военной травмы»;

— выплата оклада по воинскому званию военнослужащим, уволенным с военной службы без права на пенсию;

— денежная компенсация за наем (поднаем) жилых помещений гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы, а также членам их семей;

— выплата ежемесячной денежной компенсации членам семей погибших (умерших) военнослужащих (граждан, проходивших военные сборы, граждан, пребывавших в добровольческих формированиях, инвалидов вследствие военной травмы, инвалидов вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных в связи с исполнением обязанностей по контракту о пребывании в добровольческом формировании), а также инвалидам вследствие военной травмы, инвалидам вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных в связи с исполнением обязанностей по контракту о пребывании в добровольческом формировании;

— выплата ежемесячного пособия детям военнослужащих, погибших (умерших, объявленных умершими, признанных безвестно отсутствующими) при исполнении обязанностей военной службы, и детям лиц, умерших вследствие военной травмы после увольнения с военной службы;

— выплата единовременных пособий членам семей погибших (умерших) военнослужащих (граждан, проходивших военные сборы, граждан, пребывавших в добровольческих формированиях, инвалидов вследствие военной травмы, инвалидов вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных в связи с исполнением обязанностей по контракту о пребывании в добровольческом формировании), а также военнослужащим (гражданам, призванным на военные сборы, гражданам, пребывающим в добровольческом формировании) в связи с признанием их не годными к военной службе вследствие военной травмы (не годными к пребыванию в добровольческом формировании вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных в связи с исполнением обязанностей по кон-

¹ Приложение № 10 к Федеральному закону «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов».

тракту о пребывании в добровольческом формировании);

— выплата пособий на проведение летнего оздоровительного отдыха детей отдельных категорий военнослужащих, погибших (умерших), пропавших без вести, ставших инвалидами в связи с выполнением задач в условиях вооруженного конфликта немеждународного характера, а также в связи с выполнением задач в ходе контртеррористических операций;

— единовременные пособия семьям умерших пенсионеров из числа военнослужащих, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, органов принудительного исполнения Российской Федерации, войск национальной гвардии Российской Федерации

Таким образом, вступивший в силу с 1 января 2024 г. Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» имеет очень серьезную военно-социальную составляющую, что будет способствовать решению задач, стоящих перед Вооруженными Силами, в том числе в рамках специальной военной операции, проводимой с 24 февраля 2022 г.

В заключение отметим, что в целях планомерного и рационального расходования бюджетных средств, выделяемых на

решение социальных проблем Вооруженных Сил, представляется актуальной постановка вопроса о необходимости разработки единого программного документа в сфере военно-социальной политики, подобно тому, как это имеет место в сфере оснащения Вооруженных Сил средствами вооружения и военной техники. Здесь действует ежегодно уточняемая государственная программа вооружения, представляющая собой документ среднесрочного планирования, определяющий сбалансированный по целям, задачам, заказчикам, ресурсам и срокам комплекс мероприятий, по созданию, производству и поддержанию в боеготовом состоянии вооружения, военной и специальной техники необходимых и достаточных для решения задач Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск по защите интересов России от внешних и внутренних угроз.

Подобного рода программный документ жизненно необходим для поступательного развития социальной составляющей военного строительства в России. Он должен определить основные векторы и вехи социального развития военной организации государства на ближайшую и среднесрочную перспективу. Данный документ мог бы придать современной военно-социальной политике качества ясности, определенности, конкретности, предсказуемости

Как упорядочить боевые выплаты участникам специальной военной операции?

© Яковец Евгений Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры уголовно-правовых
дисциплин Российской таможенной академии

Аннотация. В статье анализируются меры по материальному стимулированию российских военнослужащих, участвующих в специальной военной операции, связанному с уничтожением или захватом вражеской боевой техники. Освещаются размеры таких вознаграждений Министерством обороны Российской Федерации, исходя из ценности различных её видов. Говорится также о выделении соответствующих средств на эти цели общественными организациями, коммерческими предприятиями и отдельными физическими лицами. В исторической ретроспективе анализируется практика подобного материального стимулирования в Красной Армии времён Великой Отечественной войны, в ходе которой Народным комиссаром обороны СССР И.В. Сталиным издавались приказы, подробно регламентирующие эти меры. В заключение делается вывод о том, что в современный период целесообразно воспользоваться этим опытом и разработать межведомственный приказ Минобороны России, ФСБ России, Росгвардии и МВД России, регламентирующий порядок формирования для рассматриваемых целей специального фонда, аккумулирующего соответствующие денежные средства, а также порядок их расходования, исходя из интересов всех ведомств, участвующих в проведении СВО.

Ключевые слова: денежные выплаты; уничтожение или захват вражеской боевой техники и вооружения; Великая Отечественная война; межведомственный приказ; специальный фонд.

How to organize "combat" payments to participants a special military operation?

© Yakovets E.N.,
Professor of the Department of Criminal Law
Disciplines Russian Customs Academy, Doctor of
Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian
Federation

Annotation. The article analyzes measures to financially stimulate Russian servicemen participating in a special military operation related to the destruction or capture of enemy military equipment. The sizes of such remuneration by the Ministry of Defense of the Russian Federation are highlighted, based on the value of its various types. It also refers to the allocation of appropriate funds for these purposes by public organizations, commercial enterprises and individual individuals. In historical retrospect, the practice of such material incentives in the Red Army during the Great Patriotic War is analyzed, during which the People's Commissar of Defense of the USSR I.V. Stalin issued orders regulating these measures in detail. In conclusion, it is concluded that in the modern period it is advisable to use this experience and develop an interdepartmental order of the Ministry of Defense of Russia, the FSB of Russia, Rosgvardiya and the Ministry of Internal Affairs of Russia, regulating the procedure for the formation of a special fund for the purposes under consideration, accumulating the appropriate funds, as well as the procedure for their expenditure, based on the interests of all departments, participating in the conduct of ITS.

Keywords: cash payments; destruction or seizure of enemy military equipment and weapons; The Great Patriotic War; interdepartmental order; special fund.

В средствах массовой информации достаточно широко освещается получение бойцами, участвующими в специальной военной операции с целью демилитаризации и денацификации Украины (СВО), различного рода дополнительных денежных выплат. В их числе — материальное вознаграждение за уничтожение или захват вражеской техники. Минобороны России опубликовало на этот счёт соответствующие видеоматериалы с комментариями военнослужащих. Среди прочего, в этом репортаже упоминалась брошюра «Настоящая работа для настоящих мужчин», содержащая справочные материалы о правах и социальных гарантиях военнослужащих, принимающих участие в специальной военной операции, и членов их семей, где был указан размер стимулирующих надбавок к окладу, причитающихся за особые отличия в ходе боевых действий¹. В соответствии с содержащимися в данном сборнике материалами каждый боец помимо причитающихся ему основных выплат получает дополнительно по 8 тыс. руб. за каждые сутки непосредственного участия в активных наступательных действиях. Кроме того, за уничтоженную или захваченную технику украинских националистов ему причитаются и другие дополнительные выплаты, а именно:

— 50 тыс. руб. — за уничтожение или захват боевой машины пехоты (БМП), боевой машины десанта (БМД), многоцелевого транспортёра-тягача лёгкого бронированного (МТЛБ); самоходной артиллерийской установки (САУ), зенитно-ракетного комплекса (ЗРК) С-300, «Бук», «Тор», беспилотного летательного аппарата (БПЛА), боевой машины реактивной системы залпового огня (РСЗО);

— 100 тыс. руб. — за уничтожение

или захват танка;

— 200 тыс. руб. — за уничтожение или захват вертолёта;

— 300 тыс. руб. — за уничтожение или захват самолёта.

В качестве оснований этих выплат фигурируют решения Министра обороны Российской Федерации от 4 апреля 2022 г. и от 7 апреля 2022 г.²

О стимулирующих выплатах за подбитую или захваченную технику одновременно с Минобороны России заговорили отдельные общественные деятели, политики и представители российского бизнеса. Так, известный советский и российский спортсмен, а ныне — сенатор от Новосибирской области А.А. Карелин в телеграмм-канале «Сила Ермака» заявил о том, что патриотически настроенные предприниматели указанного региона готовы выплачивать бойцам СВО премии размером до 10 млн руб. за уничтожение боевой техники стран НАТО, воюющей в составе ВСУ, и пленение командиров украинских националистических батальонов. По его словам, с этой целью создаётся специальный фонд, выплаты из которого будут производиться за достигнутые результаты наряду с соответствующими государственными отчислениями. В видеоролике, распространённом через указанный телеграмм-канал, фигурирует своеобразный прайс-лист, который назван

² Выплаты участникам СВО // Юридическая и налоговая консультация онлайн // <https://yuridicheskaya-konsultaciya.ru/specialnaja-voennaja-operacija/viplaty-uchastnikam-svo.html#viplaty-uchastnikam-svo-1-2> (дата обращения: 24.11.2023); Справочные материалы о правах и социальных гарантиях военнослужащих, принимающих участие в специальной военной операции, и членов их семей // Официальный сайт Тереньгульского района Ульяновской области. Местная администрация. 2023. 16 марта // URL: https://terenga-r73.gosweb.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti_265.html (дата обращения: 24.11.2023); Памятка призванному на военную службу по мобилизации в ВС РФ // Военный комиссариат Свердловской области URL: <https://vkso-midural.ru/socialnaya-podderzhka-grazhdan-i-chlenov-ih-semey/> (дата обращения: 24.11.2023).

¹ Шерзад Т. В Минобороны рассказали, какая выплата положена бойцам за уничтоженный вражеский танк // Телеканал «Звезда». 2022. 15 ноября // URL: <https://tvzvezda.ru/news/202211151028-ac0fR.html> (дата обращения: 24.11.2023).

«меню от дяди Саши», где фигурируют размеры вознаграждения за уничтожение или захват различных видов боевой техники стран НАТО, а также пленение командиров ВСУ, в частности:

- а) за уничтожение танков:
 - немецкого “Leopard” — 1 млн руб.;
 - колесного французского танка “IMX-10” — 500 тыс. руб.;
- б) ракетных комплексов:
 - американского ЗРК “Patriot” — 10 млн руб.;
 - американской РСЗО “Himars” — 5 млн руб.;
- в) за уничтожение артиллерийских установок:
 - американской 155-мм гаубицы “777” — 1 млн руб.;
 - польской САУ “AHS Krabb” — 1 млн руб.;
- г) за уничтожение БМП:
 - американской “Bradley” — 500 тыс. руб.;
 - немецкой “Marder” — 500 тыс. руб.;
- д) за уничтожение бронетранспортёра:
 - американского “International Maxx-Pro” — 500 тыс. руб.;
 - турецкого “Kirpy” — 500 тыс. руб.

Кроме того, предусмотрен бонус в размере 10 млн руб. за пленение или уничтожение командира националистического батальона¹.

Как сообщает информационное агентство URA.RU, с аналогичной инициативой недавно выступил и губернатор Забайкальского края А.М. Осипов, издавший постановление о выплате 3 млн руб. за успешный захват и 1 млн руб. за уничтожение танка “Leopard”. Танки “Abrams” Осипов оценил дешевле: захват такого стоит 1,5 млн руб., а его уничтожение — 500 тыс. руб. При этом в обоих случаях выплаты касаются всех тех, кто участвовал в захвате или уничтожении боевой техни-

ки (не более 5 чел.). Каким способом представители бизнеса будут выплачивать заявленные суммы, в данном сообщении не говорится. Причём репортёры из URA.RU сомневаются в реальности осуществления подобных выплат с учётом того, что дефицит бюджета Забайкальского края составляет сегодня 7,3 млрд руб.

О дополнительном денежном вознаграждении отличившихся в ходе СВО бойцов объявила также российская компания «ФОРЭС». За первый уничтоженный или захваченный “Abrams” или “Leopard” компания готова платить по 5 млн руб., а за каждый последующий — по 500 тыс. руб. Коммерсантами также назначено вознаграждение в размере 15 млн руб. за сбитые самолёты F-15 и F-16, о поставках которых на Украину в настоящее время ведутся переговоры со странами НАТО².

28 октября 2023 г. — в день 75-летия армейской авиации Воздушно-космических сил представители «ФОРЭС» вручили соответствующие денежные суммы членам экипажей двух ударно-разведывательных вертолетов «Ka-52», отличившимся при выполнении боевых задач. Всего же в течение 2023 г. компанией передано российским военнослужащим вознаграждение за уничтожение более чем 12 единиц боевой техники противника. В сентябре т.г. «ФОРЭС» осуществила материальное поощрение экипажа танка с позывным «Алёша», который в июне 2023 г. при отражении атаки украинских националистов полностью уничтожил на Запорожском направлении ударную группу противника, имевшую в своём составе 8 единиц бронетехники³.

² Канунникова М. Сколько заплатят за уничтоженные танки Leopard и Abrams. Инфографика // URA.RU. 2023. 30 января // URL: <https://ura.news/news/1052622556> (дата обращения: 24.11.2023).

³ Компания «ФОРЭС» выплатила вознаграждение за подбитые «Леопарды» экипажам двух боевых вертолетов // Официальный сайт компании. 2023. 28 октября // URL: <https://www.foresltd.com/news/kompaniya-fores-vyplatila-voznagrazhdenie-za-podbitye-leopardy-ekipazham-dvuh-boevykh-vertoletov/> (дата обращения: 24.11.2023).

¹ Борисов А. Сенатор от Новосибирской области Карелин объявил о премиях за уничтоженную вражескую технику на СВО // Сиб.фм. 2023. 8 июня // URL: <https://sib.fm/news/2023/06/08/senator-ot-novosibirskoj-oblasti-karelin-obyavil-o-premiyah-za-unichtozhennuyu-vrazheskuyu-tehniku-na-svo> (дата обращения: 24.11.2023).

Активную гражданскую позицию по данному вопросу занимают некоторые представители творческой интеллигенции и шоу-бизнеса. Первым о награде за уничтожение танка “Abrams” в ходе проведения СВО заговорил актёр Иван Охлобыстин. По его словам, некая группа предпринимателей готова платить по 10 млн руб. за уничтожение каждого «Абрамса». Какой-либо конкретики, впрочем, не прозвучало.

15 июня т. г. российские певцы Григорий Лепс и Николай Басков пообещали выплатить по 1 млн руб. за каждый подбитый в ходе СВО танк “Leopard” или “Leopard-2”. «Всё, что мы можем сделать для нашей советской армии, простите, российской армии, мы будем делать от чистого сердца. Если мы можем спеть — мы там будем петь. Если мы можем сделать какое-то денежное вознаграждение нашим бойцам? — мы это сделаем», — заявил Лепс.

К этим словам присоединились телеведущая Юлия Барановская и лидер группы «Земляне» Владимир Киселёв. Басков в комментарии «Фонтанке.ру» сказал, что данная инициатива — это совместное решение Минобороны и «Русской медиагруппы»¹. Об источниках финансирования этой акции также ничего не известно.

В рассматриваемой связи возникает вопрос: какие именно средства — личные, общественные или заимствованные у бизнеса, — должны в данном случае перечисляться военнослужащим? Чтобы ответить на этот вопрос обратимся к истории.

Практика особого материального поощрения российских военнослужащих за уничтожение вражеской военной техники во время боевых действий существовала в нашей стране далеко не во все исторические периоды.

Так, в Российской императорской ар-

мии подобные меры не практиковались вовсе. Денежное довольствие военнослужащих подобной выплаты не предусматривало. Будущий Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников вспоминал, что молодым офицером он получал в императорской армии 67 руб. жалованья, 9 руб. квартирных и по 30 коп. в сутки на караулы. Тратил он на обеды и ужины в месяц 12 руб., на квартиру 15 руб., на чай, сахар, табак, стирку — 10 руб., на обмундирование — 10 руб., на вычеты в батальон — 10—15 руб., на жалованье денщику — 3 руб., после чего оставалось 11—16 руб., а с прибавкой летних лагерных денег — до 20 руб. По мнению военачальника, жизнь была достаточно скромной, и с мнением этим трудно не согласиться.

С началом Первой мировой войны жалование в царской армии увеличилось в 1,4 раза. К примеру, оклад подполковника, составлявший 90 руб., был увеличен до 124 руб. И это коснулось всех офицерских чинов. Помимо жалования увеличились столовые деньги, добавочные жалования, а также порционные деньги, выдававшиеся от казны военнослужащим на дневное продовольствие, однако особых боевых выплат не предусматривалось².

Временным правительством России особое вознаграждение за уничтожение боевой техники врага также не предусматривалось, о чём свидетельствует Представление Военного министерства об увеличении жалованья солдатам, в котором говорилось следующее: «(1) Издать нижеследующее постановление: «I. Установить, взамен усиленного и основного окладов жалованья солдатам по табели 1908 года (приказ по воен[ному] ведомству], № 416) и одновременно изданным до сего времени штатам, соответственно отменяемым, новые оклады, согласно прилагаемой таблицы (2), одинаковые для солдат армии и гвардии, по двум районам: а) для войск

¹ Андреева А. Минобороны премировало более 10 тысяч военных за захват и уничтожение техники ВСУ // Газета.ру. 2023. 16 июня // URL: <https://www.gazeta.ru/army/2023/06/16/17145164.shtm> (дата обращения: 24.11.2023).

² Сколько зарабатывали русские офицеры 100 лет назад // ИСТОРИЯ.РФ. Главный исторический портал страны // URL: <https://histrf.ru/read/articles/skolko-zarabatyvali-russkie-ofitsiery-100-liet-nazad> (дата обращения: 25.11.2023).

действующей армии, находящихся на театре войны и входящих в состав корпусов, дивизий и отдельных бригад и других войсковых частей специального назначения, принимающих по роду своей службы непосредственное участие в боевых действиях, — боевой оклад, и б) для прочих войск, штабов, управлений, учреждений и заведений военного ведомства, находящихся во внутренних округах и на театре военных действий, кроме указанных в пункте «а», — обыкновенный оклад¹.

Отсутствуют какие-либо упоминания об этом и в ходе боёв Красной Армии на полях сражений Гражданской войны, локальных конфликтов на Дальнем Востоке, советско-финской войны и других проводившихся ею боевых операций.

Впервые наша страна столкнулась с подобной практикой в ходе Великой Отечественной войны. Уже в первых приказах Верховного главнокомандующего И.В. Сталина фигурировали поощрительные денежные выплаты, которые, прежде всего, касались лётного состава. Известно, например, что в ночь с 7 на 8 августа 1941 г. семь самолетов 81-й авиадивизии дальнего действия Балтфлота бомбили Берлин. Сталин объявил авиаторам благодарность и приказал выдать каждому члену экипажа по 2 тыс. руб., а 19 августа 1941 г. появился приказ Народного комиссара обороны СССР² № 0299 «О порядке награждения лётного состава за хорошую боевую работу». Лётчикам-истребителям за каждый сбитый самолёт противника была установлена денежная награда в размере 1 тыс. руб. За пять боевых вылетов, связанных с уничтожением войск противника полагалась награда 1,5 тыс. руб., за 15 вылетов — 2 тыс. руб., за 25 вылетов — 3 тыс. руб., за 40 вылетов — 5 тыс. руб.

¹ Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т. VII / Журналы заседаний Временного правительства: Март—октябрь 1917 года. В 4-х т. Том 1. Март-апрель 1917 года / Отв. ред. тома Б.Ф. Додонов. Сост. Е.Д. Гринько и О.В. Лавинская. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. С. 349.

² Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июля 1941 г. Народным комиссаром обороны СССР был назначен И.В. Сталин.

Приказом был подробно регламентирован порядок награждения лётчиков авиации всех видов государственными наградами. Представление к ордену или медали предусматривало и денежную выплату. Например, за сбитый вражеский самолет противника лётчик получал 1 тыс. руб., за налёты на столицы вражеских государств (Берлин, Бухарест, Будапешт, Хельсинки и др.) — по 2 тыс. руб. Отдельно поощрялись боевые вылеты советских лётчиков на штурмовку позиций врага, а также разведывательные полёты.

Предусматривались выплаты и за уничтожение транспортной инфраструктуры противника. За взорванный паровоз или вызванное в результате налёта крушение вражеского воинского эшелона лётчику и штурману полагалось по 750 руб., остальным членам экипажа — по 500 руб.

Технический состав авиаподразделений также поощрялся деньгами. За обеспечение сотни успешных боевых вылетов авиационные техники получали по 3 тыс. руб.

Практиковались денежные поощрения и в Сухопутных войсках. Причём, в своих приказах Наркомат обороны СССР постепенно перешёл от словосочетания «денежная награда» к термину «премия». 1 июля 1942 г. во время немецкого наступления на южном направлении был издан приказ Народного комиссара обороны СССР № 0528 о создании истребительно-противотанковых частей. Он определял, что «... за каждый подбитый танк командиру орудия и наводчику полагались выплаты по 500 руб., а остальным номерам расчёта — по 200 руб.». Танкистам за подбитый танк противника также полагалась аналогичная премия: командиру, механику-водителю и командиру орудия (башни) — по 500 руб., остальным членам экипажа — по 200 руб.

24 июня 1943 г. — в канун битвы на Курской дуге — появился приказ Народного комиссара обороны СССР № 0387, распространивший выплаты за каждый подбитый танк на всех артиллеристов и пехотинцев, в том числе — расчёты противотанковых ружей (ПТР).

Выведенный из строя или подожженный танк оценивался в 750 руб., из которых 500 руб. полагались наводчику ПТР и 250 руб. — его второму номеру¹. Премию размером в 1 тыс. руб. мог получить пехотинец, уничтоживший вражескую бронетехнику при помощи гранаты или бутылки с зажигательной смесью².

Однако дороже всего ценилось уничтожение боевых кораблей противника. За потопленный эсминец или подлодку командиру и штурману советского военного судна причиталось по 10 тыс. руб., а остальным членам экипажа — по 2,5 тыс. руб.; за уничтоженный транспорт — по 3 тыс. и 1 тыс. руб.; сторожевой корабль — по 2 тыс. и 500 руб., буксир — по 1 тыс. и 300 руб. соответственно.

Именно 10 тыс. руб. было выплачено лётчику минно-торпедной авиации Герою Советского Союза М.В. Борисову и его штурману, которые незадолго до окончания войны потопили фашистский линкор «Шлезинг»³.

Отмеченные выше денежные суммы могут показаться весьма внушительными и даже запредельными, однако на деле всё выглядело намного прозаичнее, поскольку после начала войны государственные цены на продукты питания выросли почти в 4 раза, а рыночные — так и вовсе в 13 раз. Например, цена буханки хлеба на «чёрном» рынке в разные периоды Великой Отечественной войны колебалась от 200 до 500 руб.

Для сравнения: средняя зарплата в советской промышленности к концу 1941 г. составляла 573 руб. Инженер на производстве получал в среднем от 1 200

до 1 700 руб., квалифицированный рабочий — около 1 тыс. руб.⁴

К тому же в Советском Союзе было не принято широко афишировать факты материального стимулирования бойцов, поскольку советские воины обязаны были сражаться исключительно из идейных соображений.

Боевую премию бойцы и командиры тратили по своему усмотрению, в том числе, покупая необходимые вещи в магазинах военной торговли. К концу 1943 г. товарооборот в Военторге приблизился к 1 млрд руб.⁵ Многие из военнослужащих полученные премии, как, впрочем, и большую часть основного денежного содержания, отправляли родственникам в тыл либо перечисляли в Фонд обороны или семьям погибших товарищей.

Относительно выплаты каких-либо боевых премий во время «афганской» войны сведений не имеется. Даже знаменитая операция, связанная с захватом у душманов американского переносного зенитно-ракетного комплекса (ПЗРК) FIM-92 Stinger, самого современного и эффективного на тот период, обошлась без денежного стимулирования. В руки советских разведчиков помимо самого ПЗРК тогда попала и вся техническая документация на него. Четверо бойцов и командир разведгруппы, участвовавшей в операции, были представлены к высокому званию Героя Советского Союза. Однако по каким-то причинам, дальнейшего представления дело не пошло. Хотя захват «Стингера», да ещё с подробной документацией, явился настоящим подвигом, а главное — позволил решить давнюю проблему обеспечения безопасности полетов советской армей-

¹ Баранец В. Как Сталин платил фронтовикам // Комсомольская правда. 2011. 11 августа // URL: <https://www.kp.ru/daily/25732/2722314/> дата обращения: 24.11.2023).

² Степанов А. Охота на «Леопарда» // Наша версия. № 5. 2023. 6 февраля // URL: <https://versia.ru/rossijskim-voennym-obeshhayut-ogromnye-dengi-za-unichtozhennuyu-tekhniku-nato> (дата обращения: 24.11.2023).

³ Конеев А.Н., Семёнов И.А., Федулов С.В. Моральное и материальное стимулирование командиров и краснофлотцев в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2017. № 11. С. 28.

⁴ Осипов С. Война: что почем. Деньги были в цене на фронте, в тылу, в оккупации и концлагере // Аргументы и факты. 2013. № 47. С. 28.

⁵ Вальченко С. Эксперт сравнил денежные выплаты за подбитую технику противника // МК.RU. 2023. 14 апреля // URL: <https://www.mk.ru/politics/2023/04/14/ekspert-sravnil-denezhnye-vyplaty-za-podbituyu-tekhniku-protivnika.html> (дата обращения: 24.11.2023).

ской авиации¹.

Относительно выплат за уничтожение боевой техники исламских боевиков в ходе контртеррористических операций на Северном Кавказе и военной операции России в Сирии на сегодняшний день также ничего не известно. Опыт всех отмеченных военных конфликтов «мирного времени» показывает, что мотивация поведения в бою у русского солдата и офицера со времён Великой Отечественной войны практически не изменилась. Она строится на взаимовыручке, отваге и мужестве — нашим воинам неоднократно приходилось отбиваться от врага до последнего патрона, не дожидаясь огневой поддержки с земли или воздуха и в условиях окружения. Только за бои по уничтожению боевиков, вторгшихся в Дагестан, а также за участие в первой и второй чеченских кампаниях Героями России стали около 500 российских военнослужащих.

Таким образом, нынешний опыт стимулирования бойцов Российской армии является первым со времени окончания Второй мировой войны. А.Д. Цыганок, руководитель независимого Центра военного прогнозирования, вполне справедливо отмечает в данной связи следующее: «Очевидно, что каждый сожжённый “Leopard” и каждый подбитый “Abrams” вызовут огромный резонанс, а эти выплаты просто добавят событию яркости. Но не думаю, что деньги в бою будут играть ключевую роль. Там военные действуют на пределе и больше всего заинтересованы уничтожать противника для того, чтобы выжить, а не чтобы заработать. Скорее это больше рекламный трюк, который призван поднять боевой дух. Показать, что герой — это не просто герой, а ещё и богатый человек. Эти выплаты у меня вызывают другие вопросы. Например, как солдат на поле боя будет доказывать, что именно он

подбил ту или иную технику? Как это будет фиксироваться, кем контролироваться? Не приведёт ли это к припискам, когда командиры будут завышать свои результаты и тем самым создавать ложное представление о положении на фронте? Не приведёт ли это к коррупции?»².

С тем чтобы урегулировать все эти вопросы, по мнению автора данной статьи, необходимо воспользоваться опытом Великой Отечественной войны, когда они были подробно регламентированы нормами приказов наркомата обороны, утверждённых самим Верховным Главнокомандующим.

Помимо этого, по всей видимости, следует включить в число претендентов на получение дополнительных «боевых» выплат наряду с военнослужащими Вооружённых Сил, первостепенную роль которых в проведении СВО никто не ставит под сомнение, также представителей других силовых структур, участвующих в ней. Речь, прежде всего, идёт о сотрудниках пограничных органов, Росгвардии, полицейских и бойцов подразделений территориальной обороны, участвующих в защите российской территории от проникновения на неё украинских диверсионно-разведывательных групп, наносящих существенный урон приграничным населённым пунктам и мирному населению. Совместные боевые действия отмеченных выше подразделений уже оказывают существенную помощь военнослужащим Российской армии на опорных пунктах, расположенных вдоль российско-украинской границы³. Поэтому дополнительное материальное вознаграждение бойцов этих

¹ Полонский И. Как советские разведчики «Стингер» захватили // Военное обозрение. 2018. 14 декабря // URL: <https://topwar.ru/151221-kak-sovetskie-razvedchiki-stinger-zahvatili.html> (дата обращения: 25.11.2023).

² Степанов А. Охота на «Леопарда» // Наша версия. № 5. 2023. 6 февраля // URL: <https://versia.ru/rossijskim-voennym-obeshhayut-ogromnye-dengi-za-unichtozhennuyu-tehniku-nato> (дата обращения: 24.11.2023).

³ См., напр.: Фёдорова А. Брянская область завершила возведение фортификационных сооружений на границе // Readovka. 2023. 27 февраля // URL: <https://readovka.news/news/133969> (дата обращения: 20.09.2023).

формирований за уничтоженную или захваченную военную технику врага, явилось бы для них существенным стимулирующим фактором.

В этой связи было бы целесообразно по аналогии с приказом Минобороны России от 22 апреля 2022 г. № 236 «Об определении Порядка назначения и осуществления единовременных выплат, установленных Указом Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 98 "О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей", в Вооружённых Силах Российской Федерации», в котором, кстати, о дополнительных выплатах за уничтожение боевой техники врага ничего не говорится, — разработать и утвердить межведомственный приказ Минобороны России, ФСБ России, Росгвардии и МВД России, устанавливающий строгий порядок накопления и расходования денежных средств на эти цели.

Представляется, что особый Фонд материальных средств, предназначенных

для стимулирования отличившихся в ходе СВО воинов, должен формироваться при долевом участии указанных выше ведомств. В него также целесообразно перечислять деньги, выделяемые в данной связи общественными организациями и хозяйствующими субъектами, а также пожертвования отдельных физических лиц. Деятельность этого Фонда и распоряжение его средствами должны быть абсолютно «прозрачными». Функции по управлению Фондом могут быть возложены на межведомственную комиссию, действующую под контролем общественности (например, Общероссийского народного фронта) при осуществлении постоянного надзора со стороны Главной военной прокуратуры.

Библиография

1. Конеев, А.Н. Моральное и материальное стимулирование командиров и краснофлотцев в годы Великой Отечественной войны / А.Н. Конеев, И.А. Семёнов, С.В. Федулов // Военно-исторический журнал. — 2017. — № 11. — С. 25—31.
2. Осипов, С. Война: что почем. Деньги были в цене на фронте, в тылу, в оккупации и концлагере / С. Осипов // Аргументы и факты. — 2013. — № 47.

Военные аспекты гражданского права

Отчет о результатах деятельности государственного учреждения и об использовании закрепленного за ним государственного имущества: проблемы применения в Вооруженных Силах Российской Федерации

© **Зайков Денис Евгеньевич**,
кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры «Теория права, гражданское право,
гражданский процесс» Юридического института
Российского университета транспорта

Аннотация. В статье рассматриваются особенности и проблемы правового регулирования отношений по составлению и утверждению отчета о результатах деятельности государственного учреждения и об использовании закрепленного за ним государственного имущества автономными, бюджетными и казенными учреждениями, подведомственными Минобороны России.

Ключевые слова: государственные учреждения, автономные учреждения, бюджетные учреждения, отчет о деятельности, учредитель.

Report on the results of the activities of a state institution and on the use of state property assigned to it: problems of application in the Armed Forces of the Russian Federation

© **Zaikov D.E.**,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department "Theory of Law, Civil
Law, Civil Procedure" of the Law Institute of the
Russian University of Transport

Annotation. The article discusses the features and problems of legal regulation of relations on the preparation and approval of a report on the results of the activities of a state institution and on the use of state property assigned to it by autonomous, budgetary and state institutions subordinate to the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Key words: state institutions, autonomous institutions, budgetary institutions, activity report, founder.

Проведенная в 2010 г. реформа государственных учреждений¹, имевшая своей целью повысить эффективность расходования бюджетных средств указанными организациями во всех секторах бюджетной сферы посредством установления взаимо-

связи между результатами деятельности учреждения и его финансированием², обусловила формирование стройной системы государственных и муниципальных учреждений, состоящей из учреждений различного типа: автономного, бюджетного и казенного, правовой статус которых получил

¹ См.: Федеральный закон от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений».

² См.: Матияшук С.В. Особенности правовой регламентации института оперативного управления в условиях реформирования бюджетной системы // Законодательство и экономика. 2011. № 7. С. 18.

новое содержание¹.

В Вооруженных Силах Российской Федерации с учетом особенностей предназначения и осуществляемых функций наибольшее распространение получили такие организационно-правовые формы военных организаций как казенные и бюджетные учреждения; автономные учреждения, несмотря на ряд значимых отличий, обеспечивающих повышение эффективности их деятельности, нашли свое применение только в отдельных сферах деятельности².

Одним из важных положений проведенной реформы явилось закрепление принципа публичности (открытости, транспарентности) деятельности государственных учреждений³, который нашел выражение в установлении обязанности государственного учреждения обеспечить открытость и доступность следующих документов на официальном сайте для размещения информации о государственных (муниципальных) учреждениях в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»⁴:

— учредительные документы государственного учреждения, в том числе внесенные в них изменения;

— свидетельство о государственной регистрации государственного учрежде-

ния;

— решение учредителя о создании государственного учреждения;

— решение учредителя о назначении руководителя государственного учреждения;

— положения о филиалах, представительствах государственного учреждения;

— план финансово-хозяйственной деятельности государственного учреждения;

— годовая бухгалтерская отчетность государственного учреждения;

— сведения о проведенных в отношении государственного учреждения контрольных мероприятиях и их результатах;

— государственное задание на оказание услуг (выполнение работ);

— отчет о результатах деятельности государственного учреждения и об использовании закрепленного за ним государственного имущества (далее — Отчет о деятельности);

— бюджетная смета казенного учреждения;

— решения органа, осуществляющего функции и полномочия учредителя автономного учреждения, о назначении членов наблюдательного совета автономного учреждения или досрочном прекращении их полномочий⁵.

При этом согласно п. 3.4 ст. 32 Закона о некоммерческих организациях указанные документы не подлежали размещению только в случае, если они содержали сведения, составляющие государственную тайну. Данное положение создавало неопределенность относительно обязанности публикации в открытом доступе на официальном сайте документов, содержащих иную охраняемую законом тайну.

Применительно к военным организациям проблема в основном была решена с введением института служебной тайны в области обороны⁶ и принятием приказа Министра обороны Российской Федерации

¹ Подр. см., напр.: Выскубин А.А. Что это такое — автономное учреждение? // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2008. № 1. С. 64—68, Молдованов М.М. О правовом положении федеральных казенных, бюджетных и автономных учреждений // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 1. С. 51—54, Зайков Д.Е. Автономное учреждение: исторический анализ и перспективы развития // Гражданин и право. 2021. № 4. С. 38—44.

² Напр., ФАУ Минобороны России «ЦСКА», ФГАУ «Росжилкомплекс», ФГАУ «УИСП» Минобороны России, ФГАУ «Оборонлес» Минобороны России, ФГАУ «Музейно-храмовый комплекс Вооружённых Сил Российской Федерации» Минобороны России, ФАУ «Студия военных художников» Минобороны России.

³ Стоит отметить, что указанный принцип изначально был введен в отношении автономных учреждений. См.: ч. 10 ст. 2 Федерального закона от 3 ноября 2006 г. № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях».

⁴ <https://bus.gov.ru/>

⁵ Пункт 3.3 ст. 32 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее — Закон о некоммерческих организациях).

⁶ См.: Федеральный закон от 11 июня 2021 г. № 172-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороне».

от 17 января 2022 г. № 22 «Об утверждении Перечня сведений Вооруженных Сил Российской Федерации, подлежащих отнесению к служебной тайне в области обороны»¹.

Одним из документов, определяющих эффективность функционирования государственного учреждения, является Отчет о деятельности.

Общие требования к Отчету о деятельности устанавливаются Минфином России, а порядок составления и утверждения такого отчета — соответствующим органом государственной власти, осуществляющим полномочия учредителя государственного учреждения. Однако ведомственное правовое регулирование указанных отношений вызывает вопросы.

Изначально Общие требования к порядку составления и утверждения отчета о результатах деятельности государственного (муниципального) учреждения и об использовании закрепленного за ним государственного (муниципального) имущества были утверждены приказом Минфина России от 30 сентября 2010 г. № 114н² (далее — Общие требования 2010 года), а Порядок составления и утверждения отчета о результатах деятельности федерального государственного учреждения, подведомственного Минобороны России, и об использовании закрепленного за ним федерального имущества утвержден приказом Министра обороны Российской Федерации от 2 декабря 2010 г. № 1616 (далее — Порядок 2012 г.).

Указанный правовой акт предусматривал различные формы актов для разных типов государственных учреждений, при этом п. 7 Порядка 2012 г. устанавливал требование о согласовании Отчета о деятельности для автономного учреждения, а также о направлении заместителю Министра обороны Российской Федерации, отвечающему за организацию финансового обеспечения войск (сил), не копии, а оригинала Отчета о деятельности, что проти-

воречило требованиям ст. 11 Федерального закона от 3 ноября 2006 г. № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях» (далее — Закон № 174-ФЗ)³.

С 1 января 2023 г. вступили в силу Общие требования к порядку составления и утверждения отчета о результатах деятельности государственного (муниципального) учреждения и об использовании закрепленного за ним государственного (муниципального) имущества, утвержденные приказом Минфина России от 2 ноября 2021 г. № 171н (далее — Общие требования 2021 г.).

Согласно п. 29 Общих требований 2021 г. Отчет о деятельности автономного учреждения утверждается руководителем учреждения с учетом требований Закона № 174-ФЗ и представляется учредителю.

Однако данное положение противоречит требованиям законодательства.

Так, в силу п. 7 ч. 1 и ч. 2 ст. 11 Закона № 174-ФЗ наблюдательный совет автономного учреждения рассматривает по представлению руководителя автономного учреждения Отчет о деятельности, по результатам чего дает рекомендации. Учредитель автономного учреждения принимает по этому вопросу решение после рассмотрения рекомендации наблюдательного совета автономного учреждения⁴.

Неоднозначный вопрос, возникающий при анализе указанного положения, заключается в том, какое же решение принимает учредитель автономного учреждения: утверждает или, например, согласовывает Отчет о деятельности⁵. В последнем случае возникает проблема определения лица, полномочного утвердить указанный отчет⁶.

³ В редакции ст. 11 Закона № 174-ФЗ до 27 ноября 2017 г.

⁴ До 2017 г. правом утверждения Отчета о деятельности был наделен Наблюдательный совет автономного учреждения.

⁵ Указанный вопрос возник по причине несоблюдения требований юридической техники при внесении изменений в ч. 2 ст. 11 Закона № 174-ФЗ.

⁶ Рекомендуемые образцы Отчетов о деятельности, являющиеся приложением к Общим требованиям

¹ См., напр.: Зайков Д.Е. Служебная тайна в области обороны // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 5. С. 32—40.

² Утр. силу с 1 января 2023 г.

Вместе с тем, изложенная позиция Минфина России об утверждении Отчета о деятельности руководителем автономного учреждения представляется неверной и не соответствующей требованиям законодательства Российской Федерации.

Внесенными в ст. 11 Закона № 174-ФЗ изменениями¹ наблюдательный совет автономного учреждения был лишен права утверждать Отчет о деятельности, а соответствующее полномочие было передано учредителю автономного учреждения.

Кроме того, компетенция руководителя автономного учреждения определена ст. 13 Закона № 174-ФЗ, которая, в том числе, устанавливает закрытый перечень его полномочий по утверждению важнейших документов, регламентирующих его деятельность (штатное расписание, план финансово-хозяйственной деятельности автономного учреждения), а ранее и отчетных документов².

При этом в отношении двух из трех предусмотренных п. 7 ч. 1 ст. 11 Закона № 174-ФЗ документов (план финансово-хозяйственной деятельности и годовая бухгалтерская отчетность автономного учреждения) прямо определена компетенция лиц по их утверждению, соответственно, и Отчет о деятельности подлежит утверждению уполномоченным лицом — учредителем автономного учреждения.

Общие требования 2021 г. подлежали применению, за отдельным исключением, начиная с представления Отчета о деятельности за 2022 г. Соответственно, порядок составления и утверждения указанного отчета должен был быть определен ведомственными правовыми актами с уче-

том Общих требований 2021 г. к 1 января 2023 г. Времени для этого было достаточно — более года.

Однако рядом государственных органов к указанному сроку соответствующие правовые акты приняты не были³, в том числе и Минобороны России.

Это привело к ситуации, при которой приказ Минобороны России № 1616 продолжил действовать и после 1 января 2023 г., однако его правовое основание — Общие требования 2010 г., были признаны утратившими силу с 1 января 2023 г. При этом приказ Минобороны России № 1616 не соответствовал Общим требованиям 2021 г.

Заложниками данной ситуации стали военные организации, перед которыми встал вопрос о том, каким нормативным правовым актом руководствоваться при подготовке Отчета о деятельности за 2022 г.: приказом Минобороны России № 1616 или Общими требованиями 2021 г.

Стоит указать, что проект приказа Минобороны России, подготовленного во исполнение Общих требований 2021 г., был размещен на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов еще 2 февраля 2023 г.⁴ Вместе с тем, Порядок составления и утверждения отчета о результатах деятельности федеральных государственных учреждений, функции и полномочия учредителя которых осуществляет Минобороны России, и об использовании закрепленного за ними государственного имущества был утвержден приказом Министра обороны Российской Федерации от 20 сентября 2023 г. № 633⁵ (далее — Порядок составления отчета,

2021 г., вообще не предусматривают их утверждения.

¹ См.: ст. 1 Федерального закона от 27 ноября 2017 г. № 347-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 11 Федерального закона «Об автономных учреждениях» и статью 30 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений».

² До 1 января 2011 г. к их числу относилась годовая бухгалтерская отчетность автономного учреждения.

³ См., напр.: приказ МЧС России от 31 июля 2023 г. № 790 «Об утверждении Порядка составления и утверждения отчета о результатах деятельности федеральных государственных учреждений, функции и полномочия учредителя которых осуществляет МЧС России, и об использовании закрепленного за ними государственного имущества».

⁴ URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=133954> (дата обращения: 21.11.2023).

⁵ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311200003#> (дата обращения: 21.11.2023).

приказ Минобороны России № 633).

Анализ указанного правового акта приводит к выводу о наличии существенного пробела в его правовом регулировании.

Общие требования 2021 г. регламентируют соответствующие отношения применительно ко всем типам государственного учреждения. Такой же вывод позволяет сделать и название приказа Минобороны России № 633. Однако его содержание это опровергает — он регулирует отношения по порядку составления и утверждения Отчета о деятельности исключительно в отношении бюджетных и казенных учреждений, автономные учреждения в нем даже не упоминаются¹.

Разумным объяснением этого является лишь принятие отдельного приказа Министра обороны Российской Федерации по аналогичному предмету правового регулирования только в отношении автономных учреждений². Вместе с тем, такой подход, как представляется, изначально нецелесообразен, так как отличия в регламентации рассматриваемых отношений с участием автономных учреждений и иных типов государственных учреждений минимальны — только в части порядка утверждения Отчета о деятельности. Установление дополнительных особенностей также лишено смысла. При этом отсутствие правовой регламентации порядка составления и утверждения Отчета о деятельности автономных учреждений, подведомственных Минобороны России, обуславливает неопределенность исполнения ими указанной обязанности.

Одновременно с этим необходимо обратить внимание и еще на одну проблему, касающуюся Отчета о деятельности автономных учреждений, которая существует

уже на протяжении длительного времени.

В отличие от подп. 10 п. 3.3 ст. 32 Закона о некоммерческих организациях и Общих требований 2021 г., п. 12 ст. 2 Закона № 174-ФЗ, так же, как и Правила опубликования отчетов о деятельности автономного учреждения и об использовании закрепленного за ним имущества, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 18 октября 2007 г. № 684, предусматривают для автономных учреждений не Отчет о деятельности, а наличие двух самостоятельных отчетов:

— отчет о деятельности автономного учреждения;

— отчет об использовании закрепленного за автономным учреждением имущества.

Данная несогласованность различных правовых актов, регулирующих одни и те же отношения, создает неопределенность относительно вопроса о количестве отчетов, которые должны быть подготовлены автономным учреждением и утверждены:

— один — Отчет о деятельности;

— два — отчет о деятельности автономного учреждения и отчет об использовании закрепленного за автономным учреждением имущества;

— три — Отчет о деятельности, отчет о деятельности автономного учреждения и отчет об использовании закрепленного за автономным учреждением имущества.

В целом данная проблема ранее не имела практической составляющей, однако в связи с отсутствием правового регулирования порядка составления и утверждения Отчета о деятельности в отношении автономных учреждений, подведомственных Минобороны России, вопрос о подлежащих применению в такой ситуации правовых актов и правовых последствиях этого может находить различные решения.

Библиография

1. Выскубин, А.А. Что это такое – автономное учреждение? / А.А. Выскубин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2008. — № 1. — С. 64—68.

2. Зайков, Д.Е. Автономное учреждение: исторический анализ и перспективы развития / Д.Е. Зайков // Гражданин и право. — 2021. — № 4.

¹ При этом размещенные на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов проекты указанного приказа Министра обороны Российской Федерации в двух различных редакциях содержат соответствующее правовое регулирование в отношении автономных учреждений (URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=133954> (дата обращения: 21.11.2023)).

² Подобная практика в Минобороны России отсутствует.

— С. 38—44.

3. Зайков, Д.Е. Службная тайна в области обороны / Д.Е. Зайков // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 5. — С. 32—40.

4. Матящук, С.В. Особенности правовой регламентации института оперативного управления в условиях реформирования бюджетной системы /

С.В. Матящук // Законодательство и экономика. — 2011. — № 7. — С. 18—21.

5. Молдованов, М.М. О правовом положении федеральных казенных, бюджетных и автономных учреждений / М.М. Молдованов // Актуальные проблемы российского права. — 2013. — № 1. — С. 51—54.

О некоторых вопросах наследования имущества погибшего участника СВО и распределения обязательных выплат, связанных с его гибелью

© **Новопашина Ульяна Семеновна**,
преподаватель юридического факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова, заместитель директора
НОЦ «Центр нотариального права «Путь к
закону», нотариус г. Москвы

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с наследованием имущества погибшего участника СВО, расходами, вызванными смертью наследодателя с распределением обязательных выплат членам семьи военнослужащего, мобилизованного, участника добровольческого формирования или другого указанного в законе лица, погибшего (умершего) в связи с участием в специальной военной операции (выполнении обязанностей военной службы).

Ключевые слова: наследование имущества, расходы, связанные со смертью наследодателя, специальная военная операция, статус военнослужащего, обязательное страхование жизни и здоровья, выплаты семьям погибших участников специальной военной операции, накопительно-ипотечная система обеспечения жильем военнослужащих.

About some issues of inheritance of the property of the deceased participant of the SVO and the distribution of mandatory payments related to his death

© **Novopashina U.S.**,
lecturer of the Faculty of Law Lomonosov Moscow
State University, Deputy Director of the Center for
Notary Law "Path to the Law", Notary of Moscow

Annotation. The article deals with topical issues related to the inheritance of the property of the deceased participant of the SVO, expenses caused by the death of the testator with the distribution of mandatory payments to family members of a serviceman, mobilized, a participant in a volunteer formation or another person specified in the law, who died (died) in connection with participation in a special military operation (performing military service duties).

Keywords: inheritance of property, expenses related to the death of the testator, a special military operation, the status of a serviceman, compulsory life and health insurance, payments to the families of the deceased participants of a special military operation, a cumulative mortgage system for housing military personnel

Каждый человек, увы, смертен. Как сказал один из главных героев знаменитого романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» Воланд: «Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем

фокус!»¹.

Смерть человека влечет для его родных и близких не только нравственные страдания, но и организационные хлопоты, и существенные материальные затраты, связанные с организацией и проведением

¹ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // URL: www.100bestbooks.ru (дата обращения 31.10.2023).

похорон, а также проведением погребальных церемоний, различных обрядов, совершаемых в память об умершем, как внутри дома, так и в церкви или на кладбище, например, церемоний, связанных с выстрелами из оружия, как символическим актом, религиозных церемоний, связанных с отпеванием, поминовением, организации гражданских панихид, поминальных обедов, трапез и т.д.

Государство также оказывает своим гражданам соответствующую социальную помощь, а в некоторых случаях производит членам семьи умершего и дополнительные выплаты, в частности, если умерший при жизни был наделен особым статусом или имел особые заслуги перед Родиной.

Военнослужащие относятся к числу граждан, которые наделены особым статусом, причем такой статус прямо закреплен в специальном законе. Так, в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (ред. от 24.07.2023) военнослужащие наделены особым статусом, который заключается в совокупности прав, свобод, гарантированных государством, а также обязанностей и ответственности военнослужащих, установленных законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Наделение военнослужащих таким статусом объясняется тем, что на них возлагаются особые обязанности по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, которые связаны с необходимостью беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе с риском для жизни. В связи с особым характером обязанностей, возложенных на военнослужащих, им предоставляются социальные гарантии и компенсации.

В наследственном праве указанный статус военнослужащего не имеет особого значения. Наследственное право не выделяет военнослужащих, а также мобилизованных, участников добровольческих формирований и других лиц, в отдельную категорию как наследодателей, так и наследников. Поэтому в случае их гибели

(смерти) наследование в отношении принадлежавшего им имущества, осуществляется по общим правилам, установленным частью III Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ).

В частности, в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности (ст. 1112 ГК РФ).

Права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя, в частности, право на алименты, право на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, а также права и обязанности, переход которых в порядке наследования не допускается ГК РФ или другими законами, в состав наследства не включаются. Не входят в состав наследства и личные неимущественные права и другие нематериальные блага¹.

Стоит отметить, что в наследственную массу не входят также необходимые расходы, вызванные смертью наследодателя, и расходы на охрану наследства и управления им. Перечень таких расходов установлен в п. 1 ст. 1174 ГК РФ. К ним относятся: расходы, вызванные предсмертной болезнью наследодателя, расходы на его достойные похороны, включая необходимые расходы на оплату места погребения наследодателя, расходы на охрану наследства и управление им, а также расходы, связанные с исполнением завещания. Указанные расходы могут понести любые лица, как являющиеся, так и не являющиеся наследниками, но в любом случае возмещение осуществляется за счет наследства в пределах его стоимости.

При отсутствии завещания, наследственного договора, наследство перейдет к наследникам по закону, к которым в первую очередь относятся переживший супруг (супруга), дети, родители и ижди-

¹ См., например: Российское гражданское право : учебник в 2-х т. Том I. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2011; Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Статут, 2019. Т. I : Общая часть.

венцы наследодателя. Общий срок на принятие наследства или отказ от него составляет *шесть месяцев* со дня открытия наследства (п. 1 ст. 1154 ГК РФ).

Однако, следует иметь ввиду, что в законодательстве содержатся нормы, определяющие особые условия перехода права на некоторое имущество. Важно то, что такое имущество исключается на некоторый срок из наследственной массы, а в случае незаявления требований наследуется по общим основаниям. Причем срок на переход такого права является ограниченным по сравнению с общим сроком на принятие наследства.

Так, согласно ст. 1183 ГК РФ в течение четырех месяцев со дня открытия наследства, проживавшие совместно с наследодателем члены его семьи, а также нетрудоспособные иждивенцы независимо от того, проживали ли они совместно с умершим или не проживали, имеют право заявить требования о получении подлежащих выплате наследодателю, но не полученных им при жизни по какой-либо причине сумм заработной платы и приравненных к ней платежей, пенсий, стипендий, пособий по социальному страхованию, возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью, алиментов и иных денежных сумм, предоставленных гражданину в качестве средств к существованию.

При отсутствии лиц, имеющих право на получение указанных сумм, или при непредъявлении этими лицами требований о выплате в установленный срок, соответствующие суммы включаются в состав наследства и наследуются на общих основаниях, установленных ГК РФ (п. 3 ст. 1183 ГК РФ).

Но и из этого правила на практике есть некоторые исключения, которые установлены не законом, а подзаконными нормативными правовыми актами. В частности, такое исключение действует в отношении денежных средств, не полученных военнослужащим в связи с его гибелью.

Например, если погибший военнослужащий, мобилизованный, участник добровольческого формирования или иной, указанный в законе участник специальной во-

енной операции, не успел получить в полном объеме начисленное ему денежное довольствие и распорядиться им, то право на получение этой части денежного довольствия переходит к пережившей супруге (супругу); при отсутствии супруги (супруга) средства подлежат передаче детям. Родителям погибшего неполученная сумма денежного довольствия будет выплачена только в случае отсутствия у погибшего как супруги (супруга), так и детей.

Такой порядок определен в приказе Министра обороны Российской Федерации от 6 декабря 2019 года № 727 «Об определении Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации и предоставления им и членам их семей отдельных выплат», изданным в соответствии с Федеральным законом от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат».

Следует заметить, что такое противоречие хоть и может быть признано разумным с социальной точки зрения (учитывая особый статус военнослужащих), но оно должно быть урегулировано законодательно.

Кроме того, нельзя забывать о том, что денежное довольствие не всегда является личным имуществом военнослужащего, так на денежное довольствие распространяется правило о супружеской доле, т.е. части имущества, нажитого во время брака с наследодателем и являющегося их совместной собственностью (ст. 1150 ГК РФ), если иное не предусмотрено брачным договором. Однако, и это правило не соблюдено в приказе Министра обороны Российской Федерации от 6 декабря 2019 г. № 727. На практике наличие таких противоречий может вызвать много споров и разногласий.

В связи с этим, считаем целесообразным, либо внести соответствующие изменения и дополнения в ГК РФ, либо привести вышеуказанный подзаконный нормативный правовой акт в соответствие с действующим законодательством.

Следующий вопрос, который необхо-

димом рассмотреть, это вопрос в отношении права на использование денежных средств, предоставленных военнослужащему в соответствии с Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих».

В соответствии со ст. 12 указанного Федерального закона, а также постановлением Правительства Российской Федерации от 7 ноября 2005 г. № 655 «О порядке функционирования накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих», приказом Министра обороны Российской Федерации от 24 апреля 2017 г. № 245 «Об утверждении Порядка реализации накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации», в случае исключения участника накопительно-ипотечной системы из списков личного состава воинской части в связи с его гибелью или смертью, признанием его в установленном порядке безвестно отсутствующим или объявлением его умершим, право на получение накопленных на именном накопительном счете погибшего военнослужащего имеют члены семьи военнослужащего, т.е. его супруга (супруга) и несовершеннолетние дети, а также совершеннолетние дети, ставшие инвалидами до достижения ими возраста 18 лет, дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся в образовательных организациях по очной форме обучения, а также лица, находящиеся на иждивении военнослужащего. Родители в соответствии с указанным законом не являются членами семьи военнослужащего, поэтому имеют право на использование накопленных денежных средств только в случае отсутствия членов семьи у такого участника. В таком случае денежные средства будут переведены уполномоченным лицам по указанным ими реквизитам на их банковские счета.

В данном случае также важно отметить, что денежные средства, числящиеся на именном накопительном счете, не являются собственностью военнослужащего, так как сам такой счет является лишь фор-

мой аналитического учета, а не банковским счетом, предназначенном для хранения денежных средств и проведения денежных операций по нему.

В наследственную массу денежные средства, числящиеся на таком именном накопительном счете, не входят. Однако при соблюдении условий, установленных в вышеуказанных нормативных правовых актах, члены семьи погибшего военнослужащего и иные лица, имеют право требования их получения (переводом на свои банковские счета), не как требования наследственного имущества, а как особого преемства в связи со смертью, основанного на законе.

Стоит отметить, что законодательством предусмотрены и иные случаи особого преемства, например, в отношении наличных денег и безналичных денежных средств, а также в отношении имущественных прав на погашение государственного внутреннего займа¹.

Рассмотрим теперь выплаты, которые связаны со смертью военнослужащего, если его смерть (гибель) произошла в результате участия в специальной военной операции.

Законом и иными нормативными правовыми актами предусмотрены определенные выплаты членам семьи погибшего военнослужащего и другим его близким родственникам. Эти выплаты носят социальный характер и в наследственную массу также не включаются.

При этом они могут быть единовременными или ежемесячными.

К разовым выплатам относятся:

— оплата ритуальных услуг (в размере до 48 000 руб., а в Москве, Санкт-Петербурге и Севастополе — до 66 000 руб.)² в соответствии со ст. 11 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» и по-

¹ См., например: Новопашина У.С. Деньги и денежные средства как объекты наследственного преемства // Нотариус. № 5. 2016. С. 24—30; Новопашина У.С. Имущественное право на погашение государственного внутреннего долга как объект наследования // Нотариус. № 2. 2016. С. 22—29.

² Выплата не производится, если оплата ритуальных услуг производилась за счет государства.

становлением Правительства Российской Федерации от 6 мая 1994 г. № 460 «О нормах расходов денежных средств на погребение погибших (умерших) военнослужащих сотрудников органов внутренних дел, войск национальной гвардии Российской Федерации, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, органов принудительного исполнения Российской Федерации, Государственной противопожарной службы и таможенных органов, прокуроров, граждан, призванных на военные сборы, граждан, пребывавших в добровольческих формированиях, граждан, уволенных с военной службы (со службы в указанных органах, войсках и учреждениях, в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и органах налоговой полиции), и уволенных со службы прокуроров, а также на изготовление и установку надгробных сооружений (надгробий)»;

— компенсация затрат на изготовление надгробных памятников и их установку (по фактическим затратам, подтвержденным соответствующими документами, но не выше 41 196 руб.) в соответствии со ст. 11 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле»¹;

— денежная выплата, предусмотренная Указом Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 98 «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей» на случай гибели (смерти) военнослужащих, лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, принимавших участие в специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской народной Республики и Украины, военнослужащих, выполнявших специальные задачи на территории Сирийской Арабской Республики, либо смерти указанных военнослужащих и лиц до истечения одного года со дня их увольнения с военной службы

(службы), наступившей вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных ими при исполнении обязанностей военной службы (службы). Членам их семей погибших осуществляется единовременная выплата в размере 5 млн. рублей в равных долях. К членам семьи в данном случае относятся супруга (супруг), несовершеннолетние дети (а также совершеннолетние дети, ставшие инвалидами до достижения ими возраста 18 лет, и дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся по очной форме обучения), родители, достигшие возраста 50 женщины и 55 лет мужчины, а также фактические воспитатели, которые воспитывали военнослужащего не менее 5 лет до достижения им совершеннолетия. При отсутствии членов семьи единовременная выплата осуществляется в равных долях полнородным и не полнородным братьям и сестрам указанных военнослужащих и лиц;

— пособие членам семьи погибшего (умершего) военнослужащего в размере 4 452 696 руб. 06 коп. в соответствии с ч. 8 ст. 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» и приказом Министра обороны Российской Федерации от 8 мая 2012 г. № 1100 «О Порядке выплаты в Министерстве обороны Российской Федерации единовременны пособий, предусмотренных частями 8 и 12 статьи 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 года № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных льгот»;

— страховые суммы в случае гибели (смерти) застрахованного лица в период прохождения военной службы в размере 2 968 464 руб. 04 коп. в равных долях членам семьи в соответствии с п. 2 ст. 5 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учре-

¹ Выплата не производится, если оплата производилась за счет государства.

ждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации»;

— поощрение при награждении государственными наградами.

Помимо указанных единовременных выплат, члены семьи погибшего (умершего) военнослужащего имеют право на:

— денежную компенсацию найма (поднайма) жилого обеспечения (обеспечения жильем членов семьи военнослужащего, но не более чем в течение 1 года со дня его гибели), в размере фактических расходов, но не выше размеров, определенных исходя из установленного норматива общей площади жилого помещения и предельной стоимости, — в соответствии с п. 3 ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 909 «О порядке расчета и размерах выплаты денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений военнослужащим-гражданам Российской Федерации и иным лицам в соответствии с Федеральным законом «О статусе военнослужащих»;

— ежемесячную денежную компенсацию в случае гибели (смерти) военнослужащего, размер которой зависит от числа членов семьи (на одного члена семьи выплата составляет 10 389 руб. 63 коп.; на двух — 6 926 руб. 42 коп. каждому; на трех — 5 194 руб. 82 коп. каждому, на четырех — 4 155 руб. 85 коп. каждому, и на пять членов семьи — 3 463 руб. 21 коп. каждому) — в соответствии с п. 9 ст. 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат»;

— *ежемесячное пособие на детей* военнослужащих, погибших при исполнении обязанностей военной службы, в размере 2 668 руб. 57 коп., на основании ст. 1 Федерального закона от 4 июня 2011 г. № 128-ФЗ «О пособии детям военнослу-

жащих, лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальное звание полиции, и сотрудников некоторых федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, погибших (умерших, объявленных умершими, признанными безвестно отсутствующими) при исполнении обязанностей военной службы (служебных обязанностей), и детям лиц, умерших вследствие военной травмы после увольнения с военной службы (службы в войсках, органах и учреждениях)»; при этом выплаты производятся детям до достижения ими возраста 18 лет; детям старше 18 лет, ставшим инвалидами до достижения ими возраста 18 лет; детям, обучающимся в образовательных организациях по очной форме обучения, до окончания ими такого обучения, но не более чем до достижения ими возраста 23 лет;

— пенсию по случаю потери кормильца нетрудоспособным членам семьи в размере 50 процентов денежного довольствия военнослужащего, учитываемого для исчисления пенсии, — на основании ст. 28—42 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-I «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей»;

— ежегодную выплату на проведение оздоровительного отдыха обучающихся по основным общеобразовательным программам (за исключением дошкольного образования) детей военнослужащих, погибших (умерших) при исполнении обязанностей военной службы в размере 29 511 руб. 36 коп., — на основании постановления Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 911 «О порядке оказания медицинской помощи, возмещения расходов на ее оказание, проведение медицинских осмотров, диспансе-

ризации, санаторно-курортного обеспечения и осуществления отдельных выплат некоторым категориям военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и членам их семей, а также отдельным категориям граждан, уволенных с военной службы».

Итак, выше были подробно рассмотрены особые виды выплат.

Считаем, что еще важно обратить внимание на определенные правовые проблемы, связанные с распределением вышеуказанных выплат между членами семьи и другими гражданами.

Так, в вышеуказанных нормативных правовых актах в качестве получателей выплат, как правило, указывается разный состав таких лиц.

Например, право на выплату в размере 5 000 000 руб. имеют не только супруга (супруг), дети и родители погибшего (умершего) военнослужащего, но и фактические воспитатели; страховую выплату — супруга (супруг), несовершеннолетние дети, родители, а также иждивенцы, и т.д.

Более подробно и наглядно распределение указанных выплат можно представить следующим образом:

№ п/п	Название (назначение) выплаты	Выгодоприобретатель
1	Оплата ритуальных услуг	Лицо, понесшее расходы. Выплата не производится, если расходы осуществлялись за счет государства.
2	Компенсация затрат на изготовление надгробных памятников и их установку	Лицо, понесшее расходы. Выплата не производится, если расходы осуществлялись за счет государства.
3	Единовременная выплата, предусмотренная Указом Президента РФ от 05.03.2022 года № 98	Члены семьи (супруг (супруга), несовершеннолетние дети, а также совершеннолетние дети, ставшие инвалидами до достижения возраста 18 лет, и дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся по очной форме обучения), родители, достигшие возраста 50 лет женщины и 55 лет мужчины, а также фактические воспитатели, которые воспитывали военнослужащего не менее 5 лет до достижения им совершеннолетия
4	Единовременное пособие членам семьи погибшего (умершего) военнослужащего	Члены семьи (супруг (супруга), родители военнослужащего, достигшие возраста 50 лет женщины и 55 лет мужчины, несовершеннолетние дети, совершеннолетние дети, ставшие инвалидами до достижения ими возраста 18 лет, дети, обучающиеся по очной форме обучения – до окончания обучения, но не более чем до достижения возраста 23 лет)
5	Страховые суммы военнослужащим	Супруга (супруг), состоявшая (состоявший) на день гибели (смерти) застрахованного лица в зарегистрированном браке с ним; родители (усыновители) застрахованного лица; бабушка и (или) дедушка застрахованного лица при условии, что они воспитывали и (или) содержали его не менее трех лет в связи с отсутствием у него родителей; отчим и (или) мачеха застрахованного лица при условии, что они воспитывали и (или) содержали его не менее пяти лет; несовершеннолетние дети застрахованного лица, дети застрахованного лица <i>старше 18 лет, ставшие инвалидами до достижения ими возраста 18 лет</i> , его дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся в образовательных организациях; подопечные застрахованного лица; лицо, признанное фактически воспитывавшим и содержавшим застрахованное лицо в течение не менее пяти лет до достижения им совершеннолетия (фактический воспитатель).
6	Ежемесячная денежная компенсация в случае гибели (смерти) военнослужащего	Члены семьи (супруг (супруга), несовершеннолетние дети, а также совершеннолетние дети, ставшие инвалидами до достижения возраста 18 лет, и дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся по очной форме обучения), родители, достигшие возраста 50 лет женщины и 55 лет мужчины, а также фактические воспитатели, которые воспитывали военнослужащего не менее 5 лет до достижения им совершеннолетия
7	Ежемесячное пособие на детей погибших военнослужащих	Несовершеннолетние дети до достижения возраста 18 лет; дети старше 18 лет, ставшие инвалидами до достижения возраста 18 лет, дети, обучающиеся в образовательных организациях по очной форме обучения,

		до окончания ими такого обучения, но не более чем до достижения ими возраста 23 лет
8	Пенсия по случаю потери кормильца	Нетрудоспособные члены семьи умершего (погибшего), если они после смерти кормильца утратили источник средств к существованию: нетрудоспособные супруг (супруга), родители, достигшие возраста 60 лет мужчины и 55 лет женщины, нетрудоспособные дети, и другие лица, указанные в ст. 29 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 года № 4468-1).
9	Ежегодная выплата на проведение оздоровительного отдыха обучающихся по основным общеобразовательным программам (за исключением дошкольного образования)	Дети, погибших (умерших) военнослужащих, обучающиеся по основным образовательным программам. Выплата производится родителю или иному законному представителю.

В данном случае возникает вопрос о том, какой смысл вкладывал законодатель в установление подобной дифференциации? Видно, что законы пишут разные структуры, не обращая внимания на существующие нормы действующего гражданского законодательства.

Также стоит обратить внимание на то, что законодательство Российской Федерации в настоящее время не содержит единое понятие «члены семьи», и в разных нормативных правовых актах такое понятие определяется по-разному.

Например, из содержания ст. 2 Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ), следует, что к членам семьи относятся супруги, родители и дети (усыновители и усыновленные). Однако из названия и содержания гл. 15 СК РФ, которая называется «Алиментные обязательства других членов семьи», можно сделать вывод, что к другим членам семьи в семейном праве относятся братья и сестры, бабушки и дедушки, внуки, воспитанники и фактические воспитатели, пасынки и падчерицы, отчим и мачеха.

Жилищный кодекс Российской Федерации к членам семьи (собственника жилого помещения) относит проживающих совместно с ним в принадлежащем ему жилом помещении его супруга, а также детей и родителей данного собственника; членами семьи собственника могут быть признаны и другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы, а в исключительных случаях и иные граждане, если они вселены собственником в качестве членов семьи (ст. 31).

Гражданский кодекс Российской Фе-

дерации не содержит единого понятия «члены семьи». Статья 292 ГК РФ определяет членами семьи собственника жилого помещения, лиц, проживающих в принадлежащем ему жилом помещении, без указания состава лиц.

Другие законы и подзаконные нормативные правовые акты, которые были упомянуты в настоящей статье, также не содержат четкого и единого указания на то, кого следует считать членом семьи, а многочисленные приказы Министра обороны Российской Федерации не добавляют понимания.

По нашему мнению, в законодательство необходимо ввести единое понятие «члены семьи», к которым в последнем случае следует относить только супругов и их несовершеннолетних детей. Все остальные лица (в том числе, совершеннолетние дети и родители супругов) должны признаваться близкими родственниками, но не членами семьи.

Поэтому и при установлении соответствующих военных выплат, целесообразно было бы установить две категории выплат: для членов семьи и отдельно — для других лиц.

В заключении стоит сделать вывод, что поднятые в статье проблемы требуют глубокого теоретического осмысления и изменения законодательства.

Библиография

1. Гражданское право : учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Статут, 2019. — Т. I : Общая часть. — 576 с.
2. Корякин, В.М. Комментарий к Федеральному закону «О статусе военнослужащих» / В.М. Ко-

рякин. — М.: Центр правовых коммуникаций, 2018. — 390 с.

3. Новопашина, У.С. Деньги и денежные средства как объекты наследственного преемства / У.С. Новопашина // Нотариус. — 2016. — № 5. — С. 24—30.

5. Новопашина, У.С. Имущественное право на погашение государственного внутреннего долга как

объект наследования / У.С. Новопашина // Нотариус. — 2016. — № 2. — С. 22—29.

6. Российское гражданское право : учебник / в 2-х т. Том I. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. — Москва: Статут. 2011.

Судебная деятельность

Обжалование актов проверки по результатам ведомственного финансового контроля: проблемы определения подсудности

© **Зайков Денис Евгеньевич**,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория права, гражданское право, гражданский процесс» Юридического института Российского университета транспорта

Аннотация. Обжалование военными организациями в судебном порядке актов проверки по результатам ведомственного финансового контроля осуществляется в целях защиты их прав и законных интересов. Однако судебная практика свидетельствует об отсутствии единого подхода к определению подсудности указанной категории дел: в зависимости от различных обстоятельств такие дела рассматриваются военными судами, арбитражными судами и судами общей юрисдикции. Автор анализирует указанную проблему и рассматривает ее негативные правовые последствия.

Ключевые слова: ведомственный финансовый контроль, акт проверки, подсудность, военная организация, военные суды, арбитражные суды, суды общей юрисдикции.

Appeal of inspection acts based on the results of departmental financial control: problems of determining jurisdiction

© **Zaikov D.E.**,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department "Theory of Law, Civil Law, Civil Procedure" of the Law Institute of the Russian University of Transport

Annotation. Judicial appeals by military organizations against acts of verification based on the results of departmental financial control are carried out in order to protect their rights and legitimate interests. However, judicial practice indicates the absence of a unified approach to determining the jurisdiction of this category of cases: depending on various circumstances, such cases are considered by military courts, arbitration courts and courts of general jurisdiction. The author analyzes this problem and considers its negative legal consequences.

Key words: departmental financial control, act of verification, jurisdiction, military organization, military courts, arbitration courts, courts of general jurisdiction.

Минобороны России в соответствии с п. 56 Положения о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082, осуществляет контроль финансово-экономической и хозяйственной деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации — ведом-

ственный финансовый контроль¹.

В силу п. 1 ст. 267.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации (БК РФ) методами осуществления ведомственного

¹ Указанные отношения в Вооруженных Силах Российской Федерации регулируются приказом Министра обороны Российской Федерации, содержание которого отнесено к служебной тайне в области обороны.

финансового контроля являются проверка, ревизия, обследование.

Наиболее широкое применение в практической деятельности находит проверка, под которой понимается совершение контрольных действий по документальному и фактическому изучению законности отдельных финансовых и хозяйственных операций, достоверности бюджетного (бухгалтерского) учета и бюджетной отчетности, бухгалтерской (финансовой) отчетности в отношении деятельности объекта контроля за определенный период¹. По результатам проверки субъектом ведомственного финансового контроля² оформляется акт контрольного мероприятия (проверки), содержащиеся в котором предложения носят характер властно-распорядительных предписаний, в связи с чем они могут нарушать права объекта ведомственного финансового контроля — органа военного управления³ (далее — военная организация), что, в свою очередь, указывает на его право в судебном порядке оспорить содержащиеся в акте проверки предложения.

Самым распространенным предметом судебного разбирательства по такой категории дел являются требования о признании незаконными следующих выводов, изложенных в актах проверок:

— о необоснованной выплате различных видов денежного довольствия, заработной платы гражданскому персоналу, отдельных и компенсационных выплат, в том числе за наем (поднаем) жилого помещения или вместо предоставления дополнительных суток отдыха;

— о незаконной выплате командировочных расходов;

— о недостатках материального имущества различных служб, в том числе топлива;

— о нарушениях в сфере учета материальных ценностей, а также в связи с необоснованным использованием бюджетных средств на оплату электроэнергии, предоставленной сторонним потребителям и др.

Анализ соответствующей судебной практики позволяет сделать вывод об актуальности такого способа защиты прав и законных интересов военной организации и одновременно с этим — о наличии крайне важной проблемы — определение подсудности при обращении военной организации с соответствующим иском в суд⁴.

Вместе с тем, формально подобной проблемы существовать не должно. Обзорная справка по рассмотрению военными судами дел, связанных с оспариванием воинскими должностными лицами актов ведомственного финансового контроля, подготовленная Судебной коллегией по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации⁵, разрешила возникающие в указанной сфере вопросы.

Дела, связанные с оспариванием актов

¹ Пункт 2 ст. 267.1 БК РФ.

² Соответствующие подразделения (межрегиональные, территориальные) ведомственного финансового контроля и аудита.

³ Федеральный орган исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, центральные органы военного управления (командования, штабы, управления, департаменты, службы, отделы, отряды, центры), территориальные органы военного управления (военные комиссариаты, региональные центры, комендатуры территорий), управления и штабы объединений, соединений, воинских частей Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов.

⁴ Проблема подсудности — крайне актуальная и широко распространенная, которая находит живой отклик в трудах военных юристов. См., напр.: Яголович И.И. Как найти «свой» военный суд (проблемы определения территориальной подсудности дел военным судам) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2010. № 8. С. 79—81, Кот П.А. Неопределенность в подсудности дел о материальной ответственности военнослужащих устранена // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2014. № 8. С. 56—59, Воронов А.Ф. О новых течениях научной мысли в сфере подсудности гражданских дел военным судам // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2015. № 5. С. 25—30, Дикарев И.С. Вопросы подсудности уголовных дел военным судам // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 6. С. 63—68.

⁵ Письмо Верховного Суда Российской Федерации от 14 января 2021 г. № 7-ВС-106/21 // СПС «Гарант».

проверки по результатам ведомственного финансового контроля деятельности военных организаций, подлежат рассмотрению в порядке административного судопроизводства и находятся в подсудности гарнизонных военных судов¹. При этом соответствующее административное исковое заявление может быть подано как по месту нахождения административного ответчика (ч. 1 ст. 22 КАС РФ), так и по месту нахождения административного истца (ч. 2 ст. 22, ч. 4 ст. 24 КАС РФ).

В качестве административных истцов при оспаривании результатов финансового контроля выступают органы военного управления и воинские должностные лица (объекты финансового контроля), а в качестве административных ответчиков — Департамент ведомственного финансового контроля и аудита и межрегиональные управления ведомственного финансового контроля и аудита Минобороны России, уполномоченные финансовые органы иного федерального органа исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, например Управление финансового контроля и аудита Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (субъекты финансового контроля).

Течение установленного в ч. 1 ст. 219 КАС РФ трехмесячного срока обращения в суд начинается со дня, когда воинскому должностному лицу стало известно о предполагаемом нарушении его прав, свобод и законных интересов. При этом с учетом специфики осуществления процедуры ведомственного финансового контроля при реализации руководителем военной организации права на подачу возражений на акт проверки датой начала течения указанного срока является дата получения военной организацией уведомления о полном или частичном отклонении возражений².

Судебная практика реализации указанных положений в военных судах доста-

точно обширна³.

Однако подход, предусматривающий подсудность дел, связанных с оспариванием актов проверки по результатам ведомственного финансового контроля, военным судам, не является единственным.

Значительное число дел рассматриваемой категории разрешается арбитражными судами в связи с экономическим характером возникшего спора. При этом в основном в качестве истцов выступают военные организации, являющиеся самостоятельными юридическими лицами, подведомственными Минобороны России⁴.

Так, арбитражный суд, делая вывод о подсудности ему дела об обжаловании акта проверки, указал, что указанный акт носит властно-обязывающее предписание для военной организации, влекущее определенные обязанности, затрагивает ее права и законные интересы. При этом проведение проверки служебной внутренней деятельности заявителя, а также составление акта проверки по результатам контрольных мероприятий финансово-экономической и хозяйственной деятельности военной организации, который является документом службы государственного финансового контроля, регулируемого БК РФ, обуславливает экономический характер спора⁵.

Рассмотрение указанной категории дел арбитражными судами происходит как в связи с их мотивированным решением об этом, так и в целях обеспечения реализации права военной организации на судебную защиту в ситуации, когда суды системы общей юрисдикции, не признают своей компетенции рассматривать подобные

³ См., напр.: апелляционное определение Южного окружного военного суда от 21 января 2022 г. по делу № 33а-84/2022, кассационное определение Кассационного военного суда от 15 марта 2022 г. по делу № 8а-318/2022[88а-470/2022].

⁴ См., напр.: постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22 сентября 2022 г. № 09АП-38174/22 по делу № А40-9482/2021, постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14 сентября 2023 г. № Ф07-14044/23 по делу № А56-105134/2022.

⁵ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 марта 2020 г. № 13АП-837/20 по делу № А56-95484/2019

¹ Так, за период 2018—2019 гг. гарнизонными военными судами рассмотрено 224 административных дела указанной категории.

² Пункт 3 Обзорной справки.

споры¹.

Коллегия Верховного Суда Российской Федерации по экономическим спорам против такого подхода не возражает².

Одновременно с этим ряд арбитражных судов занимает категоричную позицию о неподсудности указанных дел арбитражным судам³. Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о фактическом разделении арбитражных судов в зависимости от их устоявшейся позиции в отношении определения подсудности по делам об обжаловании актов проверок⁴.

Установив, что рассматриваемый спор возник вследствие осуществления функции внутриведомственного финансового контроля, в том числе в отношении должностных лиц военной организации, являющихся военнослужащими, арбитражный суд на основании ст. 7 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации», Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» пришел к правильному выводу о подсудности дела военным судам⁵.

Так, в качестве оснований для призна-

¹ См., напр.: постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26 июня 2020 г. № Ф09-3776/20 по делу № А60-42998/2019.

² См., напр.: определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2021 г. № 307-ЭС20-23697 по делу № А56-144387/2018, определение Верховного Суда Российской Федерации от 31 января 2022 г. № 307-ЭС20-23697 по делу № А56-144387/2018.

³ См., напр.: постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26 сентября 2017 г. № Ф03-3867/17 по делу № А73-7030/2017, постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 января 2019 г. № 17АП-20110/18.

⁴ Напр., Арбитражный суд Северо-Западного округа поддерживает наличие у арбитражных судов соответствующей компетенции, а Арбитражный суд Уральского округа занимает кардинально иную позицию – такие дела находятся в компетенции военных судов.

⁵ См.: постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26 сентября 2017 г. № Ф03-3867/17 по делу № А73-7030/2017.

ния компетенции рассматривать дело об обжаловании акта проверки гарнизонным военным судом Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд указал, что акт проверки является актом ревизии уполномоченного органа военного управления по результатам проверки в рамках осуществления ведомственного контроля деятельности учреждения, подведомственного Минобороны России, что свидетельствует о возникновении правоотношений между двумя органами военного управления в связи с осуществлением ими служебной деятельности. Так как заявленные требования вытекают из военно-служебных правоотношений, они подлежат рассмотрению военным судом⁶.

Иной подход к квалификации акта проверки состоит в том, что он не обладает признаками ненормативного правового акта, которым затрагиваются охраняемые законом права и интересы военной организации, являясь доказательством, в котором зафиксированы вменяемые ей нарушения и обстоятельства их совершения и которое подлежит оценке компетентным судом в совокупности с иными доказательствами по делу⁷.

В отдельных случаях арбитражные суды признают нарушение правил подсудности при рассмотрении ими дел об обжаловании актов проверок, однако на основании п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2020 г. № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» не усматривают это как основание для отмены правильного по существу судебного акта, вынесенного в пользу военной организации, обратившейся в арбитражный суд с заявлением об оспаривании

⁶ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 сентября 2021 г. № 15АП-16503/21 по делу № А53-13227/2021.

⁷ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 30 ноября 2021 г. № Ф08-12564/21 по делу № А53-13227/2021.

ненормативного правового акта¹.

Показательным примером неоднозначности и вариативности существующих в судебной практике подходов к определению подсудности дел об обжаловании актов проверок является дело № А60-3088/2022, согласно которому суд общей юрисдикции возвратил военной организации заявление об обжаловании акта проверки в связи с неподсудностью и указал о наличии компетенции по рассмотрению данного дела у арбитражного суда по правилам АПК РФ. Арбитражный суд принял дело к производству, однако постановлением суда апелляционной инстанции дело было передано в Центральный окружной военный суд для направления в гарнизонный военный суд, к подсудности которого оно отнесено².

Стоит отметить, что встречаются и случаи, когда гарнизонный военный суд возвращает военной организации заявление об обжаловании акта проверки в связи с неподсудностью данного дела, а суд общей юрисдикции принимает его к своему производству³. Такие случаи создают еще большую неоднозначность в понимании оснований наличия компетенции судов по рассмотрению соответствующих споров.

Безусловно, правовая неопределенность в вопросах процессуального права, особенно правил определения подсудности, недопустима. Она создает предпосылки для нарушения права на судебную защиту военных организаций, что в условиях ограниченного срока на обращение в суд (три месяца) приобретает особое значение.

Кроме того, не является секретом то, что рассмотрение одного и того же дела

разными судами и в рамках разных судопроизводств может привести к различным результатам. И эта ситуация может быть использована военной организацией в своих интересах, так как с учетом имеющихся условий и определенных обстоятельств у нее возникает фактическое право выбора компетентного суда и вида судопроизводства, в котором будет рассматриваться дело об обжаловании акта проверки.

Реализация указанного подхода, обусловленного существующей судебной практикой, нарушает установленные ст. 46 и 47 Конституции Российской Федерации фундаментальные основы правосудия — рассмотрение дел должно осуществляться судом в законном составе, который в соответствии с установленными законом правилами подсудности обладает соответствующей компетенцией по рассмотрению конкретного дела⁴.

В целях устранения указанных противоречий и исключения нарушений права на судебную защиту субъектов и объектов ведомственного финансового контроля необходимо выработка Верховным Судом Российской Федерации единой позиции по вопросу подсудности дел по обжалованию военными организациями актов проверки.

Библиография

1. Воронов, А.Ф. О новых течениях научной мысли в сфере подсудности гражданских дел военным судам / А.Ф. Воронов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2015. — № 5. — С. 25—30.

2. Дикарев, И.С. Вопросы подсудности уго-

⁴ См., напр.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2006 г. № 262-О, Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2006 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации», федеральных законов «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Президента Чеченской Республики, жалобой гражданки К.Г. Тубуровой и запросом Северо-Кавказского окружного военного суда», Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2009 г. № 144-О-П.

¹ См.: постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21 января 2021 г. № Ф09-8575/20 по делу № А60-566/2020.

² См.: постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19 июля 2022 г. № Ф09-5434/22 по делу № А60-3088/2022.

³ См., напр.: кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 07 октября 2020 г. по делу № 8а-16205/2020[88а-15713/2020].

ловных дел военным судам / И.С. Дикраев // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 6. — С. 63—68.

3. Кот, П.А. Неопределенность в подсудности дел о материальной ответственности военнослужащих устранена / П.А. Кот // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2014. —

№ 8. — С. 56—59.

4. Яголович, И.И. Как найти «свой» военный суд (проблемы определения территориальной подсудности дел военным судам) / И.И. Яголович // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2010. — № 8. — С. 79—81.

Особенности судебной защиты прав неизвестно отсутствующих и умерших граждан (военнослужащих) в ходе проведения специальной военной операции

© Корчемкин Максим Эдуардович, капитан юстиции, преподаватель кафедры военного права военного учебного центра при Российском государственном университете правосудия.

Аннотация. Предметом настоящей статьи являются проблемы, связанные с судебной защитой прав военнослужащих и членов семей военнослужащего, принимающего участие в проведении специальной военной операции.

Ключевые слова: военный учебный центр, пропавший без вести, судебная защита.

Features of judicial protection of the rights of missing persons and deceased citizens (military personnel) during a special military operation

© Korchemkin M.E., Captain of Justice lecturer at the Department of Military Law of the Military Training Center at the Russian State University of Justice

Abstract. The subject of this article is the problems related to the implementation of social guarantees for military personnel sent to civil organizations not for military positions.

Key words: military training center, missing person, judicial protection.

Права и свободы человека и гражданина — высшая ценность в соответствии с Конституцией Российской Федерации. В Российской Федерации как в любом правовом государстве каждому гражданину, в том числе и военнослужащему, гарантируется правовая и социальная защита. Одной из форм защиты прав и свобод является судебная защита. Данное положение помимо Конституции Российской Федерации закреплено и в ст. 21 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих».

Во время проведения специальной военной операции военнослужащим, постоянно или временно выполняющим задачи в вооруженных конфликтах, предоставляются дополнительные социальные гарантии и компенсации, установленные законода-

тельством Российской Федерации.

Нередки случаи неизвестного исчезновения военнослужащих, в связи с чем вопрос о защите прав и законных интересов семей таких военнослужащих, о защите имущественных интересов самих военнослужащих приобретает свою актуальность и значимость.

Для реализации указанных прав родственники вправе инициировать в судебном порядке процедуру по установлению правового статуса военнослужащего как пропавшего без вести или погибшего.

Дела о защите прав, свобод и охраняемых законом интересов военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации в соответствии с Федеральным конституционным законом «О военных судах Российской Федерации» подсудны военным

судам.

Порядок признания военнослужащих пропавшими без вести и погибшими определен Гражданским кодексом Российской Федерации. Однако положения Гражданского кодекса Российской Федерации на момент начала специальной военной операции не отвечали новым требованиям и условиям обстановки. В целях приведения законодательства в соответствие с новыми реалиями Федеральным законом от 14 апреля 2023 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» внесены изменения в гражданское законодательство в части, касающейся сокращения сроков для признания военнослужащего без вести пропавшим или погибшим. Стоит отметить, что рассматриваемый закон не имеет обратной стороны, а значит распространяется исключительно на правоотношения, возникшие с 24 февраля 2022 г.¹

Так, если в течение шести месяцев в месте жительства военнослужащего нет сведений о месте его пребывания, военнослужащий может быть по заявлению заинтересованных лиц признан военным судом безвестно отсутствующим.

В случаях, когда военнослужащий пропал без вести при обстоятельствах, угрожавших смертью или дающих основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая, и в течение шести месяцев с момента возникновения таких обстоятельств в месте жительства военнослужащего нет сведений о месте его пребывания, военнослужащий может быть по заявлению заинтересованных лиц объявлен умершим. Более того, если военнослужащий был признан судом безвестно отсутствующим и с момента вступления в законную силу решения суда о признании этого военнослужащего безвестно отсутствующим прошло три месяца, этот военнослужащий может быть по заявлению за-

интересованных лиц объявлен умершим.

Однако судебная практика отражает проблемы, возникающие при подаче соответствующих заявлений. Так, при обращении в суд родственники вправе представить кроме заявления, документы, подтверждающие факт безвестного исчезновения военнослужащего.

На практике нередки случаи, когда родственники не владеют сведениями и обстоятельствами безвестного исчезновения военнослужащего. В данном случае единственным источником информации для родственников является Министерство обороны в лице воинской части, где военнослужащий проходил военную службу.

В целях соблюдения прав и свобод военнослужащих, пропавших без вести, а также установления их состояния здоровья и местонахождения Министерством обороны Российской Федерации также принимаются действенные меры. Министерство обороны осуществляет сбор, обработку и учет сведений о пропавших без вести военнослужащих, осуществляет розыск указанных военнослужащих.

Так, в случае установления факта безвестного исчезновения военнослужащего, командир воинской части организует проведение разбирательства по установлению обстоятельств и места безвестного исчезновения военнослужащего. Также в ходе разбирательства устанавливаются особенности внешности военнослужащего (татуировки, родинки, шрамы и т.д.), опрашиваются очевидцы безвестного исчезновения военнослужащего. Материалы проведенного разбирательства направляются в вышестоящие органы военного управления, где составляется карточка военнослужащего, пропавшего без вести, а также ведется учет всех указанных военнослужащих для организации и проведения розыскных мероприятий.

Дополнительными мерами со стороны государства в условиях проведения специальной военной операции является упрощение процедуры признания военнослужащих и граждан пропавшими без вести и погибшими, безвестно отсутствующими и объявления умершими, выраженное в

¹ П. 2 ст. 2 Федерального закона от 14 апреля 2023 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

утверждении правил выдачи справок об обстоятельствах исчезновения гражданина или о его смерти.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 сентября 2023 г. № 1421 утверждены правила выдачи и формы справок:

- об обстоятельствах исчезновения гражданина;
- об обстоятельствах исчезновения или возможной гибели гражданина;
- о смерти гражданина.

При этом стоит отметить, что справка о смерти гражданина оформляется, если выдача медицинского свидетельства о смерти невозможна. В условиях проведения специальной военной операции подобные ситуации возникают, например, в случае отсутствия сведений о местонахож-

дении военнослужащего и одновременном наличии достоверных сведений о том, что место, где находился военнослужащий (боевая позиция, здание, транспортное средство) были подвергнуты огневому поражению со стороны противника.

Российской Федерацией, в том числе Министерством обороны Российской Федерации, принимаются действенные меры, направленные на защиту прав военнослужащих, принимающих участие в выполнении задач специальной военной операции и членов его семьи на получение социальных гарантий и компенсаций. Данная работа проводится на постоянной основе и является одним из элементов, обеспечивающих выполнение государством обязательств перед гражданином Российской Федерации.

Вопросы подсудности уголовных дел, дел об административных правонарушениях в отношении граждан, призванных на военную службу по мобилизации

© Кукушкин Михаил Валерьевич,
юрист

Аннотация. В статье дан анализ нормативных правовых актов в контексте возможности привлечения «мобилизованных» и «добровольцев» к различным видам юридической ответственности.

Ключевые слова: военные суды, юридическая ответственность, мобилизация.

Issues of jurisdiction of criminal cases, cases of administrative offenses in relation to citizens called up for military service upon mobilization

© Kukushkin M.V.,
lawyer

Abstract. The article provides an analysis of regulatory legal acts in the context of the possibility of bringing “mobilized” and “volunteers” to various types of legal liability.

Key words: military courts, legal responsibility, mobilization.

В соответствии со ст. 47 Конституции Российской Федерации никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 в России объявлена частичная мобилизация. Граждане Российской Федерации, призванные на военную службу по мобилизации, имеют статус военнослужащих, проходящих военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации по контракту (п. 2 Указа).

Правовое регулирование в области воинской обязанности и военной службы осуществляется Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», а в период мобилизации, в период военного положения и в военное время определяется федеральными конституционными законами, Федеральным законом от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Фе-

дерации», иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Требований о заключении контракта о прохождении военной службы с лицом, призванным на военную службу по мобилизации, законодательство Российской Федерации о мобилизации и данный Указ не содержат.

В соответствии с п. 1 ст. 28 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащий или гражданин, призванный на военные сборы, в зависимости от характера и тяжести совершенного им правонарушения привлекается к дисциплинарной, административной, материальной, гражданско-правовой и уголовной ответственности в соответствии с данным Федеральным законом и другими федеральными законами.

Таким образом, лица, призванные на военную службу по мобилизации, в силу приобретения ими статуса военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, относятся как к субъектам всех общеуголовных преступлений, так и к

субъектам преступлений, предусмотренных гл. 33 УК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 7 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» военным судам подсудны дела о всех преступлениях, совершенных военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы, дела о преступлениях, совершенных гражданами (иностранцами гражданами) в период прохождения ими военной службы, военных сборов, а также дела, отнесенные к компетенции военных судов УПК РФ.

УПК РФ гласит, что уголовные дела о всех преступлениях, совершенных военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы, за исключением уголовных дел, подсудных вышестоящим военным судам, подсудны гарнизонному военному суду в соответствии с его территориальной юрисдикцией (ч. 5 и 6 ст. 31).

Согласно требованиям п. 1 ч. 1 ст. 228 УПК РФ судья по каждому поступившему в суд уголовному делу должен выяснить, подсудно ли дело данному суду. В том случае, если прокурором при направлении дела в суд не соблюдены требования о подсудности (ст. 31—33 УПК РФ) и имеются предусмотренные ст. 34 УПК РФ основания для передачи его по подсудности в другой суд, судья выносит соответствующее постановление без проведения судебного заседания. Если суд, приступив к судебному разбирательству, в ходе судебного заседания установил, что уголовное дело подсудно вышестоящему суду или военному суду, то оно во всех случаях подлежит передаче по подсудности (ч. 3 ст. 34 УПК РФ).

Из приведенного следует, что уголовные дела о всех преступлениях, предусмотренных УК РФ, в отношении граждан, призванных на военную службу по мобилизации, подсудны гарнизонному военному суду, только при условии, если такой мобилизованный военнослужащий совершил преступление после его мобилизации, т.е. в период прохождения ими военной службы (в том числе в отпуске, командировке, при следовании к месту службы и пр.). При этом, поскольку преступное дея-

ние совершил мобилизованный военнослужащий, предварительное расследование производится следователями военных следственных отделов СК России, обвинительное заключение или обвинительный акт утверждается соответствующим военным прокурором.

В то же время следует обратить внимание, что лица, поступившие в добровольческие формирования, предусмотренные ст. 22.1 Федерального закона «Об обороне», военнослужащими не являются.

Согласно п. 10 ст. 22.1 Федерального закона «Об обороне» граждане России, пребывающие в добровольческих формированиях, имеют статус (совокупность прав, обязанностей и ответственности), устанавливаемый федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. На таких граждан в случаях и порядке, которые предусмотрены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, распространяется статус военнослужащих. Однако, контракт о пребывании в добровольческом формировании не тождественен контракту о прохождении военной службы.

Поскольку граждане, пребывающие в добровольческих формированиях, военнослужащими не являются, в случае совершения ими преступлений, в том числе против военной службы, в силу действующего законодательства Российской Федерации уголовные дела в отношении таких граждан военным судам не подсудны.

При этом военнослужащие, входящие в состав добровольческих формирований, в соответствии с п. 3 ст. 22.1 Федерального закона «Об обороне» сохраняют статус военнослужащих без ограничений и несут все виды юридической ответственности, предусмотренной для военнослужащих и соответственно уголовные дела, дела об административных правонарушениях в отношении них подсудны военным судам.

Вместе с тем, следует отметить, что 10 ноября 2023 г. в Государственную Думу Российской Федерации внесен законопроект «О внесении изменений в статью 31 УПК РФ и статью 7 Федерального конституционного закон от 23 июня 1999 г. № 1-

ФКЗ «О военных судах Российской Федерации», согласно которым военным судам будут подсудны дела о всех преступлениях, совершенных гражданами, пребывающими в добровольческих формированиях.

Таким образом в случае принятия данного законопроекта военным судам будут подсудны уголовные дела о всех преступлениях, совершенных военнослужащими, гражданами, пребывающими в добровольческих формированиях, и гражданами, проходящими военные сборы. В то же время следует обратить внимание, что это касается только подсудности уголовных дел. При этом возможно, в будущем, такая субъектовая подсудность будет установлена и при рассмотрении гражданских, административных дел, а также дел об административных правонарушениях, что представляется правильным.

За совершение административных правонарушений, предусмотренных в ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ, военнослужащие и призванные на военные сборы граждане несут административную ответственность на общих основаниях.

В соответствии с ч. 1 ст. 7 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации» военным судам подсудны дела об административных правонарушениях, совершенных военнослужащими, гражданами, проходящими военные сборы.

В силу абзаца первого ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ дела об административных правонарушениях, указанных в ч. 1—2 данной статьи и совершенные военнослужащими и гражданами, призванными на военные сборы, рассматриваются судьями гарнизонных военных судов.

Таким образом, если на момент совершения административного правонарушения, указанного в ч. 1—2 ст. 23.1 КоАП РФ, гражданин, призванный на военную службу по мобилизации, не имел статуса военнослужащего, дело о таком административном правонарушении подлежит рассмотрению мировым судьей, судьей районного суда либо судьей арбитражного суда в соответствии с подсудностью, за-

крепленной абзацами вторым—шестым ч. 3 названной статьи.

На практике часто возникает вопрос о подведомственности дел об административных правонарушениях, возбужденных в отношении граждан, пребывающих в добровольческих формированиях.

В КоАП РФ закреплено, что судьями гарнизонных военных судов рассматриваются только дела об административных правонарушениях, указанных в ч. 1—2 ст. 23.1 КоАП РФ, и совершенных военнослужащими и гражданами, призванными на военные сборы, в период прохождения военной службы.

Поскольку граждане, пребывающие в добровольческих формированиях, военнослужащими не являются, что имеет определяющее значение при определении подведомственности, дела об административных правонарушениях подлежат рассмотрению мировыми судьями, судьями районных судов либо судьями арбитражных судов в соответствии с подсудностью, закрепленной абзацами вторым—шестым ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ.

В заключение следует резюмировать, что соблюдение права мобилизованного гражданина, военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности, подведомственности которых оно отнесено законом, обеспечивается не только соответствующими нормативными закреплениями, но и правильным пониманием всеми вовлеченными в эту деятельность субъектами правовых предписаний, и в первую очередь — судьями.

Как справедливо сказано в Циркуляре морского технического комитета от 29 ноября 1910 г. № 15 «Никакая инструкция не может перечислить всех обязанностей должностного лица, предусмотреть все отдельные случаи и дать соответствующие указания, а поэтому господа инженеры должны проявить инициативу и, руководствуясь знаниями своей специальности и с пользой для дела, прилагать все усилия для оправдания своего назначения».

Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика

Истинность приговора (военно-судебная практика)

© Власов Сергей Юрьевич,
преподаватель Военного университета
© Харитонов Станислав Станиславович,
кандидат юридических наук, профессор

Аннотация. В статье на примерах решений военных судов рассмотрено значение приговора суда по уголовным делам как акта правосудия.

Ключевые слова: военнослужащий, приговор суда, военные суды.

The truth of the verdict (military judicial practice)

© Vlasov S.Yu.,
teacher at the Military University
© Kharitonov S.S.,
candidate of legal sciences, professor

Abstract. The article, using examples of decisions of military courts, examines the significance of a court verdict in criminal cases as an act of justice.

Key words: military man, court verdict, military courts.

Никакое преступление не может иметь законного основания.

Тит Ливий

Эффективность судебной власти оценивается по качеству итоговых решений, принимаемых судебными органами. Особое место среди них занимает приговор. В этом важнейшем акте правосудия находят отражение, с одной стороны, результаты упорного юридического, интеллектуального и психологического состязания сторон обвинения и защиты, а, с другой — уровень профессионализма, правосознания и совести суда. Законный, обоснованный и справедливый приговор по конкретному уголовному делу имеет силу закона. В этом заключается огромное социальное значение приговора, учитывая которое, многовековая юридическая практика выработала и закрепила правило о презумпции истинности приговора (судебного ре-

шения), вступившего в законную силу¹.

Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Данное конституционное положение указывает на необходимость строгого соблюдения предъявляемых к данному важнейшему процессуальному акту требований.

Что касается требований к обвинительному приговору, то УПК РФ предусматривает, что такое решение должно быть законным, обоснованным и справедливым (ч. 1 ст. 297 УПК РФ), не может основываться на предположениях и поста-

¹ Сычева О.Н. Презумпция истинности приговора в современном уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2008. С. 3.

новляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств (ч. 4 ст. 302 УПК РФ). В обеспечение этого ст. 307 УПК РФ в п. 2 прямо устанавливает, что описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать доказательства, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства. Данная норма служит одной из гарантий принятия правосудного решения по уголовному делу и не позволяет суду уклоняться от оценки исследованных в судебном заседании доказательств¹.

Указанные законодательные требования к обвинительному приговору исследовались и военными юристами².

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2023 г. № 3278-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сулейманова Тимура Хасановича на нарушение его конституционных прав положениями статей 72, 172, 173.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и пунктом 2 статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

² См., например: Власов С.Ю., Харитонов С.С. О некоторых аспектах практики применения уголовного наказания военными судами // Военное право. 2023. № 2 (78). С. 168—172; Заказнова А.Н., Моргуленко Е.А. Особенности детерминации насильственных преступлений против военной службы в условиях боевых действий // Евразийский юридический журнал. 2023. № 7 (182). С. 250—255; Зюбанов Ю.А., Харитонов С.С. Квалификация преступлений: ознакомление с практикой военных судов // Военное право. 2023. № 5 (81). С. 119—123; Любов Я.В., Харитонов С.С. Приговор: проблемы постановления (по материалам военно-судебной практики) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 12 (317). С. 58—63; Моргуленко Е.А. К вопросу об уголовной ответственности лиц, участвующих в специальной военной операции на добровольной основе // Военное право. 2023. № 3 (79). С. 195—198; Назаров А.А., Харитонов С.С. Некоторые вопросы применения военными судами требований уголовно-процессуального законодательства // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 7 (312). С. 83—89; Смирнов Д.В., Харитонов С.С. Дайджест применения военными судами уголовно-процессуального законодательства // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 215—220; Сотникова В.В., Рахимов О.А. Расследование уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц: вопро-

В то же время военные суды допускают ошибки в соблюдении требований к приговору, что не является чем-то необратимым. Ведь в любой области человеческой деятельности бывают просчеты. Конечно, промахи в приговорах не в лучшую сторону влияют на авторитет судебной власти, но важнее оперативно исправлять их.

Поэтому так важно поддержание профессионального уровня квалификации действующих судей, в том числе посредством изучения судебной практики.

В этой связи остановимся на нескольких решениях военных судов.

Нарушение права на защиту повлекло отмену приговора судом апелляционной инстанции.

По приговору Тверского гарнизонного военного суда Д. признан виновным в умышленном причинении легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья М., то есть в совершении преступления, предусмотренно ч. 1 ст. 115 УК РФ.

Рассмотрев уголовное дело в апелляционном порядке по жалобе осужденного, окружной военный суд указал, что обеспечение права обвиняемого на защиту, закрепленное в ст. 16 УПК РФ, является одним из принципов уголовного судопроизводства, распространяющимся на все стадии уголовного процесса. Согласно п. 8 ч. 4 ст. 47 УПК РФ обвиняемый, подсудимый, осужденный имеют право пользоваться помощью защитника.

В силу ч. 1, 2 ст. 50 УПК РФ указанные лица вправе пригласить защитника, либо по их просьбе участие защитника обеспечивается судом. При этом п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ предусматривает обязательное участие защитника в уголовном

сы и проблемы // Военное право. 2019. № 1 (53). С. 335—340; Харитонов В.С. О возможностях проявления вигилантизма в армии: нормативный и криминологический аспект // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 11 (316). С. 126—128; Шарапов С.Н. Военно-уголовное право в системе права: объективация дивергенции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 5 (298). С. 67—76, и др.

судопроизводстве, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ.

По смыслу ч. 1 ст. 52 УПК РФ отказ от защитника возможен только по инициативе подозреваемого, обвиняемого (а равно, подсудимого, осужденного) и заявляется в письменном виде.

Как следует из представленных материалов, уголовное дело в отношении Д. рассмотрено без участия защитника, отказ от услуг которого в письменном виде подсудимым не заявлялся.

Кроме того, суд не обеспечил условия, при которых Д. мог осуществлять свою защиту, поскольку из протокола судебного заседания следует, что защитник Д. фактически назначен не был и вопрос о рассмотрении уголовного дела в отсутствие защитника не обсуждался.

Допущенные нарушения уголовно-процессуального закона являются существенными, повлекли нарушение права на защиту и повлияли на исход дела, что в соответствии со ст. 389¹⁵ УПК РФ явилось основанием отмены судебного решения при рассмотрении дела в апелляционном порядке¹.

По смыслу ч. 1 ст. 237 УПК РФ возвращение уголовного дела прокурору в случае нарушения требований уголовно-процессуального закона при составлении обвинительного заключения может иметь место при подтверждении нарушений уголовно-процессуального закона, допущенных на досудебных стадиях, которые невозможно устранить в ходе судебного разбирательства.

Постановлением гарнизонного военного суда, оставленным без изменения по результатам рассмотрения дела в апелляционном порядке, уголовное дело в отношении Г., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 291¹ УК РФ и ч. 2 ст. 291¹ УК РФ, возвращено прокурору по основаниям,

предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ.

Согласно материалам дела, Г. обвинялся в попытке передачи П. взятки по поручению шестнадцати взяткодателей и в передаче взятки П. по поручению тринадцати взяткодателей каждый раз за заведомо незаконные действия, выразившиеся в выставлении каждому из взяткодателей положительных оценок по физической подготовке

Возвращая уголовное дело прокурору, суд в постановлении сослался на то, что вопреки обвинению, Г., выступая посредником во взятках, не имел при этом единого умысла, а действовал отдельно в интересах каждого из взяткодателей. При этом суд указал, что взяткополучатель П. вступившим в законную силу приговором гарнизонного военного суда признан виновным в получении тринадцати взяток через посредника Г. и осужден за совершение тринадцати преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 291¹ УК РФ.

По мнению суда, такого рода противоречие между предъявленным обвинением и фактическими обстоятельствами дела свидетельствует о том, что обвинительное заключение составлено с нарушением требований уголовно-процессуального закона, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения.

С таким выводом суд кассационной инстанции не согласился по следующим основаниям.

Статья 237 УПК РФ закрепляет порядок и основания возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом и при этом положения этой статьи предусматривают исчерпывающий перечень таких случаев. Одним из них в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ является случай, когда имеются основания полагать, что обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление составлены с нарушением требований УПК РФ, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения, акта или постановления.

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных 2-му Западнему окружному военному суду, по уголовным делам и материалам за второе полугодие 2022 года. URL: http://2zovs.msk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=75 (дата обращения 25.12.2023).

В соответствии с п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2009 г. № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» к нарушениям, позволяющим возратить уголовное дело прокурору, относятся случаи, когда обвинение, изложенное в обвинительном заключении, не соответствует обвинению, изложенному в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого; обвинительное заключение не подписано следователем либо не согласовано с руководителем следственного органа или не утверждено прокурором; в обвинительном заключении отсутствуют указание на прошлые неснятые и непогашенные судимости обвиняемого, данные о месте нахождения обвиняемого, данные о потерпевшем, если он был установлен по делу.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Определении от 27 февраля 2018 г. № 274-О, возвращение уголовного дела прокурору для устранения препятствий к его судебному рассмотрению может иметь место лишь в случае, если допущенное органами предварительного расследования процессуальное нарушение является таким препятствием для рассмотрения дела, которое суд не может устранить самостоятельно и которое исключает возможность постановления законного и обоснованного приговора.

В соответствии с п. 3, 4, 8 ч. 1 ст. 220 УПК РФ в обвинительном заключении излагается существо обвинения, место и время совершения преступления, его способы, мотивы, цели, последствия и другие обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела; доказательства, подтверждающие обвинение; данные о потерпевшем, характере и размере вреда, причиненного ему преступлением.

В обвинительном заключении по приведенному делу указаны существо предъявленного Г. обвинения, время, место, способ совершения им в каждом случае действий, связанных с передачей взяток П., мотивы и цели преступлений и другие об-

стоятельства, имеющие значения для данного уголовного дела, а также перечень доказательств, подтверждающих обвинение, доказательства стороны защиты.

Таким образом, обвинительное заключение составлено в соответствии с требованиями ст. 220 УПК РФ и предъявленное Г. обвинение позволяет суду принять по нему итоговое решение по делу. В том числе, при наличии к тому оснований, квалифицировать содеянное Г. как несколько менее тяжких преступлений.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе защитника, кассационный военный суд отменил обжалованные судебные акты и передал уголовное на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции.¹

В силу ч. 3 ст. 15 УПК РФ суд обязан создать сторонам необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав, в том числе на выступление в прениях сторон.

По приговору гарнизонного военного суда Ш. осужден по ч. 1 ст. 222¹ УК РФ.

В соответствии со ст. 294 УПК РФ, если участники прений сторон или подсудимый в последнем слове сообщат о новых обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, или заявят о необходимости предъявить суду новые доказательства, то суд вправе возобновить судебное следствие, по окончании которого суд вновь открывает прения сторон и предоставляет подсудимому последнее слово.

Как следовало из аудиопроотолирования и протокола судебного заседания, суд, возвратившись из совещательной комнаты, возобновив по собственной инициативе судебное следствие и исследовав дополнительное доказательство, в нарушение положений ст. 292 УПК РФ фактически не предоставил участникам процесса возможность выступить в прениях сторон.

¹ См.: Обзор судебной практики Кассационного военного суда по уголовным делам, делам об административных правонарушениях во втором полугодии 2022 года, утвержденный Президиумом Кассационного военного суда 4 апреля 2023 г. URL: https://vkas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=29 (дата обращения 26.12.2023).

Вместо этого председательствующий по делу ограничился вопросами о том, поддерживают ли государственный обвинитель и защитник сказанное ими в прениях до первого удаления суда в совещательную комнату, а подсудимый — свое нежелание выступать в прениях сторон, однако такой порядок прений сторон и их содержание не предусмотрены требованиями уголовно-процессуального закона.

С учетом исследованного дополнительного доказательства по делу, а также ранее имевшегося и оставленного без удовлетворения ходатайства защитника об отложении судебного заседания для подготовки к выступлению в прениях сторон, заявленного до первого удаления суда в совещательную комнату, суду следовало предоставить участникам процесса время для подготовки к повторному выступлению в прениях и выслушать таковые, чего сделано не было.

Апелляционным определением окружного военного суда приговор, в том числе и в связи с иными нарушениями закона, отменен, а уголовное дело передано на новое судебное разбирательство со стадии судебного разбирательства в тот же суд, но иным составом суда¹.

Суд первой инстанции в нарушение требований ч. 1 ст. 88 УПК РФ не оценил всю совокупность доказательств, представленных стороной обвинения и исследованных в ходе судебного разбирательства, что повлекло отмену обвинительного приговора.

По приговору гарнизонного военного суда от 14 марта 2022 г. С. осужден по ч. 1 ст. 159 УК РФ к штрафу в размере 100 000 руб.

С. признан виновным в том, что в августе 2019 г., желая незаконно получать ежемесячную надбавку к денежному довольствию в размере 70 процентов оклада по воинской должности, положенную лицу, сдавшему на высший квалификацион-

ный уровень физической подготовки (далее — надбавка), без фактического выполнения им установленных нормативов по физической подготовке, представил командованию ведомость результатов контрольной проверки физической подготовки от 23 мая 2019 г., содержащую недостоверные сведения о сдаче им физической подготовки на высший квалификационный уровень. В результате внесения указанных недостоверных сведений С. с 23 мая 2019 г. по 31 декабря 2020 г. незаконно получил денежные средства в виде надбавки, которыми распорядился по своему усмотрению.

Проверив материалы уголовного дела по апелляционной жалобе, окружной военный суд отменил приговор по следующим основаниям.

Согласно ст. 297 УПК РФ, приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. Приговор признается таковым, если он постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ и основан на правильном применении уголовного закона.

В силу ч. 4 ст. 302 УПК РФ обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана. Из этого следует, что обвинительный приговор должен быть постановлен на достоверных доказательствах, когда по делу исследованы все возникшие версии, а имеющиеся противоречия выяснены и устранены.

В соответствии с требованиями ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать не только описание преступного деяния, признанного судом доказанным, доказательства, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого, но и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства. При этом выводы обвинительного приговора относительно обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, должны быть бесспорны и однозначны.

Как следует из п. 3 ст. 389.16 УПК РФ, приговор признается не соответствующим

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по уголовным делам и материалам за 2022 г., утв. постановлением президиума Южного окружного военного суда 16.01.2023г. № 1. URL: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&rid=61 (дата обращения 24.12.2023).

фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции, если в приговоре не указано, по каким основаниям при наличии противоречивых доказательств, имеющих существенное значение для выводов суда, суд принял одни из этих доказательств и отверг другие.

В соответствии с п. 1 ст. 389¹⁵ УПК РФ несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции, является основанием для отмены судебного решения в апелляционном порядке.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре», в описательно-мотивировочной части приговора, исходя из положений п. 2 ст. 307 УПК РФ, надлежит дать оценку всем исследованным в судебном заседании доказательствам, как уличающим, так и оправдывающим подсудимого. При этом излагаются доказательства, на которых основаны выводы суда по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, и приводятся мотивы, по которым те или иные доказательства отвергнуты судом. В случае изменения показаний, данных участником уголовного судопроизводства при производстве дознания или предварительного следствия, суд обязан тщательно проверить те и другие его показания, выяснить причины изменения показаний и дать им оценку в совокупности с иными собранными по делу доказательствами.

Кроме того, согласно ч. 1 ст. 88 УПК РФ каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела.

Однако эти требования закона и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации судом не соблюдены, а изложенные в приговоре выводы противоречат фактическим обстоятельствам дела.

Суд в приговоре отверг, признав недостоверными, показания осужденного С. о том, что 23 мая 2019 г., в день заключения

контракта о прохождении военной службы, он был отправлен кем-то из своих начальников для сдачи физической подготовки, где в составе группы из не менее 10 человек, сдал нормативы по четырем упражнениям, в том числе, марш-бросок на 5 км в подменном обмундировании и с переданным ему автоматом, а на следующий день получил указанную выше ведомость, копию которой в тот же день отдал М.

Этот вывод суд сделал на основании показаний свидетелей о том, что начальники для сдачи нормативов физической подготовки его не направляли; военная форма на 23 мая 2019 г. ему не выдавалась, оружие за ним не закреплялось; в ведомости, переданной М., вместо марш-броска на 5 км, положенный к сдаче С. по должности, значится бег на 3 км; внештатные инспекторы по физической подготовке в части отсутствовали, прием физической подготовки 23 мая 2019 г. в воинской части не производился.

Согласно приговору и материалам уголовного дела в обоснование вывода о виновности не признавшего вину С., судом положены также копия ведомости результатов контрольной проверки физической подготовки от 23 мая 2019 г., из которой следует, что С. сдал нормативы физической подготовки на высший уровень; копия выписки из ведомости результатов итоговой проверки, ежеквартальных, контрольных проверок по физической подготовке военнослужащих управления и подразделений воинской части в 2019 г., в которой С. и другие военнослужащие, сдавшие 23 мая 2019 г. на уровни, не значатся, и копии расчетных листов на имя последнего о получении денежного довольствия в 2019 и 2020 гг., из которых следует, что С. получил надбавку в указанном обвинении размере.

Между тем показания свидетелей, изложенные в приговоре, противоречат другим их же показаниям, показаниям иных свидетелей, сведениям, содержащимся в документах уголовного дела, и оценка этим противоречиям в приговоре не дана. Не указаны в приговоре и мотивы, по которым суд из всех показаний свидетелей в

основу приговора взял лишь некоторые из них.

Так, в приговоре указано, что согласно показаниям свидетеля И. — начальника физической подготовки и спорта воинской части, С. физическую подготовку ему не сдавал и с таким вопросом лично к нему не обращался.

Однако суд не дал оценки показаниям этого же свидетеля в судебном заседании о том, что в показаниях на предварительном следствии он отрицал лишь индивидуальную сдачу С. физической подготовки, но не отрицал возможность ее сдачи подсудимым как военнослужащим только что поступившим на военную службу по контракту, в день поступления на нее — 23 мая 2019 г., в составе группы такой же категории военнослужащих, что имело место в его практике; а также его утверждение о том, что если ведомость им подписана, значит, военнослужащий сдавал нормативы физической подготовки и сомнения в сдаче С. физической подготовки, которые он мог сдать одному из его внештатных инструкторов, у него не имелось.

Согласно изложенным в приговоре показаниям свидетелей В., Р., Б., У. — внештатных инструкторов по физической подготовке, они не помнят, принимали ли физическую подготовку у осужденного. При этом 23 мая 2019 г. находился в командировке, Р и Б. — в отпуске, а У. назначен внештатным инструктором по физической подготовке с августа — сентября 2019 г.

Вместе с тем показания свидетеля У., данные в судебном заседании, что он мог привлекаться по указанию командования для приема физической подготовки и до назначения на указанную нештатную должность, судом не проанализированы.

Не дал суд оценку и показаниям свидетеля А. (внештатного помощника И.) о том, что И. осуществлял проверку ведомости от 23 мая 2019 г. на ее достоверность и вернул бы ее назад, если бы указанные в ней сведения были недостоверны.

В основу же приговора суд положил показания данного свидетеля о том, что в один из дней августа 2019 г. двое военнослужащих, проходящих военную службу

по контракту, кто конкретно он не вспомнил, обратились к нему с просьбой составить ведомость о сдачи ими физической подготовки на высший квалификационный уровень, сообщив об осведомленности об этом начальника физической подготовки И.

При этом суд исключил из объема обвинения утверждение о том, что одним из этих военнослужащих был С. как не нашедшее своего подтверждения.

Согласно показаниям свидетеля М. — военнослужащего, вносящего сведения в ПИРО «Алушта», изложенных в приговоре, в один из дней лета 2019 г. С. представил ему ведомость от 23 мая 2019 г., на основании которой он включил его в проект приказов об установлении ему надбавки.

Однако его же показания в судебном заседании о том, что С. мог подать вышеуказанную ведомость и в мае 2019 г., а приказ о назначении надбавки мог быть издан и через несколько месяцев после сдачи ему ведомости, суд не оценил.

Также в приговоре изложены данные на предварительном следствии показания свидетеля О. — командира батальона, согласно которым он подчиненного С. для сдачи физической подготовки не направлял, военнослужащие по прибытию к нему в батальон сдают нормативы входного контроля по физической подготовке.

При этом допрошенный окружным военным судом К. (командир роты) показал, что эти нормативы сдаются там же, а также с привлечением тех же внештатных инструкторов по физической подготовке воинской части. Кроме того, он пояснил, что в расположении всегда в свободном доступе имеется множество комплектов подменного обмундирования, а оружие на подчиненный личный состав могут получать в оружейной комнате командиры подразделений.

Указанные выше показания свидетеля О. судом не проанализированы, их оценка на предмет проверки показаний С. о возможности направления его начальниками в первый день службы для сдачи нормативов входного контроля по физической подготовке, но принятия специалистами по физической подготовке у С. в группе с дру-

гими такими же военнослужащими, только что поступившими на военную службу, нормативов, позволяющих получить надбавку в рамках контрольной проверки и выдачи ему об этом соответствующей ведомости, судом не произведена.

При этом данные противоречия имеют существенное значение для вывода суда о виновности обвиняемого.

Кроме того, оценивая исследованные в суде доказательства в совокупности путем их сопоставления, суд в приговоре сделал вывод о том, что находит их относимыми, допустимыми, достоверными и достаточными.

Этим суд признал достоверными все без исключения исследованные в суде доказательства — как те, которые по делу представила сторона обвинения, так и те, на которых сторона защиты обосновывала невиновность С. и недоказанность обвинения.

Почему при такой положительной оценке в приговоре противоречивых и взаимоисключающих доказательств, исследованных им по делу, суд пришел к выводу именно о виновности подсудимого, полага в основу приговора только доказательства, доказывающие вину С. и тем самым отклонил опровергающие их, обжалуемый акт аргументов не содержит.

Таким образом, вопреки требованиям Закона суд первой инстанции не в полной мере исследовал обстоятельства, имеющие существенное значение для разрешения уголовного дела. Он не проверил и не опроверг доводы в защиту подсудимого, не устранил выявленные противоречия. Ограничившись изложением в приговоре показаний осужденного, свидетелей, письменных документов, положенных в обоснование выводов о виновности С., суд первой инстанции должным образом не проанализировал их и не дал им оценку, уклонившись от анализа доказательств, расходящихся с обвинением.

Вышеприведенные нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона являются существенными, повлиявшими на постановление законного, обоснованного и справедливого приговора, а изложенные в приговоре выводы суда не основаны

на фактических обстоятельствах дела, установленных в судебном заседании.

В связи с этим окружной военный суд приговор отменил и передал уголовное дело на новое судебное разбирательство со стадии судебного разбирательства в тот же суд.¹

В заключении отметим, что, наверное, не вызывает сомнений мнение как среди юристов, так и рядовых граждан о том, что работа судьи (и военного судьи, конечно) является одной из наиболее сложных и важных для общества юридических специальностей, вершиной профессиональной юридической деятельности.

Поэтому судье для успешного разрешения дела так необходимо, в том числе, и знание судебной практики в целях обеспечения единства правоприменения.

Библиография

1. Власов, С.Ю. О некоторых аспектах практики применения уголовного наказания военными судами / С.Ю. Власов, С.С. Харитонов // *Военное право*. — 2023. — № 2 (78). — С. 168—172.
2. Заказнова, А.Н. Особенности детерминации насильственных преступлений против военной службы в условиях боевых действий / А.Н. Заказнова, Е.А. Моргуленко // *Евразийский юридический журнал*. — 2023. — № 7 (182). — С. 250—255.
3. Зюбанов, Ю.А. Квалификация преступлений: ознакомление с практикой военных судов / Ю.А. Зюбанов, С.С. Харитонов // *Военное право*. — 2023. — № 5 (81). — С. 119—123.
4. Лобов, Я.В. Приговор: проблемы постановления (по материалам военно-судебной практики) / Я.В. Лобов, С.С. Харитонов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2023. — № 12 (317). — С. 58—63.
5. Моргуленко, Е.А. К вопросу об уголовной ответственности лиц, участвующих в специальной военной операции на добровольной основе / Е.А. Моргуленко // *Военное право*. — 2023. — № 3 (79). — С. 195—198.
6. Назаров, А.А. Некоторые вопросы применения военными судами требований уголовно-процессуального законодательства / С.С. Харитонов, А.А. Назаров, С.С. Харитонов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2023. — № 7 (312). — С. 83—89.
7. Смирнов, Д. В. Дайджест применения военными судами уголовно-процессуального законо-

¹ См.: Обзор апелляционной практики 2-го Восточного окружного военного суда по уголовным делам за первое полугодие 2022 г. URL: http://2vovs.cht.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=402 (дата обращения 26.12.2023).

дательства / Д. В. Смирнов, С. С. Харитонов // Военное право. — 2022. — № 6 (76). — С. 215—220.

8. Сотникова, В.В. Расследование уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц: вопросы и проблемы / В.В. Сотникова, О.А. Рахимов // Военное право. — 2019. — № 1 (53). — С. 335—340.

9. Сычева, О.Н. Презумпция истинности приговора в современном уголовном процессе : автореф. дис. канд. юрид. наук / О.Н. Сычева. — Нижний Новгород, 2008. — 31 с.

10. Харитонов, В.С. О возможностях проявления вигилантизма в армии: нормативный и криминологический аспект / В.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 11 (316). — С. 126—128.

11. Шарапов, С.Н. Военно-уголовное право в системе права: объективация дивергенции / С.Н. Шарапов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 5 (298). — С. 67—76.

Уголовное наказание по материалам военно-судебной практики: проблемы правоприменения

© Зюбанов Юрий Алексеевич,

кандидат юридических наук, доцент, профессор
Военного университета

© Харитонов Станислав Станиславович,

кандидат юридических наук, профессор

Аннотация. В статье рассмотрено ряд правоприменительных ситуаций, связанных с применением уголовно-правовых норм о назначении наказания в контексте мотивированности, законности и справедливости назначения наказания.

Ключевые слова: судебная практика военных судов, назначение наказания, уголовная ответственность военнослужащих.

Criminal punishment according to military judicial practice: enforcement problems

© Zyubanov Yu.A.,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Professor of the Military University

© Kharitonov S.S.,

Candidate of Legal Sciences, Professor

Abstract. The article examines a number of law enforcement situations related to the application of criminal law rules on sentencing in the context of the motivation, legality and fairness of sentencing

Key words: judicial practice of military courts, sentencing, criminal liability of military personnel

Тех, кто предъявляет ложные обвинения, следует карать так же, как и тех, кто совершает преступления

Фукидид

Общеизвестно, что к целям наказания относится, в том числе, обеспечение безопасности общества, его защита, принуждение к соблюдению принятых в нем правил поведения, а также кара (возмездие) и устрашение (предупреждение)

В ч. 1 ст. 6 УК РФ определено, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Реакция общества на преступление изменчива и зависит от существующих со-

циальных ценностей. На основе социальных ценностей формируются социальные нормы, разновидностью которых являются правовые. Указанное приводит к изменению формы и содержания уголовного наказания. Данная действительность проявляется и в назначении уголовных наказаний военнослужащим, о чем размышляли военные юристы¹.

¹ См., например: Раков А.В. Применение военными судами уголовных наказаний в отношении военнослужащих : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; Власов С.Ю., Харитонов С.С. О некоторых аспектах практики применения уголовного наказания военными судами // Военное право. 2023. № 2 (78). С. 168—172; Заказнова А.Н., Моргуленко Е.А. Особенности детерминации

Вместе с тем не углубляясь в обсуждение круга и содержания мер, относимых к числу уголовно-правовых, рассмотрим некоторые ошибки, допущенные военными судьями при назначении уголовного наказания. Анализ судебных решений позволяет выработать правильное и единообразное применение норм уголовного закона, регламентирующих правила и порядок назначения наказания.

1. *При назначении наказания по статьям уголовного закона, предусматривающим возможность применения дополнительных наказаний по усмотрению суда, в приговоре следует указать основания их применения с приведением соответствующих мотивов.*

По приговору гарнизонного военного суда В., П., К., С. и Л. осуждены за ряд преступлений, в том числе по ч. 4 ст. 160 УК РФ к наказанию в виде лишения свободы с назначением дополнительного наказания, предусмотренного данной нормой, в виде штрафа.

Кассационный военный суд исключил

насилованных преступлений против военной службы в условиях боевых действий // Евразийский юридический журнал. 2023. № 7 (182). С. 250—255; Мозговой О.А. Использование опыта деятельности военного следователя в условиях вооруженного конфликта для оптимизации военно-уголовного законодательства и в учебном процессе // Военное право. 2018. № 3 (49). С. 177—183; Назаров А.А., Харитонов С.С. Обоснованность назначения военными судами уголовного наказания: материалы судебной практики // Военное право. 2023. № 4 (80). С. 193—198; Лобов Я.В., Шарапов С.Н. Исполнение наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части (научно-практический комментарий к главе 20 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2011. № 3 (165). С. 108—116; Моргуленко Е.А., Харитонов С.С. Стоящие на повестке дня проблемы военно-судебной практики назначения уголовного наказания // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 9 (302). С. 43—49; Смирнов Д.В., Сотникова В.В. Об особенностях уголовно-правовой квалификации преступлений, предусмотренных статьей 2832 УК РФ // Военное право. 2023. № 3 (79). С. 199—208; Харитонов В.С. О возможностях проявления вигилантизма в армии: нормативный и криминологический аспект // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 11 (316). С. 126—128, и др.

из приговора назначение осужденным дополнительного наказания в виде штрафа за данное преступление, поскольку суд вопреки разъяснению Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенному в п. 59 Постановления от 22 декабря 2015 г. № 58, не привел в приговоре мотивы, по которым посчитал необходимым применить это дополнительное наказание, которое не предусмотрено санкцией ч. 4 ст. 160 УК РФ в качестве обязательного¹.

2. *При назначении судом наказания в виде лишения права занимать определенные должности в приговоре необходимо указывать определенный конкретными признаками круг должностей на государственной службе или в органах местного самоуправления, на который распространяется запрещение.*

По приговору гарнизонного военного суда Г. осужден за совершение двух преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159 УК РФ, к наказанию в виде штрафа и на основании ч. 3 ст. 47 УК РФ за каждое — к дополнительному наказанию в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с осуществлением контрольных функций, а по совокупности преступлений — к дополнительному наказанию в виде лишения права занимать должности, связанные с осуществлением контрольных функций.

Изменяя приговор и апелляционное определение, кассационный военный суд указал следующее.

Суд первой инстанции назначил Г. дополнительное наказание на основании ч. 3 ст. 47 УК РФ, согласно которой лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может быть назначено в качестве дополнительного вида наказания и в случаях, когда оно не предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве наказания за соответствующее

¹ См.: Обзор судебной практики кассационного военного суда по уголовным делам, делам об административных правонарушениях во втором полугодии 2022 года, утвержденный Президиумом кассационного военного суда 4 апреля 2023 г. URL: https://vkas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&iid=29 (дата обращения 28.12.2023).

преступление, если с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления и личности виновного суд признает невозможным сохранение за ним права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

В силу ч. 1 ст. 47 УК РФ лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью состоит в запрещении занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления либо заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью.

Исходя из разъяснений, содержащихся в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58, лишение права занимать определенные должности состоит в запрещении занимать должности только на государственной службе или в органах местного самоуправления. При этом в приговоре необходимо указывать определенный конкретными признаками круг должностей, на который распространяется запрещение (например, должности, связанные с осуществлением функций представителя власти, организационно-распорядительных и (или) административно-хозяйственных полномочий). Лишение права заниматься определенной деятельностью может выражаться в запрещении заниматься как профессиональной, так и иной деятельностью. В приговоре следует конкретизировать вид такой деятельности (педагогическая, врачебная, управление транспортом и т.д.).

Как следует из описательно-мотивировочной части приговора, суд, приведя мотивы применения положений ч. 3 ст. 47 УК РФ, признал невозможным сохранение за Г. права занимать определенные должности, одновременно указав на назначение осужденному иного дополнительного наказания в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с осуществлением контрольных функций.

При этом в приговоре суд не указал ни полномочия, связанные с этим должностями, ни то, где эти должности запрещено занимать осужденному.

Кроме того, по своему содержанию

приведенные в описательной части приговора выводы относительно назначения дополнительного наказания противоречат выводам об этом в резолютивной части приговора и тем самым вид дополнительного наказания судом окончательно не установлен, в то время, как одновременное назначение наказания в виде лишения права занимать должности и лишения права заниматься определенной деятельностью недопустимо¹

3. В соответствии с п. 4 ст. 307 УПК РФ в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора должны быть приведены мотивы решения всех вопросов, относящихся к назначению уголовного наказания.

По приговору гарнизонного военного суда П. осужден к лишению свободы: по ч. 3 ст. 160 УК РФ на срок 10 месяцев; по п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ на срок 9 месяцев; по п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ на срок 11 месяцев; по п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ на срок 1 год, а также по ч. 1 ст. 158 УК РФ к штрафу в размере 20 000 руб.

Окончательное наказание по совокупности преступлений П. в соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ определено путем полного сложения наказаний в виде лишения свободы на срок 3 года 6 месяцев с отбыванием в исправительной колонии общего режима и штрафом в размере 20 000 руб.

Изменяя приговор, суд кассационной инстанции указал следующее.

Как видно из приговора, при наличии совокупности смягчающих наказание обстоятельств, таких, как явка с повинной и способствование органам предварительного следствия в раскрытии и расследовании преступлений, при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств суд назначил осужденному наказание по совокупности преступлений путем полного сложения назначенных наказаний.

При этом в нарушение п. 4 ст. 307

¹ См.: Обзор судебной практики кассационного военного суда по уголовным делам, делам об административных правонарушениях во втором полугодии 2022 года, утвержденный Президиумом кассационного военного суда 4 апреля 2023 г. URL: https://vkas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&iid=29 (дата обращения 23.12.2023).

УПК РФ, предусматривающего обязательное приведение в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора мотивов решения всех вопросов, относящихся к назначению уголовного наказания, суд не мотивировал необходимость достижения целей наказания применением наиболее строгого из предусмотренных ч. 3 ст. 69 УК РФ способа их сложения, при условии, что данная норма предполагает при определении окончательного наказания по совокупности преступлений возможность частичного сложения наказаний.

На основании изложенного кассационный военный суд определил П. размер основного наказания по совокупности преступлений в виде лишения свободы путем частичного сложения на срок 2 года 6 месяцев¹.

4. Несправедливым является приговор, по которому было назначено наказание, не соответствующее тяжести преступления, личности осужденного.

Гарнизонным военным судом Б., В., А. осуждены, каждый за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, к наказанию в виде лишения свободы на срок 3 года условно, с испытательным сроком 2 года.

Как указано в приговоре, А. и В., действуя совместно и согласованно, предложили Ар. передать им 2 000 000 руб. в качестве вознаграждения за его трудоустройство следователем.

Так как Ар. усомнился в наличии у них реальной возможности в его трудоустройстве следователем, В. привлек к реализации задуманного сотрудника ФСБ России Б.

А. и В., встретившись с Ар., сообщили ему, что его поступлением на военную службу будет лично заниматься сотрудник ФСБ России Б., который в силу занимаемой должности может способствовать его

трудоустройству.

В последующем А., В. и Б. встретились с Ар., где Б., продемонстрировав удостоверение сотрудника ФСБ России, заверил Ар. о наличии у него возможности трудоустройства последнего в военный следственный отдел и необходимости передачи А. и В. денежных средств в размере 2 000 000 руб.

Будучи обманутым и введенным в заблуждение А., В. и Б. относительно истинного положения дел, Ар. в тот же день передал А. денежные средства в размере 2 000 000 рублей в качестве вознаграждения за его трудоустройство следователем.

Рассмотрев уголовное дело в апелляционном порядке по представлению государственного обвинителя, окружной военный суд указал, что органами предварительного следствия содеянное Б. квалифицировано по признаку «совершение мошенничества лицом с использованием своего служебного положения», однако суд необоснованно исключил из обвинения Б. данный квалифицирующий признак, поскольку последний, являясь сотрудником ФСБ России, полностью соответствовал признакам должностного лица и обладал возможностью, исходя из своего должностного положения, ввести Ар. в заблуждение относительно наличия у него реальной возможности оказать содействие в назначении на должность следователя.

Кроме того, всем осужденным необоснованно применена ст. 73 УК РФ, то есть условное осуждение, поскольку судом в должной мере не дана оценка степени общественной опасности совершенного преступления, которое отнесено законом к категории тяжких, а также обстоятельствам его совершения, поскольку мошенничество совершено группой лиц по предварительному сговору, с использованием сотрудником ФСБ России своего служебного положения, в особо крупном размере.

Так как по делу имеется соответствующее представление заместителя городского военного прокурора, суд апелляционной инстанции изменил приговор в отношении всех осужденных, квалифицировал содеянное Б. по признаку «совершение мошенничества лицом с использова-

¹ См.: Обзор судебной практики кассационного военного суда по уголовным делам, делам об административных правонарушениях во втором полугодии 2022 года, утвержденный Президиумом кассационного военного суда 4 апреля 2023 г. URL: https://vkas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=29 (дата обращения 24.12.2023).

нием своего служебного положения» и усилил назначенное ему наказание, а также исключил указание о применении в отношении всех осужденных ст. 73 УК РФ¹.

5. Признание в качестве обстоятельств, смягчающих наказание, иных данных, не принятых во внимание при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции, повлекло снижение назначенного наказания.

По приговору гарнизонного военного суда С. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228¹ УК РФ, к лишению свободы на срок 4 года с отбыванием его в исправительной колонии общего режима.

Рассмотрев дело по апелляционной жалобе защитника, окружной военный суд указал, что при назначении наказания суд первой инстанции в качестве обстоятельства, его смягчающего, признал лишь раскаяние С. в содеянном.

Между тем, как следует из материалов дела, при назначении наказания С. суд первой инстанции не принял во внимание то, что он ранее не судим, к уголовной ответственности привлекается впервые, активно способствовал раскрытию и расследованию преступления, ходатайствовал о применении особого порядка судебного разбирательства, положительно характеризовался по месту жительства.

С учетом изложенного, окружной военный суд посчитал необходимым признать вышеизложенные обстоятельства в их совокупности исключительными, применить к осужденному ст. 64 УК РФ и снизить назначенное ему наказание².

Изложенные выше примеры показывают, что при рассмотрении дел и постановлении приговоров военным судам

надлежит уделять особое внимание соответствию назначаемого наказания характеру и степени общественной опасности преступления, личности подсудимых, а также квалификации действий виновных лиц.

Библиография

1. Власов, С.Ю. О некоторых аспектах практики применения уголовного наказания военными судами / С.Ю. Власов, С.С. Харитонов // Военное право. — 2023. — № 2 (78). — С. 168—172.
2. Заказнова, А.Н. Особенности детерминации насильственных преступлений против военной службы в условиях боевых действий / А.Н. Заказнова, Е.А. Моргуленко // Евразийский юридический журнал. — 2023. — № 7 (182). — С. 250—255.
3. Мозговой, О.А. Использование опыта деятельности военного следователя в условиях вооруженного конфликта для оптимизации военно-уголовного законодательства и в учебном процессе / О.А. Мозговой // Военное право. — 2018. — № 3 (49). — С. 177—183.
4. Лобов, Я.В. Исполнение наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части (научно-практический комментарий к главе 20 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) / Я.В. Лобов, С.Н. Шарапов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2011. — № 3 (165). — С. 108—116.
5. Моргуленко, Е.А. Стоящие на повестке дня проблемы военно-судебной практики назначения уголовного наказания / Е.А. Моргуленко, С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 9 (302). — С. 43—49.
6. Назаров, А.А. Обоснованность назначения военными судами уголовного наказания: материалы судебной практики / А.А. Назаров, С.С. Харитонов // Военное право. — 2023. — № 4 (80). — С. 193—198.
7. Раков, А.В. Применение военными судами уголовных наказаний в отношении военнослужащих : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Раков Андрей Владимирович. — Москва, 2004. — 26 с.
8. Смирнов, Д.В. Об особенностях уголовно-правовой квалификации преступлений, предусмотренных статьей 283² УК РФ / Д.В. Смирнов, В.В. Сотникова // Военное право. — 2023. — № 3 (79). — С. 199—208.
9. Харитонов, В.С. О возможностях проявления вигилантизма в армии: нормативный и криминологический аспект / В.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 11 (316). — С. 126—128.

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных 2-му Западному окружному военному суду, по уголовным делам и материалам за второе полугодие 2022 года. URL: http://2zovs.msk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=75 (дата обращения 25.12.2023).

² См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных 2-му Западному окружному военному суду, по уголовным делам и материалам за второе полугодие 2022 года. URL: http://2zovs.msk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=75 (дата обращения 05.12.2023).

Проблема конкуренции процессуальных форм при применении к военнослужащим антикоррупционных инструментов противодействия незаконному обогащению

© Киселев Никита Павлович,
юрист

Аннотация. В статье рассматривается проблема конкуренции процессуальных форм в деятельности по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений в рамках противодействия коррупции. На основании сравнения процедур конфискации и обращения имущества в доход государства констатируется, что произвольный выбор процессуальной формы способен существенно нарушить право военнослужащего на защиту. С учетом того, что незаконное обогащение в ряде случаев может являться следствием совершения преступления коррупционной направленности, автором предлагается применять процедуру обращения имущества в доход государства только при условии установленного отсутствия оснований для применения конфискации.

Ключевые слова: противодействие коррупции; военная служба; конфискации; обращение имущества в доход государства; конкуренция процессуальных форм.

The problem of procedural forms' collision while applying the anti-corruption measures of illicit enrichment counteraction to military personnel

© Kiselev N.P.,
lawyer

Annotation. The article deals with the problem of procedural forms' collision while minimizing and (or) liquidating the consequences of corruptional acts. Basing on the comparison of confiscation and turning the property into state's income procedures it is stated that the arbitrary choice of a procedural form can seriously affect the person's right for defense. As an illicit enrichment in some cases can be the result of commitment a corruptional crime, the author suggests using the turning the property into state's income procedure only in case the fact of commitment a corruptional crime is refuted. Otherwise there should be used confiscation procedure.

Key words: corruption counteraction; military service; confiscation; turning property into state's income; collision of procedural forms; human rights.

Конкуренция процессуальных форм, по мнению ряда исследователей¹, является хоть и допустимым, но крайне нежелательным явлением правовой действитель-

ности. Существо обслуживаемых процессуальной формой материальных правоотношений предопределяет её специфику, которая в ряде случаев может существенным образом отличаться, противопоставляя одну процессуальную форму другой. Именно так может быть охарактеризовано соотношение гражданской и уголовной процессуальных форм, которые обслуживают абсолютно разные, едва ли не противоположные по множеству характеристик материальные правоотношения. Указанные обстоятельства могли бы дать основа-

¹ См. например: Шварц М.З. Школа мастеров. Конкуренция процессуальных форм: лекция // Платформа «Legal Academy». URL: <https://legalacademy.ru/course/324032> (дата обращения: 01.10.2023); Лещина Э.Л. Конкуренция процессуальных форм рассмотрения судами служебных дисциплинарных споров // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 1 (134). С. 49-59.

ние предполагать, что конкуренция уголовной и гражданской процессуальных форм не только недопустима, но и невообразима. Тем не менее, случаи такой конкуренции, санкционированные правоприменителем, известны практике¹, что может оцениваться по-разному: представляется, что возможность применения нескольких процессуальных форм к одному и тому же материальному правоотношению существенным образом нарушает принцип правовой определенности, поскольку равносильно существованию нескольких правовых норм, связывающих различные правила поведения с единым фактическим составом (несколько диспозиций для одной гипотезы) в отраслях публичного права, регулируемых преимущественно императивным методом. В тех случаях, когда допущение дополнительной процессуальной формы увеличивает гарантии наименее защищенных участников правоотношений, облегчает их доступ к правосудию, описанная проблема представляется в большей мере теоретической, однако она значительно обостряется, когда речь идет об ограничении прав субъектов правоотношений. Именно такая проблема существует в сфере антикоррупционного законодательства, которое можно рассматривать как комплексную отрасль законодательства, объединяющую правовые нормы различной отраслевой принадлежности, применяемые в рамках противодействия коррупции в Российской Федерации. В результате развития антикоррупционного законодательства в системе права России возникают новые правовые институты, применение которых способно создавать коллизию процессуальных форм.

Речь, в частности, идет об институте обращения имущества в доход Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности,

и иных лиц их доходам» (далее — Закон о расходах), который может быть отнесен к числу мер по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений² в виде незаконного обогащения, применяемый в том числе к военнослужащим. Данный институт предполагает право государства в судебном порядке изъять имущество у отдельных категорий военнослужащих, а также их супругов и несовершеннолетних детей в случае, если их расходы по нормативно определенным категориям сделок за отчетный период превысили их доходы за отчетный период и три предшествующих ему года, при условии, что законность источников приобретения средств для совершения указанных сделок военнослужащим не обоснована.

Обращение имущества в доход государства предполагает последовательное осуществление как административного (предварительная процедура контроля за расходами как обязательное условие обращения имущества в доход государства), так и судебного производства, причем последнее, согласно ст. 17 Закона о контроле за расходами, осуществляется в порядке гражданского судопроизводства по заявлению прокурора.

Исходя из этого, прокурор в рамках общеискового производства выступает в качестве истца, а служащий и в ряде случаев члены его семьи привлекаются к производству в качестве ответчиков. Такое производство хоть и связано с нарушением служащим норм антикоррупционного законодательства, но рассматривается не как производство по делу о публичном правонарушении, а исключительно как имущественное требование государства к частному лицу, являющемуся военнослужащим, и членам его семьи. В связи с этим действие презумпции невиновности на данную категорию споров не распространяется, а стандартное бремя доказывания,

¹ О проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.11.2017 № 28-П.

² См., например: Голоманчук Э.В., Туров Г.С., Астафурова О.А. Правовая природа и понятие института обращения имущества в собственность государства при несоответствии расходов законным доходам // Право и государство: теория и практика. 2022. № 2 (206). С. 184.

присущее гражданскому судопроизводству, не перераспределяется. В связи с этим в силу действия принципа состязательности в гражданском судопроизводстве каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом (ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ)). Таким образом, на прокурора в делах соответствующей категории возлагается доказывание принадлежности спорного имущества кому-либо из ответчиков, приобретения его в отчетном периоде, действительной стоимости имущества, факта превышения стоимости этого имущества по отношению к совокупному доходу ответчиков за три последних года, предшествовавших отчетному периоду, а также соблюдение при осуществлении контроля за расходами процедуры, установленной Законом о контроле за расходами¹. При этом на ответчика возлагается бремя доказывания законности источника происхождения средств, позволивших приобрести спорное имущество².

Обобщая элементы процедуры обращения имущества в доход государства в порядке гражданского судопроизводства, можно говорить о том, что незаконность источника получения средств для приобретения спорного имущества презюмируется, и военнослужащий, а равно члены его семьи вынуждены данную презумпцию опровергать, активно участвуя в доказывании по гражданскому делу. Истцу (прокурору) в таком случае достаточно лишь доказать принадлежность спорного имущества ответчику и подтвердить выполнение

¹ Обзор судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30.06.2017).

² Жилияков К.Ю. Обращение имущества должностных лиц в доход государства в результате контроля за их расходами: актуальные проблемы правоприменения // Законность. 2022. № 8 (1054). С. 3.

условий, с которыми Закон о контроле за расходами связывает возможность обращения имущества в доход государства, причем основные доказательства этого прокурор получает вместе с материалами, поступающими к нему по результатам контроля за расходами.

Наравне с институтом обращения имущества в доход государства в систему мер по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений можно включить уголовно-правовой институт конфискации, урегулированный гл. 15.1 УК РФ. Данный институт является общим уголовно-правовым институтом, который может быть использован в сфере противодействия коррупции. Он предусматривает возможность изъятия в доход Российской Федерации имущества, использованного для совершения преступления либо полученного в его результате: в частности, конфискации могут быть подвергнуты деньги, ценности, иное имущество, полученные в результате совершения ряда преступлений, в числе которых коррупционные (ст. 285, 285.3, 290 УК РФ и др.), а равно деньги, ценности и имущество, в которые имущество, полученное в результате совершения таких преступлений, было превращено или преобразовано (п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ). Во всех случаях имущество может быть изъято также у лиц, которым оно было передано, при условии, что они были осведомлены о преступном происхождении принятого имущества. В случае невозможности изъять у лица имущество, приобретенное в результате совершения преступления, по причине его отчуждения или утраты, конфискован может быть его денежный эквивалент.

В соответствии с ч. 1 ст. 104.1 УК РФ конфискация осуществляется на основании приговора суда по уголовному делу. Таким образом, на лицо, привлеченное к уголовной ответственности, чье имущество подлежит конфискации, распространяется действие презумпции невиновности, которая перераспределяет бремя доказывания,

возлагая его на сторону обвинения¹. За указанным лицом также признается право не свидетельствовать против себя и своих близких родственников, круг которых определен законом (ст. 51 Конституции Российской Федерации), а также иные права в соответствии с процессуальным статусом такого лица (подозреваемый, обвиняемый), обеспечивающие его право на защиту, не исключая права представлять доказательства и иным образом участвовать в уголовном судопроизводстве. Если конфискации подлежит имущество иных лиц, не привлекаемых к уголовной ответственности, то в силу презумпции невиновности, которая носит универсальный характер в рамках уголовного судопроизводства, на них также не может возлагаться бремя доказывания, однако право возражать против доводов стороны обвинения, доказывая обстоятельства, исключающие возможность конфискации принадлежащего им имущества, должно сохраняться.

Таким образом, участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения при производстве предварительного расследования уголовного дела и поддержании государственного обвинения в соответствии с п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ обязаны доказать обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества (применительно к коррупционным составам преступлений). Иными словами, сторона обвинения обязана установить имущество, приобретенное в результате совершения преступления, доказать связь указанного имущества с совершенным преступлением, его принадлежность лицу, привлеченному к уголовной ответственности, а также стоимость

указанного имущества (для определения части имущества, подлежащего конфискации, в случае смешения незаконно приобретенного с законным приобретенным имуществом либо в случае преобразования такого имущества). Если конфискации подлежит имущество лиц, не привлекаемых к уголовной ответственности, то в предмет доказывания также входит факт осведомленности указанных лиц о получении соответствующего имущества в результате преступных действий. При этом лица, чье имущество подлежит конфискации, бремени доказывания не несут.

Сопоставляя рассмотренные институты, можно заключить, что оба они выполняют правосстановительную функцию, устраняя преимущества противоправного поведения для виновного в нарушении антикоррупционных норм лица, а также возмещая причиненный такими правонарушениями вред охраняемым законом интересам общества и государства. При этом основанием применения конфискации является совершение коррупционного преступления, в результате которого лицо неправомерно приобрело имущество (то есть незаконно обогатилось), а в качестве основания обращения имущества в доход государства практика рассматривает само по себе незаконное обогащение, то есть ситуацию, при которой расходы государственного (муниципального) служащего и членов его семьи за отчетный период превысили их доходы за три предшествующих года, а законность источников средств для совершения спорных сделок ими не подтверждена. Если предположить, что вышеуказанные основания применения соответствующих институтов определены верно, то получим, что в ряде случаев незаконное обогащение, которое является основанием обращения имущества в доход государства, сформировалось в результате совершения преступления, что также является основанием для конфискации спорного имущества. Иными словами, основания применения конфискации и обращения имущества в доход государства пересекаются, создавая ситуацию конкуренции процессуальных форм, когда, к примеру, в случае совершения коррупционного преступления

¹ Белова Т.В. Защита права частной собственности при обращении в доход государства имущества, приобретенного в нарушение антикоррупционного законодательства // Охрана и защита прав и законных интересов в современном мире: сборник статей по результатам международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Т. 1. Под ред. Е.В. Евсиковой, И.В. Хмиль. Симферополь, 2022. С. 452.

незаконно приобретенное имущество изымается посредством обращения имущества в доход государства, хотя имелись все основания для применения конфискации¹. Исходя из этого, в ряде случаев существует возможность обратиться имущество служащего в доход государства в порядке гражданского судопроизводства, не проводя проверку наличия в его действиях признаков коррупционного преступления. Такая неопределенность делает возможным произвольный выбор процессуальной формы, в то время как объем гарантий в рамках рассмотренных процедур существенно отличается.

В связи с этим возникает необходимость в разграничении оснований применения обоих рассмотренных институтов, поскольку они, составляя систему мер по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений в виде неосновательного обогащения, должны дополнять друг друга, не допуская дублирования. Иначе существование двух институтов в указанной системе является избыточным и нецелесообразным².

К примеру, избежать совпадения оснований применения рассматриваемых процедур можно, сделав такие основания одноуровневыми. В рассмотренной выше гипотезе основанием применения одного института (конфискации) являлось правонарушение, в результате которого наступило незаконное обогащение, а основанием применения другого института (обращения имущества в доход государства) — незаконное обогащение как последствие некоего правонарушения. Таким образом, необходимо перейти от «состояния» незаконного обогащения как основания обращения имущества в доход государства к деяниям,

которые повлекли наступление незаконного обогащения. В таком случае основанием конфискации останется совершение преступления, повлекшее незаконное обогащение, а основанием обращения имущества в доход государства — совершение иного правонарушения, повлекшего незаконное обогащение.

Однако основным контраргументом к такому подходу состоит в том, что предназначение института обращения имущества в доход государства заключается в обеспечении возможности по изъятию имущества, составляющего незаконное обогащение, у служащего или его близких родственников без необходимости доказывания факта совершения им коррупционного правонарушения³. Именно эта особенность отличает данный институт от других мер по противодействию коррупции. В таком случае переход от «состояния» незаконного обогащения к деянию (по существу, правонарушению), связанному с незаконным обогащением, в основании обращения имущества в доход государства лишает рассматриваемый институт его преимуществ, снижает его эффективность.

Примирить указанные противоречия способно введение в модель применения института обращения имущества в доход государства ряда политико-правовых допущений — юридических презумпций и фикций. Ввиду особого публично-правового статуса военнослужащего, связанного с обеспечением обороноспособности и безопасности государства, а также надлежащего функционирования военных организаций, реализующих указанные функции, закономерно представляется вывод о том, что любые признаки обогащения, источник которого такой военнослужащий не может обосновать, связаны со злоупотреблениями коррупционной направленности при исполнении обязанно-

¹ См. например: Решение Кировского районного суда г. Уфы от 22.09.2017 по делу №2-6647/2017; Решение Никулинского районного суда г. Москвы от 01 декабря 2017 года по делу №2-6770/17; Решение Приморского районного суда от 15.02.2018 по делу №2-282/2018 // СПС «Консультант Плюс» (база решений судов общей юрисдикции).

² Бараненков В.В. Системный подход в военно-правовых исследованиях: сущность и содержание // Вестник военного права. 2018. № 4. С. 15—25.

³ Бараненкова И.В. О некоторых проблемах ответственности военнослужащих за нарушение норм Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» от 3 декабря 2012 года № 230-ФЗ // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2014. №8 (206). С. 20-24.

стей военной службы: о любом законном источнике доходов военнослужащий имеет возможность свободно сообщить в рамках установленных процедур (сначала в соответствующей справке о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, а после — в рамках процедуры контроля за расходами), тем самым обосновав законность источников происхождения такого имущества. Если же военнослужащий не сообщает об источниках его происхождения, то разумно предполагать, что имущество было приобретено незаконным путем, а поскольку свою основную законную деятельность военнослужащий осуществляет путем прохождения военной службы, то закономерным будет также и предположение о том, что спорное имущество приобретено им в результате незаконных действий, связанных с исполнением соответствующих обязанностей, то есть нарушением законодательства о военной службе в части антикоррупционных ограничений и запретов.

Существование описанной презумпции подтверждается также позицией Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в постановлении от 29 ноября 2016 г. №26-П¹, согласно которой факт приобретения в отчетном периоде имущества, превышающего по общей стоимости доходы военнослужащего и членов его семьи за отчетный период и два предшествующих года, «рассматривается федеральным законодателем в качестве признака коррупционных проявлений в деятельности этого лица». При этом обращение имущества в доход государства заключается в «безвозмездном изъятии такого имущества у собственника по решению суда в связи с предполагаемым и не опро-

¹ По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона "О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам" в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 № 26-П // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01.12.2016. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

вергнутым совершением государственным (муниципальным) служащим неправомерного деяния коррупционной направленности». Таким образом, Конституционным Судом Российской Федерации применение института обращения имущества в доход государства связывается не с самим «состоянием» незаконного обогащения, а с предполагаемым (пока не доказано иное) совершением военнослужащим коррупционного правонарушения.

С политико-правовой точки зрения для целей противодействия коррупции представляется также допустимым ввести фикцию того, что приобретение имущества в результате коррупционных правонарушений представляет собой обогащение за счет государства, которое здесь выступает в качестве потерпевшего от неосновательного обогащения. И хотя фактически источник незаконного обогащения может быть отличным от средств бюджетной системы Российской Федерации, но любое обогащение публичного должностного лица, обязанного за установленное государством вознаграждение исполнять возложенные на него должностные обязанности и при этом допустившего злоупотребление, наносит ущерб интересам государства, в том числе в имущественной сфере, в связи с чем такое политико-правовое допущение в данном случае представляется оправданным².

Таким образом, основанием применения института обращения имущества в доход государства должно являться повлекшее незаконное обогащение нарушение военнослужащим антикоррупционных норм законодательства о военной службе, которое презюмируется при установлении факта необоснованного обогащения такого военнослужащего. При этом предъявление иска об обращении имущества в доход государства основывается на фикции о том, что любое презюмируемое на основе незаконного обогащения нарушение анти-

² См., например: Яготинцева Т.Ю. Гражданско-правовая ответственность за коррупционные правонарушения должностных лиц государственных органов // Власть закона. 2023. № 3 (55). С. 384—385.

коррупционных норм законодательства о военной службе есть неосновательное обогащение военнослужащего за счет Российской Федерации, что обуславливает кондикционную природу предъявляемого к нему требования.

Описанная презумпция, безусловно, является опровержимой. При ежегодном предоставлении справок о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, в рамках процедуры контроля за расходами и при рассмотрении иска об обращении их имущества в доход Российской Федерации военнослужащие заинтересованы в опровержении указанной презумпции и имеют возможность это делать, обосновывая законность источников происхождения средств, использованных для приобретения спорного имущества. В то же время остается нерешенной проблема разграничения правонарушений, в результате которых было получено незаконное обогащение, поскольку незаконное обогащение в результате совершения преступления должно влечь применение процедуры конфискации, а не обращения имущества в доход государства.

Очевидно, военнослужащий и члены его семьи, несмотря на дополнительные гарантии уголовно-процессуального законодательства, не заинтересованы в опровержении исходной презумпции о незаконном обогащении в результате нарушения антикоррупционных норм законодательства о военной службе путем доказывания факта совершения военнослужащим преступления коррупционной направленности, в результате которого получено незаконное обогащение. При этом порядок изъятия имущества в рамках процедуры обращения имущества в доход Российской Федерации требует от государства меньших процессуальных затрат¹ по сравнению с применением института конфискации, что также не стимулирует государство опровергать исходную презумпцию. В то же время преступление коррупционной направленности представляет значительно бóльшую степень общественной опасности по сравнению с нарушением антикорруп-

ционных ограничений и запретов, установленных законодательством о государственной службе. Выявление, пресечение, раскрытие и расследование преступлений составляет обязанность государства. Именно оно должно быть заинтересовано в выявлении более общественно опасных деяний, чем презюмируемые. В связи с этим бремя опровержения презумпции незаконного обогащения в результате нарушения антикоррупционных ограничений и запретов, установленных законодательством о государственной службе, путем выявления более общественно опасного правонарушения должно возлагаться на государство в лице его уполномоченных органов.

Исходным юридическим фактом для начала действия системы минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений в виде незаконного обогащения выступает выявление обогащения военнослужащего и членов его семьи, которое в установленном Законом о контроле за расходами порядке не обосновано. В отношении такого обогащения презюмируется, что оно получено в результате нарушения военнослужащим антикоррупционных ограничений и запретов, предусмотренных законодательством о государственной службе, что рассматривается в качестве фикции неосновательного обогащения военнослужащего за счет государства. В ходе проведения процедуры контроля за расходами военнослужащий и члены его семьи имеют возможность опровергнуть вышеуказанную презумпцию, обосновав законность происхождения доходов, использованных для приобретения спорного имущества. Государство на данном этапе должно предпринять меры к опровержению описанной презумпции с точки зрения возможного наличия в действиях военнослужащего состава преступления коррупционной направленности.

Представляется, что такое бремя опровержения может реализовываться органом, выявившим незаконное обогащение и осуществлявшим процедуру контроля за расходами, или прокуратурой, куда материалы о незаконном обогащении направляются в соответствии с ч. 3 ст. 16 Закона

¹ Белова Т.В. Указ. соч. С. 453.

о контроле за расходами, путем передачи соответствующих сведений в органы предварительного расследования для проведения проверки в соответствии со ст. 144, 145 УПК РФ. При этом проводить процессуальную проверку в порядке уголовного судопроизводства целесообразно во всех случаях выявления необоснованного обогащения, когда отсутствуют данные, однозначно указывающие на иной источник приобретения спорного имущества, не связанный с совершением преступления, тем более что возможность направления материалов в органы предварительного расследования прямо предусмотрена ч. 4 ст. 16 вышеуказанного закона.

С точки зрения разграничения рассматриваемых смежных институтов представляется допустимым предъявлять иск об обращении имущества в доход государства только после того, как отсутствие в действиях военнослужащего признаков преступления подтверждено соответствующим процессуальным решением. В ряде случаев это может быть постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, когда достаточных данных, свидетельствующих о наличии в действиях военнослужащего признаков преступления, не установлено. Если же признаки преступления установлены и в отношении военнослужащего возбуждено уголовное дело, то вплоть до принятия итогового процессуального решения по уголовному делу иск об обращении имущества в доход государства в рассматриваемой модели предъявляться не должен, поскольку вышеописанная презумпция находится в стадии опровержения. Имущество в таком случае должно изыматься в доход государства посредством института конфискации. Возможна также ситуация, при которой доказан факт совершения военнослужащим преступления в меньшем размере, чем установленный размер необоснованного обогащения. В таком случае в части, не изъятой у военнослужащего в рамках уголовного судопроизводства путем конфискации, представляется возможным предъявление иска об обращении имущества военнослужащего в доход государства. Аналогичная возможность может иметь место

в случае вынесения в отношении военнослужащего оправдательного приговора, который, исходя из соотношения рассматриваемых институтов, не препятствует дальнейшему обращению спорного имущества в доход Российской Федерации. При этом во всех случаях предъявления иска об обращении имущества в доход государства опровержение презумпции со стороны военнослужащего продолжается представлением любых доказательств вплоть до вынесения итогового решения по гражданскому делу.

Таким образом, предложенная модель системы мер по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений в виде незаконного обогащения позволяет реагировать на любые случаи незаконного обогащения военнослужащего, а также обеспечивает обусловленный объективными причинами выбор процедуры, в соответствии с которой решается вопрос об изъятии незаконного обогащения в пользу государства. Использование выработанных критериев определения применимой процедуры должно позволить исключить конкуренцию процессуальных форм и тем самым избежать нарушения прав лица, в отношении которого такая процедура применяется, поскольку процессуальные гарантии, предусмотренные в рамках реализации институтов конфискации и обращения имущества в доход Российской Федерации, в значительной степени отличаются.

Библиография

1. Бараненков, В.В. Системный подход в военно-правовых исследованиях: сущность и содержание / В.В. Бараненков // Вестник военного права. — 2018. — № 4. — С. 15—25.
2. Бараненкова, И.В. О некоторых проблемах ответственности военнослужащих за нарушение норм Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» от 3 декабря 2012 года № 230-ФЗ / И.В. Бараненкова, О.И. Миронов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2014. — № 8 (206). — С. 20—24.
3. Белова, Т.В. Защита права частной собственности при обращении в доход государства имущества, приобретенного в нарушение антикоррупционного законодательства / Т.В. Белова // Охрана и защита прав и законных

интересов в современном мире: сборник статей по результатам международной научно-практической конференции в 2-х томах. — Симферополь, 2022. — Т. 1. — С. 447—458.

4. Голоманчук, Э.В. Правовая природа и понятие института обращения имущества в собственность государства при несоответствии расходов законным доходам / Э.В. Голоманчук, Г.С. Туров, О.А. Астафурова // Право и государство: теория и практика. — 2022. — № 2 (206). — С. 183—185.

5. Жилияков, К.Ю. Обращение имущества должностных лиц в доход государства в результате контроля за их расходами: актуальные проблемы

правоприменения / К.Ю. Жилияков // Законность. — 2022. — № 8 (1054). — С. 3—6.

6. Лещина, Э.Л. Конкуренция процессуальных форм рассмотрения судами служебных дисциплинарных споров / Э.Л. Лещина // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 1 (134). — С. 49—59.

7. Яготинцева, Т.Ю. Гражданско-правовая ответственность за коррупционные правонарушения должностных лиц государственных органов / Т.Ю. Яготинцева // Власть закона. — 2023. — № 3 (55). — С. 384—385.

Военные проблемы международного права

Геополитические интересы России в Азиатско-Тихоокеанском регионе

© **Вотченко Ирина Артуровна,**

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры кадрового, правового и психологического обеспечения Академии Государственной противопожарной службы МЧС России

© **Петухова Марина Вениаминовна,**

кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и экономической теории Академии Государственной противопожарной службы МЧС России

Аннотация. В настоящее время все большую актуальность приобретают вопросы, связанные с развитием и соблюдением геополитических интересов Российской Федерации в Азиатско-Тихоокеанском регионе, которые включают в себя различный перечень направлений деятельности, к которым относятся вопросы социально-экономического развития, экологической и военной безопасности, военно-стратегического развития нашего государства и др. В настоящей статье мы рассмотрим вопросы, связанные с организацией военной безопасности и военно-стратегического развития России в указанном регионе.

Ключевые слова: военная безопасность, оборона, геополитические интересы, Азиатско-Тихоокеанский регион, АТР.

Russia's Geopolitical interests in the Asia-Pacific region

© **Votchenko I.A.,**

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Personnel, Legal and Psychological Support, Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

© **Petukhova M.V.,**

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Economic Theory of the Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

Abstract: currently, issues related to the development and observance of the geopolitical interests of the Russian Federation in the Asia-Pacific region are becoming increasingly relevant, which include a different list of activities, which include issues of socio-economic development, environmental and military security, military-strategic development of our state, etc. In this article, we will consider issues related to the organization of military security and military-strategic development of Russia in this region.

Keywords: military security, defense, geopolitical interests, Asia-Pacific region, Asia-Pacific region.

Согласно положениям п. 8 Военной доктрины Российской Федерации¹, военная безопасность Российской Федерации представляет собой состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризующееся отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять.

Военная доктрина аккумулирует в себе политико-правовые взгляды на обеспечение военной безопасности государства. Как юридический документ военная доктрина является нормативной и организационно-распорядительной основой для строительства вооруженных сил, их планового технического оснащения и осуществления комплекса иных мероприятий в области обеспечения военной безопасности².

Сложившаяся геополитическая обстановка в мире все более и более повышает востребованность в усилении уровня национальной и военной безопасности, а также военно-стратегического развития Российской Федерации, в том числе в зоне Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

Указанная тема, а также ее отдельные аспекты, широко освещены российскими учеными, что свидетельствует об ее актуальности³.

¹ Утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

² Полянский И.А., Трофимов Е.В. Военная доктрина России и ее роль в обеспечении военной безопасности и строительстве вооруженных сил // *Право и политика*. 2006. № 1.

³ См. напр.: Корякин В.М. Современные проблемы и перспективы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // *Военное право*. 2022. № 2 (72). С. 30—34; Кудашкин А.В. Право вооруженных конфликтов — ядро военного права: проблемы и актуальность современных исследований // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. 2021. № 12 (293). С. 86—91; Харитонов С.С. О правовом регулировании новых подходов в военном строительстве с учетом международной обстановки // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. 2021. № 12 (293). С. 113—116; Александрова Н.Г., Кириченко Н.С. Некоторые

АТР включает в себя государства и территории, которые располагаются по границам Тихого океана. Входящие в него государства условно можно разделить на четыре субрегиона: тихоокеанский, азиатский, североамериканский и южноамериканский. К ним по различным данным относятся 58 государств и территорий, в том числе Российскую Федерацию, Китай, КНДР, Южную Корею, Японию, Канаду, Австралию, государства Северной и Южной Америки и др.

Россия — неотъемлемая часть азиатско-тихоокеанского пространства, здесь находится две трети территории нашей страны. Успешное участие в интеграционных процессах в АТР нацелено, прежде всего, на решение задач ускоренного социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока. В этих регионах сосредоточены большие запасы природных ресурсов, мощный промышленный, технологический и научный потенциал, творческие и интеллектуальные силы. Убежден, что реализация этих конкурентных преимуществ позволит создать в Сибири и на Дальнем Востоке передовую энергетический, промышленный и аграрный комплекс. Россия активно продвигает инициативы по формированию в АТР новой архитектуры безопасности и экономического сотрудничества, участвует в выработке содержательной повестки форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество», диалогового партнерства Россия — АСЕАН и Восточноазиатских саммитов⁴.

Содействие построению в АТР новой модели безопасности, основанной на коллективных внеблоковых началах, является

вопросы правового регулирования передачи между федеральными органами исполнительной власти вооружения, военной и специальной техники // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. 2022. № 8 (301). С. 19—22.

⁴ Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (правовое и экономическое исследование): монография / Н.М. Бевеликова, Н.Г. Доронина, О.О. Журавлева и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2014.

одной из основных задач Российской Федерации по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов, закрепленных в Военной доктрине Российской Федерации.

Особое внимание обеспечению безопасности нашего государства в АТР также уделено и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, согласно которой, на фоне развития потенциала глобальной системы противоракетной обороны Соединенные Штаты Америки (США) проводят последовательный курс на отказ от международных обязательств в области контроля над вооружениями. Планируемое размещение американских ракет средней и меньшей дальности в Европе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе формирует угрозу стратегической стабильности и международной безопасности (п. 36). Кроме этого, достижение целей внешней политики Российской Федерации осуществляется путем решения задач, к которым относятся развитие отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия с Китайской Народной Республикой, особо привилегированного стратегического партнерства с Республикой Индией, в том числе в целях создания в Азиатско-Тихоокеанском регионе надежных механизмов обеспечения региональной стабильности и безопасности на внеблоковой основе; поддержка развития региональной и субрегиональной интеграции в рамках многосторонних международных институтов, диалоговых площадок, региональных объединений, в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Латинской Америке и Африке (подп. 7, 9 п. 101).

Важно отметить, что Указом Президента Российской Федерации от 31 июля 2022 г. № 512 утверждена Морская доктрина Российской Федерации, являющаяся документом стратегического планирования, в котором отражена совокупность официальных взглядов на национальную морскую политику Российской Федерации и морскую деятельность Российской Федерации.

Согласно положениям Морской док-

трины, Тихоокеанское региональное направление имеет стратегически важное значение для социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Важными составляющими национальной морской политики на Тихоокеанском региональном направлении являются снижение уровня угроз национальной безопасности Российской Федерации и обеспечение стратегической стабильности на этом направлении, развитие добрососедских отношений и взаимовыгодного сотрудничества в сфере морской деятельности с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, региональной организацией Ассоциация государств Юго-Восточной Азии и использование площадки форума «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество». С учетом этого приоритетами национальной морской политики на Тихоокеанском региональном направлении, в том числе, являются:

- развитие сил (войск) и системы базирования Тихоокеанского флота, сил и средств органов федеральной службы безопасности, сил и средств Росгвардии, наращивание их количественно-качественных параметров;

- создание условий для военноморского присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе, позволяющего осуществлять контроль за безопасностью функционирования морских транспортных коммуникаций в этом регионе;

- формирование в государствах Азиатско-Тихоокеанского региона пунктов материально-технического обеспечения в целях создания условий для межфлотских переходов сил Военно-Морского Флота;

- проведение комплексных научных исследований, включающих в себя мониторинг состояния подводных потенциально опасных объектов, в том числе осуществление контроля за радиационной обстановкой в местах захоронения радиоактивных отходов и состоянием подводных трубопроводов, а также мониторинг состояния и загрязнения морской среды дальневосточных морей в условиях активного антропогенного воздействия, изучение и прогнозирование опасных гидрометеоро-

логических, гидрофизических и сейсмологических явлений в целях обеспечения безопасности населения приморских районов и функционирования подводных трубопроводов, адекватного реагирования и своевременного предотвращения возможных негативных последствий их воздействия.

Интеграционные процессы в Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе оказывают заметное воздействие на Северо-Восточную Азию. Проблема стратегической безопасности заслуживает особого внимания. Хотя существуют и другие проблемы долговременного характера — борьба против терроризма, ликвидация эпидемий и техногенных катастроф, сдерживание распространения ядерного оружия и т.д. Очень важно добиться того, чтобы была преодолена ситуация «замкнутости» или изоляции КНДР. Надо вовлечь эту страну в различные формы торговли, партнерства, сотрудничества, диалога. Чрезмерно идеологизированные подходы к «проблеме КНДР» не дают должного эффекта. Надо подходить к Северной Корее как к равноправному партнеру, а не «стране-изгою». В конечном счете любые формы диалога и сотрудничества будут выгодны всем странам-участницам, а не только КНДР¹.

На открытии конференции 26 мая 2005 г. с вступительным словом к участникам международного форума обратился президент Российской ассоциации политической науки, директор Центра политических и международных исследований, профессор МГИМО А.И. Никитин. В последнее время внимание России, США, КНР, Японии, а также ряда других государств к Корейскому полуострову заметно возросло, сказал он. В немалой степени это связано с нарастанием напряженности в регионе, обусловленным испытанием новых ракетных систем Северной Кореей, а также сообщением Пхеньяна, что он стал обладателем ядерного оружия. Таким образом, оказался под угрозой Договор о не-

распространении ядерного оружия и возникли условия нарушения сложившегося баланса сил в регионе и серьезного обострения напряженности. Взаимные выпады и обвинения, которыми обменялись США и КНДР, еще больше усложнили ситуацию².

Более десяти лет назад доктор юридических наук, профессор В.С. Белых в своей работе писал, что одна из внешних угроз национальной и экономической безопасности Российской Федерации проявляется в реализации США имперской политики с целью противодействовать укреплению России как одного из центров влияния в многополярном мире, ослабить ее позиции в Европе, на Ближнем Востоке, в Закавказье, Центральной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе³.

Такие выводы, на наш взгляд, актуальны и сейчас, так как с начала XX в. США применяли свои войска свыше 40 раз на территориях других государств⁴, в таких как Вьетнам (1955—1975 гг.), Гренада (1983 г.), Панама (1989—1990 гг.), Ирак (1991 г., 2003—2011 гг.), Югославия (1999 г.), Афганистан (2001—2021 гг.), Ливия (2011 г.), Сирия (с 2014 г.) и др. И в настоящее время США продолжает разжигать конфликты для собственного обогащения, в том числе в зоне АТР.

В качестве еще одного проблемного вопроса в АТР считаем необходимым отметить отсутствие согласований между Российской Федерацией и Японией в отношении Курильских островов. Проблема возникает из-за притязаний Японии в отношении островов в связи с ее нежеланием признавать итоги Второй мировой войны.

В заключении необходимо отметить, что сложившаяся обстановка в АТР характеризуется как сложная и указанное обстоятельство требует от Российской Федера-

² Там же.

³ Белых В.С. Россия в условиях глобализации и военного противоборства // Военно-юридический журнал. 2010. № 11. С. 20—28.

⁴ Агрессивная демократия: самые крупные войны, развязанные США. <https://news-rambler.ru.turbopages.org/news.rambler.ru/s/world/48698918-agressivnaya-demokratiya-samyie-krupnyie-voynurazvyazannye-ssha/> (дата обращения 02.11.2023).

¹ Серегин Н.С. Проблемы безопасности и сотрудничества в Северо-Восточной Азии // Право и политика. 2005. № 12.

ции принятия соответствующих мер по усилению своей защиты в указанном регионе.

Библиография

1. Александрова, Н.Г. Некоторые вопросы правового регулирования передачи между федеральными органами исполнительной власти вооружения, военной и специальной техники / Н.Г. Александрова, Н.С. Кириченко // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 8 (301). — С. 19—22.

2. Белых, В.С. Россия в условиях глобализации и военного противоборства / В.С. Белых // *Военно-юридический журнал*. — 2010. — № 11. — С. 20—28.

3. Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (правовое и экономическое исследование) : монография / Н.М. Бевеликова, Н.Г. Доронина, О.О. Журавлева и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой. — М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2014. — 333 с.

4. Корякин, В.М. Современные проблемы и перспективы обеспечения национальной

безопасности Российской Федерации / В.М. Корякин // *Военное право*. — 2022. — № 2 (72). — С. 30—34.

5. Кудашкин, А.В. Право вооруженных конфликтов — ядро военного права: проблемы и актуальность современных исследований / А.В. Кудашкин // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 12 (293). — С. 86—91.

6. Полянский, И.А. Военная доктрина России и ее роль в обеспечении военной безопасности и строительстве вооруженных сил / И.А. Полянский, Е.В. Трофимов // *Право и политика*. — 2006. — № 1. — С. 65—73.

7. Серегин, Н.С. Проблемы безопасности и сотрудничества в Северо-Восточной Азии / Н.С. Серегин // *Право и политика*. — 2005. — № 12. — С. 72—83.

8. Харитонов, С.С. О правовом регулировании новых подходов в военном строительстве с учетом международной обстановки / С.С. Харитонов // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 12 (293). — С. 113—116.

Международно-правовой статус российских военных полицейских как участников военных конфликтов

© Минтягов Станислав Андреевич,
Всероссийский государственный университет
юстиции (РПА Минюста России)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности международно-правового статуса военнослужащих военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации при условии их участия в военных и вооруженных конфликтах. Исследуются международно-правовые акты, национальное законодательство в данной области, а также практика применения подразделений военной полиции в военных конфликтах. В заключении автором высказана собственная позиция по данному вопросу и сделан вывод о том, что международно-правовой статус военнослужащих военной полиции будет напрямую зависеть от конкретно выполняемой задачи или функции, связанной с непосредственным или косвенным участием в вооруженном конфликте. Вместе с тем, нормы международного права, а также национального законодательства нуждаются в конкретизации.

Ключевые слова: военная полиция, правовой статус, военный конфликт, боевые действия, международное гуманитарное право, комбатант, некомбатант, законная военная цель.

The international legal status of Russian military police officers as participants in military conflicts

© Mintyagov S.A.,
lawyer in the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia).

Abstract. The article examines the features of the international legal status of military personnel of the military police of the Armed Forces of the Russian Federation, provided they participate in military and armed conflicts. The article examines international legal acts, national legislation in this area, as well as the practice of using military police units in military conflicts.

In conclusion, the author expresses his own position on this issue and concludes that the international legal status of military police personnel will directly depend on the specific task or function associated with direct or indirect participation in an armed conflict. At the same time, the norms of international law, as well as national legislation, need to be specified.

Keywords: military police, legal status, military conflict, military operations, international humanitarian law, combatant, non-combatant, legitimate military target.

Изучая деятельность военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации в условиях военных конфликтов, актуальным видится вопрос о том, будут ли являться военнослужащие военной полиции комбатантами в случае военного конфликта.

Для определения международно-правового статуса военных полицейских необходимо более тщательно изучить конкретные задачи и функции, выполняемые ею в военное время, а также организационно-штатные особенности построения

военной полиции.

Проводимые автором статьи научные исследования вопросов деятельности военной полиции, в том числе в военное время¹, позволили сделать вывод о том,

¹ См. подробнее: Минтягов С.А. Деятельность военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации в военное время: правовой аспект // Военное право. 2022. № 1 (72). С. 34—41; Минтягов С.А. Применение военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации в специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 12 (305). С. 94—101; Минтягов С.А. Некоторые правовые аспекты

что данный орган правопорядка сочетает в себе выполнение задач и функций как военный правоохранительный орган, так и общевойсковой, с задачами, присущими многим подразделениям разных войск. Кроме этого, некоторые из перечисленных в ст. 20 Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации (далее — Устав военной полиции) функций носят двойственный характер и могут относиться как к правоохранительным, так и общевойсковым, например, обеспечение безопасности дорожного движения или дорожно-комендантская служба

Итак, рассмотрим правовой статус военнослужащих военной полиции при выполнении правоохранительных задач в зоне боевых действий.

В Гаагской конвенции 1907 г. с приложением «Положение о законах и обычаях сухопутной войны» и Женевских конвенциях о защите жертв войны от 12 августа 1949 г. нет прямой ссылки на правовой статус правоохранительных органов, в том числе военных органов правопорядка, выполняющих задачи на одной из сторон, вовлечённой в вооружённый конфликт. Однако, обращает на себя внимание п. 3 ст. 43 Дополнительного протокола (Протокол I), в соответствии с которым сторона, находящаяся в конфликте, включает в свои вооруженные силы полувоенную организацию или вооруженную организацию, обеспечивающую охрану порядка, она уведомляет об этом другие стороны, находящиеся в конфликте.

Таким образом, участие военной полиции в выполнении задачи правоохраны, в составе вооруженных сил при ведении последними боевых действий будет являться правомерным.

Вместе тем, по мнению Ш.М. Алиева, в случае невыполнения данного условия личный состав сил правопорядка, соответственно, будет относиться к гражданским

правоприменения в деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации в специальной военной операции // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 143—152; Минтягов С.А. Правоохранительная деятельность военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации : монография. М.: ИНФРА-М, 2023.

лицам¹.

Такая позиция, на наш взгляд, более применима к подразделениям полиции МВД России нежели к военной полиции Вооруженных Сил. Однако, если исходить из положения что военная полиция — это правоохранительный орган, который наряду с другими органами правопорядка в первую очередь выполняет задачи по защите жизни и здоровья военнослужащих и других граждан, то необходимо упомянуть ещё один международный правовой акт, касающийся правового положения правоохранительных органов. В соответствии с Декларацией о полиции от 8 мая 1979 г. полицейский должен продолжать выполнять свои задачи по защите граждан и собственности во время войны и вражеской оккупации в интересах гражданского населения².

Международное законодательство, а также научная литература делят всех участников вооруженного конфликта на комбатантов и некомбатантов (ст. 3 Гаагского положения о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. и ст. 4 III Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1949 г.).

Позже Дополнительный протокол (Протокол I) от 1977 г. (п. 2 ст. 43) раскрыл содержание понятия «комбатант», под которым понимаются лица, входящие в состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте (кроме медицинского и духовного персонала, о котором говорится в ст. 33 Третьей Конвенции). Данные лица являются комбатантами, т.е. имеющие право непосредственно принимать участие в военных действиях.

Большинство авторов научных и иных работ к числу некомбатантов относят лиц,

¹ Алиев Ш.М. К вопросу об определении правового статуса участников вооруженных конфликтов // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2014. № 6. С. 96.

² Декларация о полиции: Резолюция № 690 (1979) Парламентской ассамблеи Совета Европы (Принята в г. Страсбурге 8 мая 1979 г. на 31-ой сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы) // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М.: СПАРК, 1998. С. 77—81.

входящих в вооруженные силы и оказывающих помощь этим вооруженным силам, но при этом не принимающих непосредственного участия в боевых действиях (медицинский и интендантский персонал, журналисты, духовенство, военные юристы), но в случае же непосредственного участия в боевых действиях они ничем не отличаются от прочих комбатантов¹.

Таким образом, исходя из положений международного права, а также научной позиции многих учёных, некомбатанты не могут быть непосредственным объектом вооружённого нападения противника, поскольку в отличие от комбатантов не являются субъектами применения насилия в военном конфликте согласно определению IV Гагской конвенции. Ещё раз отметим, что вышеперечисленные правовые нормы относят весь интендантский персонал, а также военных юристов к числу некомбатантов.

В этой связи, важным, на наш взгляд, является аспект, который состоит в том, что ошибочное наделение статусом комбатанта или некомбатанта может породить заблуждение, в том числе и добросовестное, в правомерности действий воюющих сторон по отношению друг к другу.

К интендантскому персоналу можно отнести все тыловые подразделения, обеспечивающие войска продовольствием, боеприпасами, горюче-смазочными материалами и др. В свою очередь военных юристов можно разделить на две категории. К первой относятся юридические советники при командовании воинских частей, в обязанности которых входит правовое обеспечение военных действий. Ко второй — военнослужащие военных прокуратур и военных следственных органов.

¹ См., напр.: Арцибасов И.Н. Международное право (законы и обычаи войны). М., 1975. С. 26—27; а также: Международное право : учебник / отв. ред. Ф.И. Кожевников. М., 1987. С. 537; Батырь В.А. Международное гуманитарное право : учебник. М., 2011. С. 81; Лисовский В.И. Международное право. М., 1970. С. 400; Полторак А.И., Савинский Л.С. Вооруженные конфликты и международное право. М., 1976. С. 239—240; Каламкарян Р.А., Мигачев Ю.И. Международное право : учебник. М., 2006. С. 642; Калугин В.Ю. Курс международного гуманитарного права. Минск, 2006. С. 133.

Одним из критериев, по которым определяют статус комбатанта или некомбатанта, является тот факт, что данные лица должны входить в состав вооруженных сил воюющей стороны. Под такой критерий попадают юридические советники, поскольку являются помощниками командиров воинских частей по правовой работе. В свою очередь военнослужащие военных прокуратур и военных следственных органов в состав Вооруженных Сил не входят, а состоят в штате Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Следственного комитета Российской Федерации соответственно.

В настоящее время актуальным видится определить правовой статус отдельных категорий военнослужащих военной полиции, проведя его сравнительный анализ с вышеперечисленными субъектами.

Так, дознаватель военной полиции имеет схожие полномочия со всеми военными юристами, то есть в области обеспечения законности — с военной прокуратурой; в области реализации полномочий дознания — в военными следственными органами, и с юридическими советниками — как выполняющий функции помощника по правовой работе, только не в воинской части, а в органах или подразделениях военной полиции.

Следующим критерием, определяющим категорию участника вооруженного конфликта, применительно к правовому статусу военных полицейских, является наличие форменного обмундирования, позволяющее определить принадлежность лица к одной из воюющих сторон и открытое ношение огнестрельного оружия. Однако, согласно Уставу военной полиции, при выполнении военной полицией отдельных задач и функций, военнослужащие могут быть одеты в гражданскую форму одежды (ст. 71 УВП ВС РФ). В таком случае данный критерий не применим.

Авторы учебника «Право вооруженных конфликтов» относят юридических советников, не принимающих непосредственного участия в вооруженном кон-

фликте, к некомбатантам¹.

В этой связи, пожалуй, главным критерием для определения воюющих и невоюющих участников будет являться понятие «непосредственное участие в боевых действиях».

Большая часть военнослужащих армий мира, ведущих боевые действия как раз не принимают непосредственного участия в боевых действиях, а выполняют вспомогательные, обеспечивающие функции, в том числе пребывая в резервных подразделениях в готовности сменить других. Хотя военная история знает и другие примеры, когда органы правопорядка принимали непосредственное участие в боевых действиях. Примером этого может служить Директива НКВД СССР от 7 июля 1941 г., согласно которой личный состав органов милиции в любое время и в любой обстановке должен быть готов самостоятельно или совместно с подразделениями РККА к выполнению боевых задач по борьбе с диверсантами, парашютными десантами и армейскими частями противника².

Понятие «непосредственное участия в боевых действиях» в правовых актах, имеющих уровень международных договоров, отсутствует. Однако данное определение имеется в Руководстве по толкованию понятия прямого участия в боевых действиях в соответствии с международным гуманитарным правом, разработанным Международным Комитетом Красного Креста³. Стоит сразу оговориться, что данный правовой акт не является обязательным, а носит рекомендательный и разъяснительный характер.

Согласно данному документу, непосредственное участие в боевых действиях будет заключаться в поддержке одной стороны в конфликте путём прямого причинения вреда другой стороне, либо повлек-

шие ранение или гибель противника, разрушение военной инфраструктуры, либо наносящие прямой ущерб проведению военных операций.

Косвенное участие в боевых действиях будет заключаться в поддержке одной из сторон, но не наносящей прямого ущерба противнику. Примером косвенного участия могут быть: производство и доставка вооружения, строительство военных объектов, предоставление иной помощи.

Российское ведомственное законодательство (Наставление по международному гуманитарному праву в Вооружённых Силах Российской Федерации утв. приказом Министра обороны Российской Федерации от 8 августа 2001 г. № 360) делит все стороны на воюющие и невоюющие. При этом, к невоюющим относится медицинский и духовный персонал. В соответствии с п. 1 указанного нормативного правового акта комбатанты имеют право принимать непосредственное участие в боевых действиях и в случае захвата противником получать статус военнопленного. Кроме этого, к военнопленным относятся захваченные противником личный состав ополчений и добровольческих отрядов, включая личный состав организованных движений сопротивления, принадлежащих стороне, находящейся в конфликте. Таким образом, про лиц из состава вооружённых сил, не принимающих непосредственного участия в конфликте, ничего не говорится.

Вместе с тем, Наставлением предусмотрено, что остальные участники вооружённого конфликта, хотя по смыслу и не являются комбатантами и соответственно не имеют статуса военнопленных, находятся под защитой международного гуманитарного права. К данным участникам относятся медицинский и духовный персонал, парламентарии и сопровождающие их лица, персонал гражданской обороны, персонал, отвечающий за защиту и охрану культурных ценностей, персонал, участвующий в гуманитарных акциях. Нападение на таких лиц запрещается.

Важным в военных конфликтах, с точки зрения права, становится установление различия между «непосредственным» и «косвенным» участием. Исходя из данных

¹ Право вооружённых конфликтов : учебное пособие. М.: РГУП, 2019. С. 88.

² Советская милиция: история и современность (1917—1987 гг.) / под ред. А.В. Власова. М., 1987. С. 160.

³ Сайт Международного Комитета Красного креста. URL: <https://www.icrc.org/en/publication/0990-interpretive-guidance-notion-direct-participationhostilities-under-international>.

определений, можно сказать, что военнослужащие военной полиции в большей степени не принимают непосредственного участия в боевых действиях. Но опять же стоит сразу оговорить, при каких именно задачах это происходит. Если условно выделить задачи правоохраны (обеспечение законности и правопорядка в войсках), то вряд ли мы сможем отнести это к непосредственному участию в боевых действиях. Скорее, это будет косвенное участие, поскольку обеспечение правопорядка больше сравнимо с другими видами обеспечения, например, материально-техническим, психологическим, медицинским и др.

Однако, если мы возьмём выполнение военной полиции такой функции, как борьба с разведывательно-диверсионными группами, то здесь очевидно, что данные задачи подпадают под понятие непосредственного участия в боевых действиях, поскольку при их выполнении может быть допущено уничтожение, ранение или взятие в плен человека.

Также следует рассмотреть ещё одну спорную ситуацию, связанную с выполнением функций охраны военных объектов и пунктов управления. При выполнении данных функций военнослужащие военной полиции, охраняя, например, командный состав Вооружённых Сил, не причиняют прямого вреда противнику, соответственно не принимают непосредственного участия и не являются комбатантами согласно логике международного гуманитарного права. Однако при нападении на охраняемый объект военнослужащие военной полиции становятся законной целью. Получается двусмысленная ситуация, при которой не-комбатант (военный полицейский) становится законной целью.

А что понимают под законной военной целью?

Данное понятие в международном законодательстве отсутствует. Вместе с тем, в «Гаагском праве» и в «Женевском праве» содержатся общие правила ведения войны, где нападению подлежат только военные объекты. Однако любой объект может впоследствии стать военным, поскольку может использоваться в военных целях.

Именно такая ситуация чаще имеет место в современных военных конфликтах.

Стоит отметить, что Протокол I защищает гражданские объекты от нападения, в ст. 52 которого говорится следующее: «Что касается объектов, то военные объекты ограничиваются теми объектами, которые по своему характеру, расположению, назначению или использованию вносят эффективный вклад в военные действия и полное или частичное уничтожение, захват или обезвреживание которых в обстоятельствах того времени дают определённое военное преимущество».

Кроме этого, в ст. 56 Протокола I перечислены только некоторые объекты, не подлежащие нападению (плотины, дамбы и больницы), но с последующей оговоркой, что в случае их использования в военных целях они приобретают статус военных объектов.

Таким образом, любое нападение должно быть оправдано военной необходимостью: нападение или действие должно быть направлено на то, чтобы помочь в военном разгроме противника, оно должно быть нападением на военный объект. Об этом говорит также и российское законодательство.

Так, согласно п. 76 Наставления по правовой работе в Вооружённых Силах Российской Федерации (утв. приказом Министра обороны Российской Федерации от 3 декабря 2015 г. № 717) в обязанности юридического советника входит консультирование командира о вариантах выполнения задач с учетом наименьшей опасности для гражданского населения и объектов. Также в данном пункте сказано о праве командира сменить иммунитет или изменить их статус, а также использовать их в случаях военной необходимости в строгом соответствии с нормами международного гуманитарного права.

Командир (начальник) в ходе боевых действий должен убедиться в военном характере объектов и целей и принять все возможные меры предосторожности при выборе способов и средств поражения, чтобы избежать случайных потерь среди гражданского населения и случайного ущерба гражданским объектам либо свести

их к минимуму (п. 78 Наставления).

В этой связи обращает на себя внимание ещё одно понятие — «сопутствующий ущерб» или «сопутствующие потери». Его также нет в международном законодательстве. Обычно под ним понимают гибель гражданских лиц или уничтожение гражданской инфраструктуры, носящие случайный характер.

В последнее время в средствах массовой информации, а также в комментариях государственных должностных лиц стало встречаться словосочетание «законная военная цель». Трактовка данного понятия понимается по-разному, в связи с чем в него входят как поставки вооружения одной из воюющей сторон условно нейтральными странами, так и гражданские объекты, частично используемые вооруженными силами, например, объекты критической инфраструктуры, в частности, энергосистемы.

Заместитель Председателя Совета Безопасности Российской Федерации Д.А. Медведев, отвечая на вопрос: «Что считать законными военными целями?», отметил, что в данное понятие входят:

1) любые войска противника (законные комбатанты и незаконные комбатанты), которые официально не выведены из состава его вооружённых сил;

2) любая военная и вспомогательная техника противника;

3) любые объекты, относящиеся к военной инфраструктуре, равно как и к гражданской инфраструктуре, способствующей достижению военных целей (мосты, транспортные станции, дороги, объекты энергетики, заводы и мастерские, хотя бы частично исполняющие военные заказы, и пр.);

4) военно-политическое руководство страны-противника;

5) вооружённые силы других стран, официально вступивших в войну, которые являются союзниками страны-противника, и расположенные на их территории объекты, упомянутые в п.1—4¹.

Соглашаясь с мнением Д.А. Медведева, понятие «законная военная цель» мож-

но сформулировать как объект, относящийся к военной или гражданской инфраструктуре, но используемый как вспомогательный, личный состав военизированных формирований противника, вне зависимости от их правового статуса и участия в конфликте (непосредственного или косвенного), а также военные объекты иностранных государств, находящихся на территории противника.

Таким образом, обосновывая ранее озвученную нами позицию касательно комбатантов и некомбатантов в военных конфликтах, ещё раз отметим, что все военнослужащие вооруженных сил противника должны считаться законными военными целями, а равно комбатантами.

Вместе с тем нужно сказать, что грань между такими понятиями как «законная военная цель», «сопутствующий ущерб» и «реально причиненный ущерб», может быть очень тонкой. В качестве примера можно привести предприятия, производящие в большей своей доле гражданскую продукцию, выпускающие детали (элементы), которые имеют либо двойное назначение (гражданское и военное, например, детали для самолетов или микроэлектроника), либо частично входят в состав более крупного изделия военного назначения. Можно ли будет атаковать такой объект? По нашему мнению, каждая такая цель должна уточняться отдельно в каждом конкретном случае.

Об этом частично говорит Протокол I, что если неясно, к какой именно категории относится объект, то стороны в конфликте должны быть осторожны (ст. 52 Протокола: «В случае сомнения в том, что объект, обычно предназначенный для отправления культа, дом или другое жилище, или школа используются для эффективного участия в военных действиях, предполагается, что они не используются таким образом»).

В российском законодательстве встречается такое понятие, как «участие в боевых действиях», в частности, для наделения военнослужащих статусом ветерана боевых действий (ст. 3 Федерального закона от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах»). При этом судебная практика относительно данного вопроса содержит по-

¹ URL. https://t.me/medvedev_telegram/232.

нятие «непосредственное участие в боевых действиях» и, не раскрывая его, одновременно устанавливает обязанность лица, претендующего на право получения удостоверения ветерана боевых действий, доказать своё непосредственное участие¹.

Понятия «военные действия» и «боевые действия» впервые отражены в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы».

Так, военными являются действия, которые ведет Российская Федерация в военное время по отражению вооруженного нападения на неё другого государства или группы государств, а также в случае необходимости выполнения международных договоров.

В понятие «боевые действия», согласно вышеупомянутому источнику, входит применение Вооружённых Сил, других войск, формирований и органов, которое охватывает все виды вооружённого противоборства, и иные случаи, в том числе операции по поддержания международного мира и безопасности, а также выполнение всех боевых (оперативных) задач, вне зависимости от периода. К видам вооруженного противоборства судом отнесены: войны, проведение контртеррористических операций, вооруженные конфликты, защита Государственной границы Российской Федерации.

Международно-правовой статус военных полицейских является более сложным по отношению к интендантскому персоналу и военным юристам. В первую очередь это связано с широтой решаемых ими задач. Так, с момента создания военной полиции, её военнослужащие принимали участие в выполнении задач, которые относятся к задачам гражданской обороны, например, эвакуация населения (ст. 61 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям (Протокол I)). Данные задачи выполнялись военнослужащими военной

полиции в вооруженных конфликтах в Сирийской Арабской Республике, Нагорном Карабахе, а также в зоне проведения специальной военной операции.

Согласно ст. 67 вышеупомянутого правового акта личный состав вооруженных сил, привлекаемых для выполнения таких задач, пользуется защитой. При этом необходимо выполнить ряд условий:

— такой личный состав выполняет задачи исключительно из области гражданской обороны, оговоренные в ст. 61 Протокола I;

— личный состав данных подразделений должен отличаться от других военнослужащих, то иметь международные отличительные знаки;

— иметь только лёгкое личное оружие с целью поддержания порядка или для самообороны;

— такой личный состав не должен принимать непосредственного участия в военных действиях;

— выполнять свои задачи по гражданской обороне только в пределах национальной территории своей стороны.

Военнослужащие военной полиции имеют отличительные красные береты и нарукавную повязку (ст. 276 УВП ВС РФ), что отличает их от других военнослужащих Вооруженных Сил. Однако отнести это к международным отличительным знакам нельзя.

Условие Протокола I, при котором данные задачи должны выполняться в пределах национальных территорий и при ситуации, когда действия по эвакуации населения будут проводиться российскими военными полицейскими на территории противника, то данная норма также не применима.

В заключении отметим, что некоторые позиции в международном гуманитарном праве, касающиеся правового статуса военных полицейских, а также некоторых отдельных категорий других военнослужащих, являются спорными, либо вовсе не имеют правового закрепления.

В этой связи для однозначного толкования и применения норм международного права подразделения военной полиции, входящие в состав воинских частей, а так-

¹ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 26 октября 2016 г. № 8-ПВ16.

же специально созданные структуры (отряды, батальоны и др.) и выполняющие задачи, аналогичные другим воинским подразделениям, например, охрана пунктов управления, сопровождение колонн, а также задач в области территориальной обороны, представляется правильным считать их полноценными комбатантами.

В свою очередь, лица, входящие в состав вооруженных сил и выполняющие задачи по обеспечению, в том числе правопорядка (за исключением духовного и медицинского персонала), также должны быть причислены к комбатантам без каких-либо ограничений, поскольку находятся в составе других подразделений Вооруженных Сил и разделение данных функций является сложным для обеих сторон конфликта.

Международное гуманитарное право выделяет именно военнослужащих вооруженных сил стран как основную субъектную группу, а представители вооруженных сил являются законными комбатантами и в соответствии с этим имеют право на военный плен в случае попадания во власть противника.

Военнослужащие военной полиции в соответствии с Федеральным законом от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» наделены статусом военнослужащих, входят в состав Вооруженных Сил. В соответствии с УВП ВС РФ военнослужащие военной полиции могут быть привлечены к участию в ведении территориальной обороны (п. 40 ст. 20 Устава), что делает их полноценными комбатантами в соответствии с нормами международного права (ч. 2 ст. 43 (Протокол I), касающимися защиты жертв международных вооруженных конфликтов.

В этой связи следует согласиться с мнением А.О. Цветкова, который относит данную норму ко всем лицам, проходящим военную службу, т.е. личный состав армии, ФСБ России, СВР России, военной полиции, Росгвардии и МЧС России¹.

Таким образом, в международном пра-

ве существуют критерии, по которым военнослужащих военной полиции можно отнести как к комбатантам (непосредственное участие в боевых действиях), так и к некомбатантам (косвенное участие в боевых действиях). Однако выполнение военной полицией функций в условиях боевых действий могут быть трудно различимыми, в связи с чем необходимы более четкие и логические критерии, приравнивающие всех военнослужащих воюющих сторон к комбатантам.

Библиография

1. Алиев, Ш.М. К вопросу об определении правового статуса участников вооруженных конфликтов / Ш.М. Алиев // Вестник Московского университета. — Сер. 11. Право. — 2014. — № 6. — С. 92—100.
2. Батырь, В.А. Международное гуманитарное право : учебник / В.А. Батырь. — М.: Юстицинформ, 2011. — 687 с.
3. Каламкарян, Р.А. Международное право : учебник / Р.А. Каламкарян, Ю.И. Мигачев. — Москва : Эксмо, 2006. — 735 с.
4. Калугин, В.Ю. Курс международного гуманитарного права / В.Ю. Калугин. — Минск, 2006. — 494 с.
5. Лисовский, В.И. Международное право : учебник / В.И. Лисовский. — Москва: Высш. школа, 1970. — 438 с.
6. Международное право. Законы и обычаи войны : учебное пособие / Арцибасов И.Н.; под ред.: Корольков Н.Н., Шанин В.И. — М., 1975. — 298 с.
7. Минтягов, С.А. Деятельность военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации в военное время: правовой аспект / С.А. Минтягов // Военное право. — 2022. — № 1 (72). — С. 34—41.
8. Минтягов, С.А. Применение военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации в специальной военной операции / С.А. Минтягов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 12 (305). — С. 94—101.
9. Минтягов, С.А. Некоторые правовые аспекты правоприменения в деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации в специальной военной операции / С.А. Минтягов // Военное право. — 2023. — № 1 (77). — С. 143—152.
10. Минтягов, С.А. Правоохранительная деятельность военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации : монография / С.А. Минтягов. — Москва : ИНФРА-М, 2023. — 318 с.
11. Полторац, А.И. Вооруженные конфликты и международное право / А.И. Полторац, Л.С. Савинский. — Москва : Наука, 1976. — 416 с.
12. Право вооруженных конфликтов : учебное пособие / [О.Г. Безбабнов, О.С. Бондаренко, В.В. Ершов и др.]; под редакцией О.Г. Безбабнова и

¹ Цветков А.О. Особенности правового статуса сотрудника полиции в условиях вооруженного конфликта // Полицейская деятельность. 2021. № 2.

профессора В.В. Ершова. — Москва : РГУП, 2019.
— 185 с.
13. Цветков, А.О. Особенности правового ста-

туса сотрудника полиции в условиях вооруженного
конфликта / А.О. Цветков // Полицейская деятель-
ность. — 2021. — № 2.
